

Chicken Soup
for the Soul.

КУРИНЫЙ БУЛЬОН для души

101 ИСТОРИЯ О ЛЮБВИ

которая
открывает
сердце
и исцеляет
душу

БОЛЕЕ
500 000 000
ПРОДАННЫХ
КНИГ

ДЖЕК КЭНФИЛД, МАРК ВИКТОР ХАНСЕН & ЭМИ НЬЮМАРК

Предисловие Кристи Ямагучи и Брет Хедикэн

**Джек Кэнфилд, Марк Виктор
Хансен, Эми Ньюмарк**

**Куриный бульон для души. 101
история о любви**

JACK CANFIELD, MARK VICTOR HANSEN, AMY NEWMARK
Chicken Soup for the Soul: True Love 101 Heartwarming and
Humorous Stories about Dating, Romance, Love, and Marriage.

© Новикова И. В., перевод на русский язык, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Как все начиналось

Ваша рукопись, которую только что завернул очередной редактор, – ценная посылка. Не считайте ее отвергнутой. Считайте, что вы написали на ней «редактору, который сможет оценить мою работу» и что ее вернули назад со штампом «не по адресу». Просто продолжайте искать правильного адресата.

Барбара Кингсолвер

Всю свою жизнь я проработал учителем – сперва учителем старших классов, а последние 40 лет – спикером и тренером в области человеческого развития. По две недели в месяц я бываю в разъездах – перелетаю из города в город и провожу однодневные семинары и недельные курсы обучения.

Я с малых лет понял: хочешь, чтобы твою концепцию или принцип запомнили, – проиллюстрируй ее волнующим рассказом. Поэтому я всегда собирал и использовал множество историй. Они помогали мне внедрять в сознание людей основные правила: действовать с любовью, верить в себя и свои цели, всегда следовать сердцу, доверять интуиции, ставить высокие цели, преодолевать препятствия и никогда не предавать мечту.

В 1991 году случилась странная штука. Как-то раз кто-то спросил у меня: «Та история про девочку-скаута, которая продала 3526 коробки печенья за год, – она описана в книге? Дочка хотела ее прочесть». А на следующий день другой человек спросил: «Та история про мальчика и щенка – она взята из книги? Хочу прочесть ее сыну». И так продолжалось каждый день в течение месяца. «Я хочу прочесть своим подчиненным ту историю про мальчика с ампутированной ногой, который решил стать звездой тенниса. Я хочу доказать им, что у них нет никаких оправданий, чтобы не добиться успеха». «Ту историю про парня, который обгорел при аварии на мотоцикле, можно найти в книге? Хочу послать ее сыну в колледж». День за днем мне задавали один и тот же вопрос: «Эту историю можно прочитать в книге?»

Однажды вечером я вылетел из Бостона в Лос-Анджелес, где я тогда

жил, и тут меня осенило. Все происходило так, будто Бог стучал мне по голове и говорил: «Проснись! Ты должен поместить все собранные истории в одну книгу!» За время полета я составил список всех историй, какие я использовал на семинарах. Когда мы приземлились в Лос-Анджелесе, в нем было 70 историй.

Той ночью я дал себе слово записывать по две истории из списка каждую неделю. И вот каждый вечер примерно с десяти до полуночи я работал над рассказом – записывал и переделывал его, пока не оставался им доволен. Спустя примерно год я разделался с 70 историями из списка, составленного в самолете, плюс еще несколько я добавил в течение года.

Как-то я завтракал со своим приятелем Марком Виктором Хансенем, и он спросил, не работаю ли я над чем-нибудь интересным. Я рассказал ему про книгу, и Марк тут же сказал:

– Пожалуй, я бы поработал над книгой вместе с тобой».

– Но, Марк, – сказал я, – я почти закончил. Зачем мне это?

– Все просто, – отвечал он. – Во-первых, я считаю, что у тебя должна быть 101 история, а не 75. Когда я проходил стажировку в Индии, я узнал, что число 101 означает завершение. Во-вторых, некоторые из твоих лучших рассказов ты изначально узнал от меня. И в-третьих, я кое-что смыслю в маркетинге и продвижении, и вместе мы могли бы составить отличную команду.

Я сказал Марку, что если он добавит от себя остальные 26 историй и если мы и вправду поладим, – то, пожалуй, я не стану возражать. Мне нравился Марк, и я знал его как непревзойденного продавца и промоутера. Верный своему слову, меньше чем через месяц Марк появился с недостающими рассказами – вместе их получилось 101. Теперь нам оставалось продать книгу издателю.

Спустя примерно неделю на вечеринке в Палм-Спрингс, штат Калифорния, мы познакомились с Джеффом Херманном, литературным агентом. Мы рассказали Джеффу о книге, и идея пришлась ему по душе. Он спросил, как мы хотим ее назвать. Странное дело – мы были так заняты самой книгой, что нам не пришло в голову об этом задуматься. Мы тут же, прямо на вечеринке, провели мозговой штурм, но ни один из вариантов не передавал сути книги. Поскольку мы с Марком оба люди вдумчивые, мы условились каждое утро на следующей неделе не меньше получаса тратить на поиски названия.

Первые два дня прошли совершенно впустую. Ничего не приходило в голову обоим. Затем на третье утро, пока я медитировал, – я неожиданно увидел образ огромной зеленой доски, на которой пишут в школе мелом.

Потом появилась рука – я вообразил, что это рука Бога, – и написала на ней слова *Куриный бульон*. Я сказал:

– Что за чушь, какая связь между куриным бульоном и книгой?

Ответ был:

– Когда в детстве ты болел, бабушка кормила тебя куриным бульоном.

– Разве книга для больных людей? – возразил я.

– Человеческий дух болен. Люди живут в покорности, страхе и без надежды. Книга поможет им встать с колен.

Я прокручивал в голове услышанное. *Куриный бульон для духа*, – подумал я. И тут по моей коже пробежали мурашки. *Куриный бульон для души: маленькие истории, которые учат жить!* О, мне это понравилось. Я ликовал. Тотчас я побежал рассказывать об этом жене. Она почувствовала то же самое. Потом я позвонил Марку, и он тоже ощутил мурашки. Как Марк объяснил мне позже, его друзья называют это «божественными мурашками»: они означают, что человек переживает божественное вдохновение. Я не мог с этим не согласиться.

Мы связались с нашим агентом, и ему понравилась моя идея. Имея при себе книгу с готовым названием, мы двинулись в Нью-Йорк, где спустя несколько очень холодных и ветреных февральских дней встретились с рядом издателей, чтобы обговорить условия продажи рукописи.

Увы – никто из тех, с кем мы встречались в Нью-Йорке, не ощутил мурашек на коже. Раз за разом нам сообщали, что сборники коротких рассказов не продаются, что рассказы слишком слащавые, слишком оптимистичные, слишком позитивные и что название, которое успело превратиться в *Куриный бульон для души*: 101 история, которая открывает сердце и исцеляет душу, – глупое.

Огорченные, мы вернулись в отель и готовились уже лететь обратно в Южную Калифорнию. Но перед отъездом мы отправились в собор Святого Патрика на Пятой авеню. Ни один из нас не был католиком, и все же мы поставили свечку и помолились Богу, чтобы Он помог нам найти издателя.

Спустя несколько недель позвонил агент и сказал, что после нашей поездки в Нью-Йорк он говорил еще с несколькими издателями и все они также нам отказали. Он возвращает книгу, поскольку уверен, что не сможет ее продать.

Мы спросили, что нужно издателям, чтобы они захотели выпустить книгу. Он ответил: «Они должны быть уверены, что смогут продать 20 000 экземпляров. Это убедит их вложить деньги в редактуру, производство, печать, дистрибуцию и рекламу книги».

И тут у нас с Марком появилась идея. Поскольку мы выступали по

несколько раз в неделю перед большими группами людей – порой их число достигало 1000, – можно было оформить предварительный заказ. Попросить наших слушателей подписать соглашение о покупке как минимум одного экземпляра книги, когда она выйдет из печати.

Следующие несколько месяцев мы раскладывали то, что называли «бланком предварительного заказа», на каждый стул в каждом зале, где нам приходилось выступать. По окончании выступления или семинара мы просили заполнить бланк: проставить фамилию, адрес и написать, сколько экземпляров человек обещает купить. Поскольку мы рассказывали множество историй на наших презентациях, люди представляли себе, что они получают, и включались в дело. Рэймонд Аарон, наставник и тренер по развитию успеха из Канады, даже заявил о намерении купить 1700 экземпляров – по одному для каждого из своих учеников, – когда книга будет издана. (К нашей радости, он выполнил обещание.) Через короткое время у нас оказалось несколько коробок, набитых заполненными бланками, причем общее число заказанных книг составило более 20 000 экземпляров! К этому моменту мы получили почти 100 отказов практически от всех крупнейших издателей Америки.

Теперь мы уже были одержимы идеей издать книгу. По отзывам участников семинаров мы знали, что наши истории вдохновляют, исцеляют, мотивируют и трансформируют, и мы решили во что бы то ни стало донести их до читателя. Не важно, сколько еще отказов мы получим, – мы не собирались сдаваться.

Как-то раз один наш знакомый предложил нам заглянуть на съезд Американской ассоциации книгопродавцев в Анахайме, штат Калифорния. Там присутствовало более 4 000 издателей, и мы могли запросто подойти к их стендам на выставке и спросить, не нужна ли им наша рукопись. И вот мы отправились на съезд в Анахайме с парой рюкзаков, где были 30 переплетенных копий с нашими лучшими рассказами.

Два долгих дня мы бродили по залам. Под конец наши ноги ныли, а головы отупели от повторения одних и тех же коммерческих предложений. «Мы уверены, что книга будет продаваться, потому что уже собрали письменные заверения о покупке 20 000 экземпляров», – говорили мы, показывая пачки заполненных бланков. По непонятным причинам нам не удавалось добиться внимания. Мне кажется, такие, как мы, были для них в диковинку. Никому еще не приходило в голову собирать письменные обязательства о покупке книги. Возможно, нам просто не верили, что мы и впрямь собрали 20 000 формуляров.

Однако к концу второго дня Питер Вегсо и Гари Сейдлер, владельцы

небольшого издательства NSI во Флориде, согласились взять один экземпляр рукописи, чтобы прочесть по возвращении домой. К нашему восторгу, через пару недель Питер и Гари нам позвонили. «Ваша книга заставила нас плакать и смеяться. Она нам понравилась, и мы хотим ее издать». Они даже признались, что при чтении у них мурашки бежали по коже!

Мы спросили, сколько, по их мнению, экземпляров книги они рассчитывают продать.

– Может, 25 000 экземпляров, если повезет, – отвечали они.

– У нас другое мнение, – сказали мы. – Мы намерены продать 150 000 экземпляров к Рождеству и полтора миллиона за полтора года.

Мы услышали смех на другом конце провода. Они решили, что мы окончательно спятили.

Книга вышла в свет в конце июня 1993 года. Все те, кто хотел, купили ее, но затем продажи несколько застопорились. Мы с Марком навестили нашего многоумного друга Рона Сколастикко и попросили у него совета. Он сказал нам: «Если нужно срубить дерево топором и вы будете ежедневно наносить по нему по пять сильных ударов – со временем даже самое большое дерево в лесу упадет на землю».

После этого мы с Марком придумали «Правило пяти». Мы договорились, что будем ежедневно делать по пять активных шагов по продвижению и продаже книги. В одни дни мы рассылали по пять экземпляров книжным обозревателям в газеты. В другие мы звонили в пять компаний по сетевому маркетингу и спрашивали, не купят ли они несколько книг для стимулирования своих распространителей. Однажды мы даже послали целую пачку книг членам жюри на процесс О. Дж. Симпсона^[1]. Спустя неделю мы получили любезное письмо от судьи Ито, в котором он благодарил нас за подарок. Впоследствии об этом узнали журналисты, и мы заработали некоторую известность.

Мы услышали смех на другом конце провода. Они решили, что мы окончательно спятили.

Как-то раз я заметил небольшую красную книжечку на контрольном столике в моем супермаркете. Она называлась «Книга адресов знаменитостей», и в ней были адреса и телефоны теле- и кинозвезд. Я купил ее, и в течение нескольких недель мы ежедневно рассылали по пять экземпляров книги голливудским звездам в надежде, что книга им понравится и они порекомендуют ее своим друзьям и поклонникам.

Одна книга попала в руки продюсера телепередачи «Прикосновение

ангела». Книга ей так понравилась, что она посоветовала всем сценаристам, актерам и даже персоналу ее прочесть. История эта была рассказана голливудским репортером и затем передавалась по всей стране, что сделало нас еще более известными.

В итоге мы сумели продать 135 000 экземпляров к Рождеству и 1,3 миллиона через полтора года. Со временем книга, которую отвергли 144 издательства, была продана в количестве десяти миллионов экземпляров. Наш издатель перестал смеяться. Он предложил нам написать продолжение. К его удивлению, мы были согласны. Когда книга уже отправлялась в печать, он сообщил, что из-за особенностей формата в самом конце осталось несколько пустых страниц. Издатель спросил, не хотим ли мы что-то на них написать. Мы поместили там следующий абзац:

Раскройте свое сердце всему миру. Если у вас есть история, стихотворение или статья (ваша или чья-то еще), которая, как вам кажется, подойдет для следующего издания «Куриного бульона для души», просим выслать ее нам.

Мы и не предполагали, какой это вызовет отклик. Ежедневно к нам приходили сотни писем. Казалось, каждый хотел поделиться с нами своей историей. Не все из них годились для книги, но мы получили немало достойных рассказов, которые легли в основу первых шести книг в серии.

Позже Марси Шимофф^[2] предложила нам составить книгу рассказов для женщин. Так появился «Куриный бульон для женской души». Затем моя сестра Кимберли Кирбергер задумала книгу рассказов для подростков – и родилась серия «Куриный бульон для подростковой души». Доктор Мартин Бекер, ветеринар, выдвинул идею собрать книгу рассказов для любителей животных. Вместе со своим партнером-писателем Кэрол Клайн он запустил еще одну линейку серии. Остальное, как говорится, уже достояние истории.

Несколько лет спустя после первой публикации «Куриного бульона для души» мы узнали от нашего первого издателя Питера Вегсо, что в феврале 1992-го он тоже оказался в Нью-Йорке и был глубоко озабочен резким спадом своего бизнеса. Он также отправился в собор Святого Патрика, поставил свечу и помолился, прося Бога послать ему автора или книгу, которая бы поставила компанию на ноги. Когда он поделился с нами этой историей, у нас снова пробежали мурашки по коже!

Джек Кэнфилд

Предисловие

Кристи: Все любят истории о настоящей любви, и мы безумно рады стать частью особой семьи, оказаться среди тех, кто участвовал в создании этой восхитительной серии книг *Куриный бульон для души*. Это не первый мой опыт: я уже поделилась историей о том, как начала заниматься спортом, для книги *Куриный бульон для детской души 2*, а моя мама рассказала историю о моей карьере в фигурном катании для книги *Куриный бульон для души поклонников спорта*.

Коньки – это здорово, но настоящая любовь – еще лучше! В конце концов, это то, к чему все мы стремимся. Брет и я счастливы, у нас все это есть – отличная карьера, крепкий брак и прекрасная семья. Но этого могло и не случиться...

Брет: Мы познакомились в 1992 году на Олимпиаде, когда я играл за хоккейную сборную, а Кристи в команде фигуристов выступала за Соединенные Штаты. Она получила золотую медаль. Нэнси Керриган и Кристи оказались тогда на встрече среди других членов американской команды. Кристи произвела впечатление на всех – она была так взволнована и счастлива находиться там и наблюдать за хоккейной командой и игроками, быть частью происходящего.

Кристи: Там было около двадцати пяти хоккеистов, и я запомнила некоторых из них, но Брета в их числе не было. Когда мы увиделись несколько лет спустя в Ванкувере, он сказал мне, что мы уже встречались на Олимпийских играх. И мне пришлось вернуться в прошлое и просмотреть фотографии, чтобы убедиться, что он действительно был там.

Хоккеист был последним в списке спортсменов, с которыми я мечтала сходить на свидание. Хоккеисты – это вообще другая порода, отличающаяся от фигуристов. Когда я была маленькой, мы вечно боролись с хоккеистами за время, поскольку делили один каток.

Брет: Да, мы были так себе.

Кристи: Это было довольно забавно, потому что, когда мы увиделись снова в тот раз, со мной был один из моих хореографов, и он сказал, что этот симпатичный парень постоянно наблюдал за мной. Я была так смущена, будто снова оказалась в начальной школе.

Мы встречались около трех лет, прежде чем Брет сделал мне предложение. Это случилось на Рождество. Я тогда жила в Области залива

Сан-Франциско, а Брет находился в Ванкувере и играл за «Ванкувер Кэнакс», так что в нашем распоряжении было лишь полтора дня, а если точнее – сорок часов! Брет позвонил мне и сказал, что опоздал на самолет. Это известие меня не обрадовало. В Ванкувере была снежная буря, и машина Брета не заводилась, и не было доступных такси, поскольку они не приспособлены ездить в такой снегопад.

Брет: Мы обычно встречали Рождество с семьей Кристи, и я мечтал о тихом сочельнике: за столом только Кристи и я, и я делаю ей предложение. Но приехав, я обнаружил, что Кристи пригласила свою сестру и брата. Я отвел в сторону сестру Кристи и сказал ей, что у меня в кармане кольцо и что ей надо уйти сразу после ужина.

Кристи: Он все еще чувствовал себя виноватым за опоздание, так что мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что происходит. Но в итоге все закончилось на самом верху гостиницы «Марриотт» в центре Сан-Франциско, где он и попросил моей руки. Разумеется, я сказала «да».

Наши родители были взволнованы этой новостью, и мы решили, что у нас будет тихая семейная свадьба на Гавайях. По традиции моя многочисленная семья проводила каникулы на Большом острове на Гавайях – двадцать пять или тридцать человек на Орчид-Мауна-Лани. Мы обожали это место и думали, что маленькая свадьба придется в самый раз.

Вы можете догадаться, что произошло. До свадьбы оставалось больше года, родственники могли спланировать свой отпуск где-нибудь в этих числах, и в итоге почти сто процентов приглашенных подтвердили свой приезд. Пришло более трехсот человек. Мы сняли целый отель. Это было волшебство. И все превратилось в пятидневное празднество, гости приехали раньше, и ко дню церемонии в субботу все уже знали друг друга.

Брет: На приеме я заработал дополнительные очки, когда исполнил серенаду своей невесте, спев песню Боба Дилана «Make You Feel My Love». Позже я видел заметку Скотта Гамильтона в «People Magazine», который писал, что все женщины в комнате плакали в тот момент.

Кристи: Это было в 2000 году, и три года спустя у нас родился первый ребенок – малышка Кеара, а затем, еще два года спустя, – Эмма. Наши дочери – самое великое наше достижение. Эта минута, когда вы становитесь родителями, очень сближает вас и еще сильнее укрепляет связь между вами. Вы лучше осознаете те ценности, которые хотите исповедовать в своей семье. Начинаешь хорошо понимать своих собственных родителей – они проделали огромную работу!

И пока наш брак еще довольно молодой, в сравнении со многими другими, нам по-настоящему близки истории из последней книги *Курино*

бульона для души, посвященной настоящей любви. Это очень смешно – читать о свиданиях, предложениях руки и сердца и свадьбах и вспоминать наши собственные свидания и свадьбу. И мы обожаем истории, написанные людьми, прожившими долгое время вместе, о том, как им удалось сохранить свою любовь. Некоторые истории ужасно смешные, а некоторые могут вызвать и слезы. В книге каждый найдет что-то свое, даже вы, мужчины. Мы, жены, знаем, что вы втайне тоже обожаете хорошие истории о любви, правда ведь, Брет?

Брет: Да, дорогая.

Кристи Ямагучи и Брет Хедикэн

Вступление

Мой любимый сын, студент последнего курса института, вот уже долгое время встречается с прекрасной девушкой. И у него очень интересный взгляд на отношения: он видит их как некий механизм, такую коробку с шестеренками, которые вначале, как все новое, работают слаженно и дружно. По мере износа шестеренки притираются, но их края немного стачиваются и кое-где заедают. Проходит еще время, и шестеренки уже не такие блестящие и новые, но в результате притирки начинают работать еще лучше. Да, иногда в коробку может попадать мусор, и его нужно постоянно вычищать: если мусор накапливается, то починить механизм очень сложно.

Отношения похожи на механизм с шестеренками. Со временем они теряют первоначальный блеск и изнашиваются, может быть, даже ломаются. Но если ухаживать за механизмом, шестеренки притираются и работают еще слаженней.

Очень редко, но все же так случается, что в коробку попадает посторонняя частица металла. Если за механизмом следят, то серьезной поломки не случится: шестеренки продолжат работу, и частичка металла может оставить неизгладимый след на стенках коробки, но не остановить работу. Может случиться и так, что шестеренка погнется или отколется один из ее зубьев, но правильно обслуживаемый механизм переживет и это: шестеренки снова притрутся друг к другу, и потери будут незаметны.

Поломку, не поддающуюся восстановлению, можно сравнить с разрывом или разводом. Тогда надо запускать новый механизм и начинать сначала.

Книга «Куриный бульон для души: 101 история о любви» – это собрание вдохновляющих историй о встречах, свиданиях, романтике, любви и семье: все, начиная с первого свидания и влюбленности, предложений и свадеб до вторых шансов, поздней любви и долгой совместной жизни. Не важно, на каком этапе жизни вы находитесь сейчас, – ищете свою любовь, уже нашли и у вас прекрасные отношения со второй половинкой, хотите ли что-то изменить в отношениях, – на этих страницах вы обязательно найдете то, что подходит именно вам. Ведь это истории самых настоящих людей и их отношений, которыми они делятся с

вами.

Мы вместе с младшим редактором, Диэтт Корона, провели немало веселых часов, читая присланные истории. В конце концов, все любят истории о настоящей любви. Мы смеялись и плакали, радостно соглашались и кипели негодованием – и как же расстроились, когда книга была закончена!

Теперь ваша очередь. Включайте «зажигание» и приготовьтесь к путешествию. Надеемся, наши истории помогут «настроить» ваш механизм отношений или подарить надежду на то, что следующий будет именно тем, который слаженно и без серьезных поломок проработает до конца ваших дней!

Эми Ньюмарк, издатель «Куриного бульона для души»

Глава 1. Как мы познакомились

Ты понимаешь, что влюбился, когда не можешь уснуть, потому что реальность наконец-то оказывается лучше любых снов.

Доктор Сьюз, детский писатель и мультипликатор

Девушка мечты

Гравитация не может отвечать за тех, кого любовь сшибает с ног.

Альберт Эйнштейн, физик-теоретик

Меня часто спрашивают, как я понял, что именно Кэтрин станет моей женой. Вот уже двадцать пять лет я отвечаю, что для меня все было ясно еще до того, как я узнал ее имя.

Эта история произошла одним ясным осенним днем, в мой первый день учебы в институте, фактически на первом занятии. Моим профильным предметом было театральное искусство, и первой парой стояло введение в профессию театрального актера. Куратор убедил меня записаться на этот курс, поскольку так я смог бы сразу познакомиться с теми, кто будет бок о бок учиться со мной все следующие четыре года.

И вот мы собрались: сорок шумных взволнованных подростков на своем первом в жизни университетском занятии. Никто не знал, что нас ждет. Друг друга мы не знали вовсе. Каждый намеревался доказать, что он талантливее остальных. Я пришел в аудиторию чуть раньше, чтобы рассмотреть всех своих сокурсников: симпатичную блондинку, рыжую красотку и миленькую брюнетку с подругой в последнем ряду. Я медленно продефилировал к последним рядам и занял место у окна, уверенный, что девчонки заметили: вот идет красавчик, которому предстоит сыграть все главные роли.

Естественно, на курсе введения в профессию актерская игра не требовалась. Это было именно «введение». Прочитав полтора часовую

лекцию об истории театра Запада, профессор объявил, что можно и немного попрактиковаться. Мы все, конечно, жаждали оказаться на сцене. И мы на нее попали. Потом ушли со сцены. Профессор просто собрал нас, отвел вниз, в главный зал, на сцену и за кулисы. Со всех сторон слышались разочарованные вздохи.

– Ладно, ладно, – сказал профессор, еле сдерживая улыбку. – Я знаю, что все вы, в будущем «оскароносцы», жаждете оказаться по другую сторону кулис (по иронии судьбы, один из студентов, присутствовавших на том занятии, действительно получил «Оскар»). Однако именно здесь начинается театр. Здесь будет проходить ваша основная работа. Ведь театр – это не только софиты и аплодисменты зрителей. Театр – это тяжелый труд. Только усердная работа приведет к результату. И, кстати, об усердии: ваше первое задание – очистить кладовку, а весь мусор с усердием отнести в контейнер на заднем дворе.

И снова раздались недовольные вздохи.

По правде говоря, задание не сильно меня расстроило, в отличие от девушек. Они специально нарядились, сделали безупречный макияж, маникюр и идеальные прически. Они собирались произвести впечатление и вовсе не планировали пачкать руки, занимаясь театральным искусством. Так что ребятам представилась отличная возможность покрасоваться, таская тяжелые вещи, оставив девчонкам мелочевку.

Мусорный контейнер стоял на парковке, то есть идти к нему предстояло через несколько коридоров и пожарную дверь. Нам пришлось в голову организовать работу «цепочкой». Первый студент брал вещь на складе, доносил до определенного места, где его ждал следующий, и так до последнего звена возле контейнера. Этим последним звеном оказался я.

Через двадцать минут я уже всю забрасывал вещи в контейнер. Блондинка, которую я заметил раньше, притащила метровую доску, которую я элегантно одной рукой забросил в контейнер. Рыженькая принесла кусок канвы, легко запущенный в контейнер через плечо. Но тут появилась Кэтрин. Правда, тогда я еще не знал, как ее зовут.

Кэтрин была той самой подружкой миленькой брюнетки в последнем ряду. Она, в отличие от многих, лекцию слушала и даже задала несколько вполне уместных вопросов. На ней была фланелевая рубашка и джинсы. Макияж практически отсутствовал. И, кстати, она была одной из тех, кто не стонал в отчаянии при новости об уборке.

Кэтрин несла задник^[3] размером метр на два. Конечно, нельзя сказать, что ноша была тяжелой, однако и не слишком удобной. Меня вообще удивило, что она добровольно согласилась нести что-то весом более

килограмма.

Я потянулся, чтобы перехватить у нее задник.

– Спасибо, детка, – сказал я, просто чтобы привлечь ее внимание.

– Да не за что, – ответила она. – Сама справлюсь.

Я включил свою лучшую улыбку:

– Я ведь уже здесь. Давай помогу.

Кэтрин покачала головой и вдруг сказала:

– Пригнись.

– Что?

Кэтрин повторила по слогам:

– При-гнись.

Контейнер, в который мы сбрасывали мусор, был вполне себе стандартным, с бортом на высоте двух – двух с половиной метров над землей. Поэтому я и представить не мог, что она задумала.

– Слушай, – обратился я к Кэтрин, – может, я просто?..

Именно в тот день, в полуприседе возле мусорного контейнера, я понял, что встретил девушку своей мечты.

Не успел я договорить, как Кэтрин обеими руками ухватила деревянную раму, размахнулась и метнула ее в контейнер. Едва успев присесть, я только и мог, что с ужасом наблюдать за проносящейся над моей головой конструкцией. Громкий стук оповестил нас о приземлении задника на дно контейнера. Я обернулся как раз вовремя, чтобы поймать тень улыбки на лице Кэтрин. Она кивнула мне, отряхнула руки и отправилась по своим делам. Я хорошо помню, как в полусогнутом положении смотрел ей вслед. Перед глазами все еще стояла летящая над моей головой рама, а я думал: «Надо же, какая сильная».

Именно тогда я узнал о своей будущей жене все, что хотел. Своим поступком она продемонстрировала и силу (физическую и духовную), и независимость, и незаурядное чувство юмора. Мы начали встречаться только через два года после того случая, а поженились еще через три. Но именно в тот день, в полуприседе возле мусорного контейнера, я понял, что встретил девушку своей мечты. Оставалось только унять дрожь в коленях.

Артур Санчез

Неполноценный

Мы влюбляемся не в оболочку, не в одежду и не в дорогую машину, а в душу, которая поет только для нас.

Неизвестный источник

Когда мне было двадцать шесть, я была свободна и только что купила себе дом. Он стал моей первой «взрослой» покупкой. Как только последний документ был подписан, я решила заехать в гости к подруге, а уже потом начать готовиться к переезду.

Моя подруга была из тех, кто никогда не заморачивался с формальностями и резко запирает двери, поэтому я просто вошла в дом. К моему удивлению, в гостиной на диване сидел мужчина. Раньше я его не встречала.

Он представился как Мартин. А я смотрела на него и не могла понять, как можно настолько неудачно подобрать одежду. Не могу сказать, что сама одеваюсь по последнему писку моды, но все же: о чем он думал, когда выходил утром из дома?

Мы сидели в гостиной, беседовали, однако Мартин говорил очень мало. Мама учила меня, что игнорировать собеседника невежливо, и вообще, это признак дурного воспитания, поэтому я старалась вовлечь Мартина в разговор. Однако, что бы я ни спрашивала, в ответ слышала только нечленораздельное бормотание и заикание.

Слушая, как он запинаяется, я решила, что имею дело с той или иной степенью умственной отсталости. По моему мнению, это многое объясняло: затрудненную речь, странную одежду... Почему-то, когда люди оказываются в подобной ситуации, они начинают говорить медленнее и громче. Я не исключение. Оглядываясь назад и зная то, что знаю сейчас, представляю, какой идиоткой я выглядела.

Через некоторое время я ушла: все-таки мне предстояло упаковать массу вещей и подготовиться к скорому переезду.

Прошло несколько дней. Я как раз была в новом доме, собиралась повесить только что купленные шторы, когда обнаружилось, что обычная отвертка для этого не подойдет. А другой у меня не было. Мне ничего не оставалось делать, как пойти к подруге и одолжить у ее мужа электроотвертку или дрель.

Когда я пришла, подруга с радостью готова была помочь, но муж еще не вернулся с работы, и она понятия не имела, где он хранит инструменты. Поразмыслив с минуту, она предложила попросить инструменты у

Мартин, который как раз был в соседней комнате.

Через секунду появился Мартин. Мне показалось, что с прошлого раза проблем с речью у него прибавилось. И сложно было не заметить его более чем нелепый внешний вид. Медленно проговаривая слова, он сказал, что у него есть электроотвертка и он готов помочь мне повесить шторы... но ехать придется на его машине.

У меня засосало под ложечкой, однако возразить мне было нечего. Я всегда считала, что инвалиды имеют с остальными равные права, но, опять же, я не знала, насколько серьезны его проблемы со здоровьем. Сможет ли он вести машину? Можно ли ему доверять? Я ведь совсем его не знала.

Я сделала глубокий вдох и сказала «да»: если у моей подруги возражений не было, значит, и я могла быть уверена, что он справится. В противном случае она бы предупредила меня. Надеюсь, что все обойдется, я села в его грузовичок, и мы направились к моему дому.

Мы подъехали. Мартин достал свой ящик с инструментами и вошел в дом. Надо сказать, его последовательность меня впечатлила: перед тем как повесить шторы, он все тщательно замерял и ставил метки, причем все это очень осторожно, чтобы, не дай бог, не повредить новые окна и стены.

Я переходила за ним из комнаты в комнату, пока он вешал шторы. За это время я вполне успокоилась и была довольна его работой. Все это время я старалась разговаривать с ним и вдруг заметила, что Мартин говорит вполне нормально, если не смотрит на меня. Только когда он поворачивался ко мне лицом, то начинал запинаться и заикаться, и понять его было сложнее.

И тут до меня дошло: Мартин-то совершенно нормальный. Только вот непонятно, почему у него время от времени возникают проблемы с речью?

И вот – последнее окно. Стоя ко мне спиной, Мартин заявил, что он и наши общие друзья собираются встретиться в пятницу. И пригласил меня присоединиться. Даже не раздумывая, я согласилась. Такая реакция удивила даже меня: раньше я за собой такого не замечала.

Если бы в нашу первую встречу я посмотрела на Мартина и больше не оглянулась, я упустила бы самого замечательного мужа на планете.

Когда я первый раз встретила Мартина, то и подумать не могла, что он станет моим мужем. И вот через четыре месяца после знакомства состоялась наша свадьба! К тому моменту, когда Мартин сделал мне предложение и я сказала «да», он уже почти не заикался. Только через несколько месяцев я смогла признаться ему, какое впечатление он произвел при нашей первой встрече. В ответ он засмеялся и сказал, что все

эти проблемы с речью возникли только потому, что, увидев меня, он подумал, что красивее женщины еще не встречал. Поэтому так сильно нервничал. И я растаяла... в который раз.

О, кое-что я забыла. Вы спросите: а как же его одежда? Все просто: у Мартина дальтонизм.

Думаю, из моей истории можно извлечь простой урок: не всегда стоит судить о человеке по первому впечатлению. Если бы в нашу первую встречу я посмотрела на него и больше не оглянулась, то упустила бы самого замечательного мужа на планете, с которым мы вместе вот уже восемь лет.

Тони-Мишель Нэлл

Любовь на расстоянии

Для настоящей любви маленькое расстояние кажется непреодолимым, но даже через тысячи километров можно построить мост.

Ханс Новенс

– Ну, так как же вы познакомились? – спросила меня однокурсница, присаживаясь рядом за стол. Она даже немного наклонилась, чтобы лучше рассмотреть изумруд у меня на пальце.

Этот вопрос мне задавали всегда, когда узнавали, что я помолвлена, хотя мне всего девятнадцать лет. И каждый раз я вздрагивала: как ни осторожничала я с ответом, все равно все были уверены, что рано или поздно мы расстанемся.

– Мы познакомились через Интернет...

– Да ну? То есть у вас был онлайн-роман? – продолжала выпрашивать она.

На дворе был 1999 год, и любое упоминание Интернета всегда сводилось к тому, что это отличное место для знакомства с сексуальным маньяком.

– Нет. Я жила в Калифорнии, а он в Огайо. В Интернете мы были подписаны на одну и ту же электронную рассылку о видеоиграх, и нам обоим нравилась группа «Journey». В один прекрасный день Джейсон решил взять машину и заехать к каждому из участников рассылки. Недалеко от меня как раз выступала группа «Journey», так что я

предложила пойти вместе. Стоило нам встретиться, как мы тут же влюбились.

– Он тогда служил на флоте?

– Нет, – покачала я головой. – Он поступил на службу через полгода. Мы обручились как раз перед его отъездом в учебную часть.

Когда однокурсница уходила, на ее лице не было никаких эмоций, однако я догадывалась, что в голове она анализирует полученную информацию: двое молодых людей познакомились через Интернет, оба любят видеоигры и музыку, он ушел на флот и теперь на другом краю Земли. В целом звучит как предисловие к разводу, если свадьбе вообще суждено состояться.

В принципе, я и так знала, как это выглядит со стороны. Знал и Джейсон. Ему тоже приходилось видеть сомнение на лицах друзей и родственников. Мы никак не могли защититься от чужих мыслей, когда все продолжали считать нашу любовь проявлением инфантильности и недалекого ума.

Однако Джейсон сказал:

– Мы докажем, что настроены серьезно, действиями, а не словами.

В кино или в сказках любовь с первого взгляда весьма приукрашена: разверзнутся небеса, и из облаков зазвучит пение ангелов. В реальной жизни этот момент совершенно незаметен постороннему глазу. Когда мы с Джейсоном встретились, то просто сразу же стали лучшими друзьями. Это был именно тот человек, которому я могла полностью доверять, заботливый и порядочный. Самое удивительное, что такое же впечатление Джейсон произвел на моих родителей, всегда чересчур опекавших меня. Мне, например, не разрешалось поехать к бабушке, пока я клятвенно не пообещаю сразу же, как доберусь, позвонить и сообщить, что со мной все в порядке, хотя вся дорога занимала не более 10 минут. Однако к Джейсону они моментально прониклись уважением и доверием.

Поскольку многие мили разделяли нас, ухаживать и общаться приходилось по телефону или через Интернет. Наши редкие встречи превращались в бесконечные посиделки за настольными играми и медленные прогулки возле местного торгового центра, рука в руке. В один из последних приездов перед поступлением на военную службу Джейсон продал свою старую машину, чтобы купить мне обручальное кольцо. Никакого официального предложения руки и сердца он не делал: мы и так знали, что поженимся. Кольцо было просто знаком для остальных. Пока он учился, я подсчитала, что фактически лицом к лицу мы провели в среднем три недели из полугода. Поэтому я могу понять, что для окружающих наша

помолвка казалась слишком поспешной и безответственной.

И все равно я верила в «нас». Знаю, что и Джейсон тоже: несмотря на то что все больше и больше его сослуживцев получали прощальные письма от своих девушек, неделя за неделей он с нетерпением ждал и сохранял каждое мое послание.

Мы снова встретились ровно через полгода после его ухода. Было Рождество, и Джейсон стал лучшим подарком. Мы пережили все подколки, и наша любовь оказалась сильнее. Он все так же серьезно относился к настольным играм, долго раздумывал над каждым словом в «Эрудите», а я в это время могла безнаказанно разглядывать его красивое лицо. А когда была моя очередь раздумывать над словом, я ловила на себе ответный затуманенный взгляд.

В один из дней мы пошли покупать подарки к Рождеству. Джейсон нечаянно задел подушку на верхней полке, и она не замедлила упасть мне на голову.

– Смотрите, он бьет жену! – заверещал один из покупателей, правда, с хитрой улыбкой на лице. – Я все видел!

Джейсон радостно посмотрел на меня.

– Жену! – пропел он. – Он решил, что мы женаты.

– Совсем скоро будем, – ответила я, сжимая его ладонь в своей.

В следующий раз мы увиделись только через полгода. На этот раз чтобы пожениться. Я шла к алтарю под музыку из последней части видеоигры «Final Fantasy», а Джейсон ждал меня там в парадной белой форме ВМФ. На следующий день я погрузила все свои пожитки в грузовик, и мы отправились в долгий путь из Калифорнии в Южную Каролину.

У меня не было завышенных ожиданий от замужества, и хорошо – трудностей оказалось достаточно. Раньше я никогда не покидала родительский дом дольше чем на неделю, а тут за считанные дни я оказалась за 3000 миль от них и в условиях почти полного безденежья. Но у меня был Джейсон, а у него – я. Даже «Доширак» кажется вкуснее, когда делишь его с любимым. Мы были вместе, и в наших отношениях была гармония.

Шли годы, мы переехали из Южной Каролины в Вашингтон. Муж готовился к новой командировке, когда я узнала, что беременна.

Если любовь настоящая, это не значит, что будет легко, – просто все препятствия стоят того, чтобы их преодолевать.

Те самые долгие разлуки по полгода, еще до свадьбы, оказались хорошей тренировкой к моменту его отъезда. Пригодились выработанные навыки: постоянная переписка по почте и Интернету, посылки с разными

сладостями, телефон всегда держался под рукой, даже ночью, – все спасало во время долгой разлуки. Под действием разбушевавшихся гормонов и одиночества я плакала как заведенная, стоило мне услышать знакомые песни по радио, особенно «нашу» песню – «Faithfully» группы «Journey». Джейсон вернулся к рождению сына Николаса и меньше чем через год снова уехал. Еще через год Джейсон уволился из ВМФ, и мы снова через всю страну поехали в наш новый дом.

В следующем году – десятилетие нашей совместной жизни. Мы вместе пережили командировки в места боевых действий, исколесили полстраны и по-прежнему любим друг друга. И сегодня, когда Джейсон приходит вечером с работы, в моем животе снова порхают бабочки. Мы не пропустили ни одного вечера, специально отведенного под игры в «Эрудит». Мы вместе узнали и приняли диагноз сына аутизм и вместе справляемся с ним. Мы до сих пор вместе, несмотря ни на что, до сих пор любим «Journey», видеоигры и друг друга. Если любовь настоящая, это не значит, что все будет легко, – просто все препятствия стоят того, чтобы их преодолевать.

И по прошествии стольких лет я уже не боюсь вопросов о том, как мы познакомились.

Бет Като

Одна волшебная ночь

*Счастье часто проникает к вам через дверь,
которую вы забыли закрыть.*

Джон Бэрримор, театральный актер

После развода несколько лет я встречалась с прекрасным мужчиной. Однако, несмотря на все свои достоинства, он не был готов к совместной жизни и в целом не видел меня в своем будущем. Мы много раз расставались и столько же раз мирились, пока наконец не нашли в себе силы положить этим отношениям конец. Было невероятно тяжело, но умом я понимала, что такое решение на пользу нам обоим.

После этого я завязала с мужчинами. У меня было двое маленьких детей, их воспитание приходилось совмещать с работой, так что ни времени, ни желания искать нового партнера не было. Лишь иногда я жалела, что рядом нет друга и любовника.

Наступила весна 2001 года. Уже шесть лет я была одним из региональных директоров Американской кардиологической ассоциации. И каждый год участвовала в организации благотворительного бала. Свою кандидатуру я всегда предлагала сама, потому что поиск спонсоров и лотов для аукциона казался мне более «гламурным» занятием, чем все остальные мероприятия Ассоциации. Видит Бог, гламура в моей жизни не хватало совершенно.

Но одно меня угнетало: грустно было осознавать, что вот еще на один бал я иду одна.

Когда няня накануне бала позвонила и сказала, что она не сможет посидеть в этот день с детьми, я решила, что это судьба и мне не стоит никуда идти.

Разобравшись с последними приготовлениями, я обняла руководителя организационного комитета и пожелала грандиозного успеха с сегодняшним мероприятием. После моих слов было нетрудно понять, что на бал я не собираюсь, поэтому она посмотрела на меня с ужасом. И тут настала моя очередь удивляться, когда эта утонченная пожилая дама недвусмысленно заявила, что если я не притащу свой зад на бал, то за последствия она не отвечает. Никогда раньше она такого не позволяла, поэтому спорить с ней было страшновато: мало ли что еще она выкинет? Все, на что я решилась, так это скорчить недовольную мину и молча уйти. Оказавшись дома, я судорожно начала писать, кто бы мог посидеть с детьми. Заручившись согласием подруги, я бегом отправилась по магазинам. Свое темно-синее вечернее платье я покупала, когда охранник уже вставил ключ в дверь, готовый закрыть магазин.

К четырем часам дня субботы я была выжата как лимон. Подруга опаздывала. Я пыталась держать себя в руках, поминутно поглядывая на часы. Когда через полчаса она наконец появилась, я молнией полетела на бал. Оставив машину парковщику, я благополучно вошла в холл и быстро пробежала взглядом по толпе. Руководителя я нашла только в VIP-зале с другими членами комитета.

Я обняла ее и предупредила, что на ужин оставаться не буду. Мои слова она, казалось, не услышала, вручила мне бокал с шампанским и спросила, что я думаю по поводу оформления стендов для аукциона. Еще минут пять мы поговорили на профессиональные темы, когда она вдруг спросила, знаю ли я Тома Бреслина. «Наверняка какой-то старый лысый кардиолог», – подумала я, потому что хорошо знала контингент подобных мероприятий.

– Нет, не знаю, – сказала я вслух.

– Он был женат, но жена умерла. Рак, – сообщила она.

Мой мысленный образ Тома Бреслина состарился еще на десяток лет, и про себя я подумала, с какой стати она вообще про него спросила. Видимо, эта мысль была написана у меня на лице, потому что она тут же предложила найти ее мужа, Роджера. С ними я встречала позапрошлого Рождество и была рада узнать, что Роджер тоже здесь.

Мы подошли к компании Роджера, и я повернулась, чтобы поставить бокал на поднос проходящего официанта. Вдруг передо мной возник самый привлекательный мужчина, какого я когда-либо видела. Я быстро отвела взгляд, обняла Роджера и услышала в ответ:

– А ты знакома с Томом Бреслином?

Образ «старого лысого кардиолога» медленно рассыпался. У меня даже закружилась голова. Может, дело было в тесном платье или шампанском. Может быть, действительно я собиралась упасть в обморок. Но, когда Том протянул руку в приветственном жесте, я на некоторое время забыла, как дышать.

Мы поговорили: о работе, о жизни и о любви. Я рассказала про развод, он – про любимую жену, которую унесла болезнь после двадцати лет совместной жизни. Мне хотелось как-то его поддержать, поэтому я сказала:

– Это прекрасно, что столько лет вы провели вместе с любимым человеком.

– Это так, – ответил он. – Но я бы хотел испытать это снова.

И тут мы оба почувствовали, будто люди вокруг исчезли, и мы оказались в своем собственном мирке, погруженные в разговор. Из этого состояния нас вывел сигнал к ужину, и мы поспешили найти места. Беззастенчиво флиртуя, мы прошли мимо стендов к аукциону и в банкетный зал, где мой новый знакомый проводил меня к столику и направился в другой конец зала, для него как почетного гостя было приготовлено место за столом генерального директора.

Я жевала салат и пыталась понять, что со мной только что произошло. Боковым зрением я почувствовала, что кто-то приближается ко мне. Подняв глаза, я увидела, что это не кто иной, как доктор Том Бреслин.

– Что-то не так с вашим местом? – спросила я, хотя отлично знала, что назначенный для него столик находится как раз напротив сцены.

– Забавно, – ответил он. – Но, похоже, все места заняты.

Оглядевшись, наконец, по сторонам, я поняла, что за моим столиком свободных мест предостаточно. И снова посмотрела на него – не хотелось даже на минуту отводить от него взгляд. Я подвинула стул рядом с собой,

и он с улыбкой принял мое приглашение. Весь оставшийся вечер для нас обоих прошел в каком-то сладостном тумане.

Прошло уже восемь лет. У нас появилось еще трое детишек, но мы до сих пор благодарим Бога за ту встречу на балу. Моя руководительница позже призналась, что специально подстроила эту встречу. И все же я до сих пор ощущаю, что здесь была замешана какая-то магия.

Сейдж де Бексадон-Бреслин

Мечта с отсрочкой

Надежда – это терпение с горящей лампадой.

Тертуллиан, богослов и писатель

– Мои поздравления, подруга! Конечно, я прилечу на вашу свадьбу! – на этом я положила трубку и заплакала.

Так получилось, что три мои подруги засобирались замуж. Брат с сестрой тоже давно устроили свою семейную жизнь. А я только что рассталась с женихом. Когда твое сердце разбито, тяжело найти в себе силы порадоваться за близких, которым повезло больше.

Четыре года назад одна моя знакомая, почти экстрасенс, сказала мне: «Ты обязательно встретишь мужчину, идеально подходящего именно тебе. Так что не торопись. Дождись его».

Обрадованная ее словами, я почему-то решила, что ее предсказание сбудется максимум через пару лет.

Годы шли, и, когда мне перевалило за тридцать, предсказание уже немного раздражало. Я начала примерять на себя звание «старой девы». Мне не хотелось встретить «кого-нибудь». Я хотела встретить «того самого», мою вторую половинку. Может, я слишком задрала планку. Высокая, стройная, с вьющимися светлыми волосами – достаточно ли я буду хороша для него? Может, стоит притвориться чуть менее успешной, чуть более глупой, чуть более спокойной? Не пугать его степенью по социологии и теологии? И почему другие так легко влюблялись, когда мне это давалось с таким трудом?

И вот в один прекрасный день...

– Марта, сегодня я устраиваю пляжную вечеринку. Не хочешь зайти? – спросил Марк.

– Почему бы и нет? – решила я не упускать очередную возможность

встретить свою судьбу.

На вечеринке ко мне подошел высокий зеленоглазый брюнет.

– Привет, я Питер. Мы не встречались на ферме Марка прошлым летом?

– Наверное, ты имеешь в виду мою сестру-близнеца Мэри, – догадалась я.

– Ну да, ну да. Точно. Значит, вы близнецы?

Я вдруг подумала: может, Питер и есть моя судьба? Что, если именно так нам и предначертано было встретиться?

Когда твое сердце разбито, тяжело найти в себе силы порадоваться за тех, кому повезло больше.

Я узнала, что Питер – успешный предприниматель. Он любил узнавать и пробовать все новое, и предложил мне составить ему компанию. Вместе мы запускали воздушных змеев, исследовали самые отдаленные и неизвестные места в городе, перепробовали в ресторанах блюда всех кухонь мира. Через полгода я влюбилась в него окончательно. Поэтому решила, что пора нашим отношениям перейти на следующий уровень. Мы созвонились и долго говорили по телефону, когда в конце концов я решилась:

– Каким ты видишь наше будущее?

– Марта, – сказал он, – в ближайшие пять лет жениться я точно не собираюсь. И я давно решил, с какой именно женщиной хочу провести остаток своих дней. Ты мне очень нравишься, но пока я не вижу нас мужем и женой.

Мое сердце было разбито на миллион маленьких кусочков. Что мне думать о его словах? Получается, что сейчас я его устраиваю, а вот на всю жизнь... Может, продолжить встречаться и надеяться, что он изменит свое мнение? А если нет, то как мне избавиться от этой боли и продолжать жить?

Оказалось, что я такая не одна. Многие успешные, умные, красивые женщины слегка за тридцать тоже хотели выйти замуж, обрести семью, пока не поздно. Подруга, с которой мы вместе снимали квартиру, предложила организовать «группу поддержки».

– Давайте собираться вместе и помогать друг другу решать проблемы «одиночек», – предложила она.

– Гениальная идея! – согласилась я.

И вот два года наша группа из пятнадцати человек дважды в месяц собиралась... чтобы обсуждать книги: «Мужчины с Марса, женщины с

Венеры»^[4] или «Поступай как женщина, думай как мужчина»^[5]. Мы помогали друг другу, вместе веселились и рыдали, став подругами на долгие годы. Постепенно, одна за другой, члены группы выходили замуж. Но только не я, все еще ждавшая свою судьбу, хотя зерно сомнения уже поселилось в моей душе.

В сорок лет, поддавшись какому-то необъяснимому порыву, я переехала в Колорадо. Здесь все было неизвестным и потому восхитительным: горы, новая работа и новые друзья. Уже через год я была помолвлена: моим избранником стал адвокат с тремя детьми от двух предыдущих браков.

Друзья сомневались:

– Марта, ты уверена, что все хорошо обдумала?

И ничего удивительного, что через два месяца я бежала, сверкая пятками, от этого домашнего тирана.

После этого я полностью посвятила себя обустройству дома, который недавно купила. Когда внутри он стал напоминать обложку журнала, я принялась изучать особенности ландшафтного дизайна и свой передний дворик превратила в цветущий сад. Детей мне заменили мой кокер-спаниель Энни и полосатый кот Оливер. Я встречалась с друзьями, путешествовала, работала, даже начала писать стихи – и все же чего-то в моей жизни не хватало. Улыбка все реже появлялась на моем лице, все реже мне вообще хотелось смеяться. Когда мне исполнилось почти пятьдесят, я начала понимать смысл выражения «Мечта, долго не сбывающаяся, томит сердце».

Однажды вечером, на традиционном ужине у пастора, мой взгляд случайно упал на мужчину напротив. «Какой симпатичный, – подумала я. – Интересно, что он здесь делает?»

Когда все двинулись к шведскому столу, он оказался прямо позади меня. Мы познакомились.

– Привет, я Пол. Боб и Хантли пригласили меня. Всегда интересно познакомиться с новыми людьми. А вы из Колорадо?

Потом мы долго разговаривали, смеялись и явно понравились друг другу.

На следующий день я получила письмо от Хантли. «Пол просит твой номер телефона. Ты не против?» Я не просто была «не против» – я очень этого хотела: с ним я чувствовала себя словно за каменной стеной, а его солидность и характер в целом подкупали.

Как я узнала, Пол женился сразу после колледжа. А поскольку с будущей женой они начали встречаться еще в школе, он, в отличие от

меня, был совершенно неопытен в плане свиданий и расставаний. Он не собирался играть со мной в игры, не боялся довериться и не знал, что можно не позвонить после того, как пообещал. Последние семь лет он заботился о жене, умирающей от эмфиземы. Бесчисленные кислородные баллоны, бессонные ночи в отделении интенсивной терапии закончились со смертью жены. Ее последним желанием было, чтобы он продолжал жить полноценной жизнью.

Чем больше времени мы с Полом проводили вместе, тем больше я смеялась. Он интуитивно знал, как избавить меня от тревоги, никогда не сравнивал меня с первой женой и всегда повторял:

– Марта, я не считаю наши отношения просто новой главой. Для меня это совершенно новая книга.

Он сжимал меня в своих объятиях, пока не начинала кружиться голова и не казалось, что мы стали одним целым.

Пол стал для меня чем-то большим, родственной душой, и все годы ожидания показались ерундой, когда я представила, какое будущее у нас впереди.

Я же возвращала Пола к жизни. Вместе мы ходили в походы, на охоту, попробовали кататься на водных лыжах. Вместе мы пошли и на свадьбу к моему племяннику. Слушая клятвы у алтаря, я вдруг поняла, что по уши влюбилась.

Через полгода после нашей встречи Пол повел меня на горный склон, где он любил молиться.

– Никогда еще в своей жизни я не встречал такого человека, как ты, – сказал он, улыбаясь. – Нам нравится одно и то же, наше отношение к жизни и наши мысли одинаковы. Как только я подумаю о чем-то, ты уже произносишь это вслух. Я уже не могу представить своей жизни без тебя.

Мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди, когда он надел на мой палец изумрудное кольцо. Я вспомнила то давнее предсказание: дождись своего идеального мужчину. Пол же стал для меня чем-то бóльшим: родственной душой – роднее, чем даже моя сестра-близнец. И все годы ожидания показались ерундой, когда я представила, какое будущее у нас впереди.

Марта Айцен (записано Маргарет Ланг)

Любовь с первого взгляда

Ничто не сравнится с настоящей любовью:

когда она приходит, твое сердце становится целым.

Неизвестный автор

Мне всегда хотелось найти интересную работу. Да, конечно, деньги имели значение – ведь надо платить по счетам. Однако зарплата никогда не была определяющим фактором. Поэтому, когда мне предложили работу кассира в «Мидвэй Эрлайнз», я не раздумывая согласилась. Особенно меня подкупили бесплатные полеты и билеты для друзей. Я даже забыла спросить про зарплату – настолько это было не важно.

За два дня до выхода на работу я позвонила в «Мидвэй», чтобы задать пару вопросов. Те, что на собеседованиях озвучивать не принято.

– А работа интересная?

Мне ответил мужчина.

– Ммм... – немного озадаченно прозвучало на том конце трубки, – наверное.

– Это хорошо, – решила я. – Я выхожу в среду. А мои коллеги? Какие они?

– Ну, в основном это мужчины. Большинство не старше тридцати, за исключением начальника и пары сортировщиков багажа. Работа на самом деле не сильно напряженная.

– Отлично! Тогда через пару дней увидимся. Кстати, как вас зовут?

– Крэг, – ответил он. – Крэг Фейс.

Я явилась на работу в зеленых штанах и футболке с логотипом «Мидвэй». Получила бейджик, заполнила кучу документов, и, наконец, начальница Риз представила меня коллегам.

– Твоим наставником будет Крэг, – заявила она. – Стань его тенью и внимательно смотри, как ведется регистрация на рейс.

Конечно, я сразу поняла, что это тот самый Крэг, с которым я говорила по телефону. На случай, если он не помнил меня, я еще раз представилась.

– А я помню тебя, – сказал он смущенно. – Это же ты спрашивала, интересная ли будет работа?

Я засмеялась и призналась, что он угадал.

– То, что сейчас мы будем делать, – инструктировал Крэг, – не слишком интересно. Но не спеши разочаровываться, пока не попробовала встречать самолет.

Следующие два часа я наблюдала, как Крэг регистрирует пассажиров, бронирует билеты и разбирается с теми, кто потерял багаж. Я узнала, что

все аэропорты имеют свой собственный трехбуквенный код, что входит в список запрещенных к провозу вещей и как регистрировать багаж. В целом было неплохо, но скучновато.

«Мидвэй Эрлайнз» – небольшая авиакомпания. Поэтому в наши обязанности входило еще и встречать самолеты: указывать направление специальными палочками и выгружать багаж. Этому мне еще предстояло научиться.

– Ну что, пойдём? – спросил Крэг. – Надо быть на взлетной полосе, когда прибудет РРС.

– Что за РРС? – поинтересовалась я.

– Региональный реактивный самолет Canadair.

Крэг выдал мне защитные наушники, и мы пошли через терминал. Я не очень понимала, зачем мне наушники, поэтому просто повесила их на шею.

Мы вышли из здания и уселись на багажную тележку в ожидании самолета. Происходящее начало меня увлекать: завораживающе было так близко наблюдать за самолетами, заходящими на посадку.

Когда самолет прибыл, Крэг сам проводил его к секции для высадки пассажиров. Я просто наблюдала, как он размахивает своими загорелыми руками, как солнце играет в его светло-каштановых волосах. В тот момент он выглядел невероятным красавцем, и я просто не могла оторвать от него глаз.

Еще я поняла, зачем мне наушники: когда самолеты заходили на посадку, рев двигателей был просто оглушающим.

Уже неделю я работала в аэропорту с Крэгом (и остальными), когда начальница решила отправить меня в Роли на обучение.

– Поедешь с Крэгом, – сказала она. – Он устроился сюда незадолго до тебя, так что как раз совместите.

Все получилось как нельзя лучше: две недели мы вдвоем посещали занятия днем, а вечером ходили ужинать. Мы обошли все рестораны в пешеходной доступности от международного аэропорта Роли-Дарем. После ресторанов бывало, что мы болтали до самого утра.

Я даже расстроилась, когда обучение подошло к концу. За это время я хорошо узнала Крэга и обожала его остроумные высказывания и легкий характер. Это было незабываемое путешествие.

Стоило нам вернуться домой, как работа перестала казаться мне интересной. На взлетной полосе я умирала от жары, пассажиры грубили, и, самое главное, – наши с Крэгом смены совпадали очень редко. Через пару недель я уволилась.

Не всегда ожидания оправдываются. Работа кассира как раз попала в

эту категорию. Да, поначалу мне все очень нравилось, но пришло время становиться серьезнее. И вообще, надо было окончить колледж и получить диплом.

Именно так я и поступила. Записалась в летнюю школу и занялась учебой. Правда, полностью отказаться от развлечений не могла. На выходных мы с друзьями и однокурсниками ходили на концерты местных групп или просто гуляли. А еще я ходила на свидания с Крэгом.

Наверное, в жизни не бывает случайностей, хотя об этом я никогда не задумывалась. Единственное, что я знаю точно: мне суждено было устроиться на работу в «Мидвэй Эрлайнз». Иначе как объяснить, что именно там я встретила своего будущего мужа?

Мы с Крэгом вместе вот уже девять лет, пять из них мы женаты. За эти годы мы накопили массу прекрасных воспоминаний, и одно из самых приятных – те две недели, проведенные в Роли.

Крэг до сих пор подкалывает меня, вспоминая наш первый телефонный разговор:

– До сих пор поверить не могу, что ты позвонила на работу, чтобы спросить, интересная ли она.

– Знаю-знаю. Это было глупо. Зато я точно знала, что меня ждет.

– И я знал, – всегда говорит он.

– Ну да?!

– Конечно. Будущая жена.

Мелисса Фейс

Ненависть с первого взгляда

Нет ничего в этом мире слаще любви. Второе место стоит, пожалуй, отдать ненависти.

Генри Уодсворт Лонгфелло, поэт и переводчик

Рассматривая свои свадебные фотографии, я всегда улыбаюсь, вспоминая того молодого человека, которого мой брат привел на ужин сорок семь лет назад. Это была не любовь с первого взгляда. Скорее ненависть с первого взгляда.

Вообще-то познакомились мы за пару недель до этого. Все началось с телефонного звонка в школу. Я училась в выпускном классе, а после

школы подрабатывала в ресторане в качестве обязательной нагрузки^[6].

В тот день была вовсе не моя смена, однако миссис Кей, хозяйка ресторана, позвонила в школьную приемную и оставила мне сообщение с просьбой заменить одну из официанток. Миссис Кей трудно было назвать легким в работе человеком. Она никогда не просила – просто ставила перед фактом. Так и в этот раз: мне надлежало «явиться в 16:00». Поскольку прогул мог повлиять на мой выпускной балл, отказаться от незапланированной смены я никак не могла.

Это потянуло за собой целый ряд проблем: моя мама была настоящим надзирателем. Сразу после школы я должна была немедленно идти домой и помогать ей с ужином для всей семьи. Поэтому еще до конца занятий я попыталась позвонить ей и обо всем предупредить, но трубку никто не взял. К сожалению, автоответчиков тогда не было. А если маму не предупредить, потом уже будет поздно: никакие оправдания не спасут меня от наказания. Поэтому дозвониться было вопросом жизни и смерти.

Это была не любовь, а скорее ненависть с первого взгляда.

Из ресторана позвонить тоже было нельзя: миссис Кей считала недопустимым, когда работники во время смены пользовались телефоном. Она никогда бы не пошла мне на уступку, даже учитывая тот факт, что из-за нее я оказалась в таком положении. По дороге в ресторан я заехала на заправку и заодно решила еще раз позвонить маме. Платить было не обязательно: у отца был кредит на одной из заправок «Shell», и мне достаточно было просто расписаться в журнале. Счета приходили ему потом.

Однако когда я зашла на станцию, то увидела, что вместо Эда, хозяина, за кассой стоит совершенно незнакомый парень. Он к тому же отчаянно флиртовал, долго заливал в бак бензин, мыл лобовое стекло, проверял масло и т. д. Я изо всех сил пыталась объяснить ему, что мне не нужно никаких дополнительных услуг, только бензин, но он очень хотел произвести впечатление.

Я старалась не сорваться. В тот момент последнее, что меня занимало, – это флирт с незнакомым парнем. Моя работа висела на волоске так же, как и поход на танцы, куда мне путь заказан, если не дозвонюсь маме.

Наконец я не выдержала:

– Послушай, я очень тороплюсь. Мне срочно нужно на работу. Пожалуйста, запиши бензин на счет моего отца.

Однако это только затормозило процесс: он убеждал меня, что понятия не имеет, что значит «записать на счет» и где Эд хранит журнал счетов.

Пришлось мне зайти внутрь, достать журнал и отдать ему в руки. Мне все больше казалось, что парень умом не блещет. Я ведь с самого начала сказала, что Эд записывает все в красный журнал, который хранит прямо за стойкой. Откуда я его в итоге и достала.

А потом я совершила еще одну глобальную ошибку: попросила у него десять центов на звонок, намереваясь тоже записать их на счет. Что тут началось! Я выслушала лекцию о том, что нельзя вот так просить деньги у незнакомцев, и прочую чушь. К тому моменту я была на пределе и просто вылетела с заправки, чтобы успеть на работу. Оставался последний вариант: попытаться разжалобить миссис Кей на один звонок.

Естественно, из-за истории на заправке я опоздала, и миссис Кей категорически запретила мне пользоваться телефоном. Кроме того, из-за опоздания я должна была остаться и убрать в ресторане после смены. Когда я наконец добралась домой, была полночь и мама готова была разорвать меня на куски. Так из-за какого-то парня мой мир разрушился, мне запретили выходить из дома куда-либо, кроме школы и работы. «Лучше тому парню не попадаться мне на глаза», – подумала я.

По воле судьбы через пару недель на ужин к нам пришел гость. Мама заранее позвонила мне в школу и попросила по дороге домой захватить полкило фарша. Представьте мою реакцию, когда брат пришел со своим новым другом, Джинном, который оказался тем самым парнем с заправки. Я все еще злилась на него и мечтала отсидеться в своей комнате, однако воспитание не позволило.

Когда-то этот парень подпортил мне жизнь, но вот уже более сорока лет мы муж и жена, и у нас трое прекрасных детей.

Когда ужин подошел к концу, Джин принес извинения за причиненные мне неприятности. Потом он еще часто приходил к нам в гости. Перед выпускным балом я рассталась со своим молодым человеком, и Джин предложил сопровождать меня вместо него. С того дня ненависть постепенно переросла в противоположное чувство. Вот уже сорок один год мы муж и жена, и у нас трое прекрасных детей. Наверное, вы уже поняли, что парень с заправки оказался не так уж и плох.

Кристин Троллингер

Мой горячий итальянец

Искусство любви – это в основном искусство постоянства.

Альберт Эллис, психолог

Бедные и богатые, хитрецы и обманщики, доктора, адвокаты, повара индийской кухни – я встречалась со многими. Ну, может, не с поваром индийской кухни, и то лишь потому, что это редкая птица в пригороде Нью-Джерси.

Я часто ходила на свидания. Просто никак не попадался достойный кандидат.

Моя мама говорила:

– Даже если рыцарь в сияющих доспехах и на белом коне появится у нашего дома, ты скажешь, что у него перо на шлеме красного цвета, а тебе надо фиолетовое.

Ей сложно было понять, почему я придираюсь. Она считала, что достаточно найти хорошую партию, а любовь – не более чем приятное дополнение. Например, часто приходилось от нее слышать что-то вроде: «Он учится на врача. Как это он тебе не нравится?»

Честно говоря, больше всего я боялась скуки. Никого из тех, с кем я встречалась, я просто не представляла рядом с собой до конца дней. Разве не должна промелькнуть между нами какая-то искра? А все, с кем я ходила на свидание, казались одинаковыми, только имена разные.

Может, наступило время расширить зону поиска?

Я работала учителем, поэтому летом могла позволить себе долгое путешествие в Европу. Мужчины там гораздо романтичнее. Они смотрели на меня так, как никто никогда не смотрел. Может, вино и местные красоты делали их столь привлекательными?

Наступление сентября вернуло меня на землю.

Сколько лягушек надо перецеловать, сколько раз услышать вопрос «А кто ты по гороскопу?», чтобы найти что-то стоящее?

В первый день занятий в одном из классов я обнаружила новичка из Италии. В принципе, ничего необычного в этом не было: я преподавала в центральной школе города, куда часто отдавали детей новопривывшие из

Европы или Южной Америки. И первое, что я услышала от него:

– Вы бы идеально подошли моему старшему брату.

Не первый раз ученики говорили мне нечто подобное. Однако я бы никогда не рискнула согласиться на такое: слишком непрофессионально.

Но Рокко не собирался сдаваться. Не проходило и недели, чтобы я не услышала, как много общего у меня с его старшим братом. Мальчишка оказался упорным. Подключились и остальные дети: «Вы должны встретиться с ним, мисс Мадалена. Он вам понравится».

И, надо признаться, старший брат был совсем недурен (Рокко принес фотографию). Было видно, что его сфотографировали без предупреждения, но выглядел он на все сто и, судя по фото, был моим ровесником. На дворе стоял 1977 год, поэтому на ум пришло только сравнение с Винни Барбарينو (которого играл Джон Траволта) из сериала «Добро пожаловать, Коттер!».

– И сколько ему лет? – спросила я.

– Девятнадцать.

– Девятнадцать? Это очень мало!

Мне-то перевалило за двадцать три, а встречаться с мужчиной намного моложе еще не вошло в моду. По крайней мере пока.

Мы играли, пока не полюбили по-настоящему.

– По нему не скажешь, – убеждал меня четырнадцатилетний подросток.

И все равно для меня это было как-то неправильно. Лучше буду и дальше ходить по клубам с подругами. Правда, и это начало надоедать.

Сколько лягушек надо перецеловать, сколько раз услышать вопрос «А кто ты по гороскопу?», чтобы найти что-то стоящее? И я решила отказаться от одноразовых свиданий. Дома было спокойнее: лучше буду читать книжки, чем поддерживать однообразные разговоры с мальчиками-зайчиками в клубах.

На меня навалилась тоска. Но наступила весна, и надо было завязывать со спячкой. Не обязательно серьезные отношения – просто развеяться. Учебный год подходил к концу, а я все не могла определиться. Стоило ли попробовать? Ведь у нас наверняка нет ничего общего. Он слишком юн. Хотя, в конце концов, я просто схожу на свидание, а не замуж.

– Рокко, – начала я, – думаешь, твой брат все еще хочет познакомиться?

По правде говоря, я вообще сомневалась, что старший брат знает о моем существовании. Просто надеялась, что если Рокко так доставал меня, то и с братом была та же история. Так и оказалось: Просперо попросил своих друзей как бы между прочим сходить в школу и оценить меня.

Поэтому я попросила Рокко передать записку брату с моим телефоном.

Наше первое свидание состоялось 30 апреля 1977 года. Я помню, что стоило мне посмотреть ему в глаза, как я почувствовала, будто знаю его всю жизнь. Не успели мы опомниться, как все свободное время начали проводить вместе. Когда Просперо был рядом, мир казался ярче. И хотя жизненный опыт у нас был совсем разный, мы одинаково любили приключения и всегда приходили к согласию в самых главных вещах. Мы не спешили, стараясь дорасти друг до друга.

Получилось как в песне Элвина Бишопа: сначала мы играли, пока не полюбили по-настоящему.

Рокко был свидетелем на нашей свадьбе, которая состоялась в 1980 году, и произнес замечательный тост, где не преминул похвалить себя за сводничество. Иногда я встречаю ребят из того класса. Они тоже уже женаты и с детьми. Но никогда не забывают напомнить, что если бы не они, то я бы никогда не познакомилась со своим мужем.

Если бы мне кто-то тогда сказал, что я выйду замуж за старшего брата Рокко Менна, я бы решила, что он сошел с ума. Но вышло так, что мое решение тогда оказалось самым лучшим в жизни. Просперо стал моим рыцарем в сияющих доспехах. С абсолютно подходящим пером на шлеме.

Линн Мадалена Менна

Случайная встреча

Любовь не находят... Она находит сама.

Лоретта Янг, актриса

Пятнадцать лет назад мне нравился один бар – «Клуб Паломино». Там выступали хорошие группы в стиле кантри. На концерты моей любимой группы «Шайенн» я часто таскала свою подругу. Мы обожали танцевать под их музыку.

Ритм-гитарист был очень симпатичным. По мне, так самый лучший в группе. А какой у него был голос! Танцуя рядом со сценой, я не могла оторвать взгляд, пока он играл и пел. Я не пропускала ни одного выступления. Правда, было одно неприятное обстоятельство: я часто видела его с блондинкой невысокого роста, которая, скорее всего, была его девушкой или женой.

Когда «Клуб Паломино» закрыли и на его месте построили очередной

жилой комплекс, мне очень хотелось найти любимую группу и узнать, где еще можно посмотреть их выступления. Но мне не хватило смелости.

Шло время. Я вышла замуж. Однако брак распался. Я снова начала ходить в бары, но подходящего мужчины не встречала. Новой любимой группы у меня тоже не появилось.

Одна из подруг посоветовала мне зарегистрироваться на сайте знакомств. Раньше я не думала, что это достойный способ познакомиться. Но теперь решила попробовать – хотя бы отвлекусь. Несколько человек пригласили меня на свидание, но это все было не то. Я уже хотела сдаться, но в один прекрасный день, вернувшись из очередного, ничем не примечательного бара, я зашла на сайт. Там меня ждало интересное письмо с фотографией. Мужчина на фото мне понравился. Мы начали переписываться, и оказалось, что у нас много общего. Через короткое время мы уже писали друг другу каждый вечер.

В очередной вечер мы разговорились о музыке. Я сказала, что мне нравится музыка кантри и раньше я часто бывала в «Клубе Паломино». Мой собеседник был очень удивлен, потому что именно в этом клубе он играл с группой. Если честно, я думала, он привирает. Однако он пообещал прислать мне фото своей группы. «Пришлет, как же!» – подумала я. Но на всякий случай решила не отходить далеко от компьютера. И, о чудо! На фотографии была моя любимая группа «Шайенн» и он – ритм-гитарист! Он успел жениться и развестись с той блондинкой, которая часто бывала с ним в клубе.

Через три недели мы наконец встретились. На первом свидании он вышел на сцену, начал играть на гитаре и петь. Для меня. И я пропала... Парень, который пятнадцать лет назад так нравился мне, выступал передо мной, и я пришла на свидание с ним! Это было непередаваемо.

Мы вместе уже пять лет. Последний сюрприз он преподнес мне после покупки дома. Прямо из окна был прекрасный вид на офис того самого сайта знакомств, благодаря которому мы встретились!

Жанетт Гарднер

Глава 2. Неповторимые свидания

Рискуйте! Вся жизнь – это риск. Человек, который преисполнен готовности зайти дальше других, как правило, отважен и смел.

*Дейл Карнеги, автор книг по
самосовершенствованию*

Быстрые свидания

С эстетической точки зрения, в мире существует только две идеальные вещи: часы и кошки.

*Эмиль-Огюст Шартье, писатель и
философ*

Speed dating, или *быстрые свидания*, – это интересно. По крайней мере в теории. Ты приходишь, заполняешь анкету и выкладываешь определенную сумму – меньше, чем за ужин на двоих в приличном ресторане. Потом идешь к своему столику (обычно все происходит в кофейне или баре), и начинается детская игра «Стулья».

Только во взрослом варианте. Когда музыка перестает играть, за твой столик садится новый человек. И вы знакомитесь.

Я все больше увлекалась идеей Быстрых свиданий, ведь последний раз я встречалась с мужчиной, когда затонул «Титаник».

Я немного читала о *быстрых свиданиях* и решила на себе проверить, что же это такое. Не то чтобы я действительно хотела познакомиться таким способом – просто было любопытно. Хотя так и быть: не просто любопытно – заманчиво.

Зайдя на сайт одной компании, устраивающей такие мероприятия, я узнала для себя много нового. Оказывается, основная причина популярности *быстрых свиданий* – это количество принцесс и принцев-лягушек: их так много, что губы можно стереть от поцелуев. Ну, это моя вольная интерпретация – на сайте все изложено литературным языком.

Опять же, согласно Интернету, интерес растет в основном потому, что это быстрее и дешевле, чем в брачных агентствах, а еще – безопаснее, потому что ты сам решаешь, с кем будешь встречаться дальше. Допустим, вам понравился парень (или девушка, если вы парень). Вы сообщаете об этом специальному человеку (агенту), и, если другой стороне вы тоже понравились, – вуаля! – вам вручают номер телефона. Дальше все зависит от вас.

Средняя цена – сорок девять долларов за девять коротких свиданий в один вечер, включая кофе и десерт. Может, и не самый дешевый вариант, но если десерт вкусный и сверху полит шоколадом, то есть смысл попробовать.

Компания, сайт которой я продолжала внимательно изучать, распределяла участников на четыре возрастные группы. Самой популярной, похоже, была группа «от 25 до 35»: пригласительные билеты были раскуплены на месяц вперед. Также были группы «от 30 до 40», «от 35 до 45» и «от 42 и выше».

Мне стало интересно, как, собственно, происходит запись в ту или иную группу. Выбирать надо по своему возрасту или по возрасту тех, с кем хотелось бы встречаться? Последнее время часто приходится слышать о страстных и пылких отношениях между женщинами постарше и мужчинами помоложе. Что же мне мешает написать себе пару лет и пойти в группу «от 35 до 45»? А если не забыть принять «Геритол»^[7] и выбрать кафе потемнее, то можно даже решиться на группу «от 30 до 40».

А может, наплевать на мнение общества, которое давно считает, что «старикам здесь не место», и записаться в группу «от 42 и выше»? Может, именно там меня ждет мой изысканный и галантный мужчина с посеребренными висками и мускулистым телом тридцатилетнего юнца. В конце концов, мечтать не запретишь.

Правда, с моим везением в группе «42+» окажутся мужчины «за восемьдесят», которые при всем желании никак не попадают в группы помоложе.

На деле все действие происходит очень просто: приходишь в назначенное место, получаешь наклейку с именем, первой буквой фамилии и личным номером, а также лист для заполнения, где отмечаются все участники и ваше желание встретиться еще раз. Для тех, кто от волнения потерял дар речи, имеется список стандартных фраз для начала разговора.

Если вы женщина, то вас усадят за персональный столик на двоих, и каждые девять минут или около того к вам будет подходить новый кандидат. Его задача – шлепнуться на стул и быстро начать говорить. Если

слышите звонок – время вышло. Девяти минут, отведенных на свидание, иногда слишком много, а иногда невероятно мало. Но это *быстрые свидания*, и, как бы ни хотелось участникам, все они будут идти ровно столько, сколько положено.

Задумка со столами мне, честно говоря, не совсем понятна. Почему мужчинам приходится бегать по залу, пока женщины сидят и ждут, когда их выберут? Если у тебя длинные волосы, пухлые губки и большая грудь, шансов продолжить общение гораздо больше. А как же остальные? А что, если ко мне вообще никто не сядет? Можно ли схватить за руку понравившегося мужчину и усадить за свой столик? Или вообще вытащить книжку и сделать вид, что шла в другое место и по ошибке оказалась в этом кафе?

Однако организаторы уверяли, что если «тот самый» мужчина не попал за ваш столик, не все потеряно. Регламент мероприятия не запрещает подойти к нему в перерыве или когда все закончится. Только не забывайте, напоминает сайт, что преследование человека без соответствующей лицензии уголовно наказуемо.

Последний раз я была на свидании, когда затонул «Титаник». Тот самый, не в кино. Поэтому я все больше увлекалась этой идеей. Говорю «увлекалась», потому что выражение «на грани отчаяния» звучит уж слишком драматично. Я достала кредитку, чтобы сделать взнос, когда увидела примечание. Мелким шрифтом сайт сообщал, что за каждого мужчину, который придет по моей рекомендации, мне сделают скидку в 10 долларов. Получается, если я приведу пятерых, то свидания для меня будут бесплатными и даже 1 доллар мне останутся должны.

Я стояла перед выбором: месяц кормить кормом толстого, не очень умного рыжего котяру или испытать судьбу и встретить своего принца. Кот или принц, принц или кот...

Я замешкалась. Если у меня есть пятеро знакомых одиноких (!) мужчин, которых при этом не стыдно пригласить на подобное мероприятие, то зачем мне вообще нужен этот марафон? К тому же, судя по таким скидкам, соотношение мужчин и женщин явно не в мою пользу.

С одной стороны, я могу повстречать там пусть не идеального, но близкого к тому мужчину или хотя бы более-менее приличного «принца». В приглушенном освещении. С другой стороны, 49 долларов – это полтора мешка кошачьего корма, которого моему Томасу хватит на месяц. А Томас – тот мужчина, который ни за что меня не бросит, пока у меня есть большой палец, чтобы открыть банку с едой, а у него нет.

Я стояла перед выбором: накормить толстого, не очень умного рыжего котяру или испытать судьбу и встретить своего принца. Кот или принц, принц или кот... Для меня выбор был вполне очевиден. «Томас, иди скорей, почешу тебя за ушком. Мой пушистик...»

Гэрриет Купер

Первое свидание, первая авария

Пока люди любят, они прощают.

Франсуа де Ларошфуко

Бах! Это был звук удара металла о металл. Как же неприятно! Еще и после такого странного, но совершенно незабываемого первого свидания.

Я выскочила из машины и в темноте попыталась рассмотреть, что же все-таки произошло. Совершенно точно можно было сказать, что въехала я в «мустанг» 1988 года своего нового знакомого. Тьфу!

После незабываемого свидания я въехала в «мустанг» моего нового знакомого – катастрофа, конец мечтам!

Ну как же так?! Как можно медленнее я направилась обратно к дому, по дороге представляя, что сейчас будет. Постучав в дверь, я выдохнула и принялась прокручивать в голове все события сегодняшнего вечера.

От этого вечера я не ждала ничего плохого: наконец мой партнер по кружку фотографии пригласил меня на свидание. Я давно заглядывалась на него, искреннего и внимательного. В довесок к чувству юмора он не боялся смеяться над собой. Как раз то, что мне нравится в мужчинах.

Он жил в общежитии университета, поэтому я приехала туда на своей машине, а в кино мы поехали уже на его. Я заметила, что свой «мустанг» он просто обожает. Мы непринужденно болтали обо всем на свете: от занятий фотографией до похожих детских воспоминаний. С ним мне было невероятно хорошо.

Когда наконец мы подъехали к кинотеатру, у входа никого не было. Я уж было подумала, что он закрыт, но мой спутник решил проверить. И оказался прав: кинотеатр работал. Мы купили билеты и оказались совершенно одни в пустом зале. Кроме нас во всем кинотеатре, похоже, был только билетер и киномеханик (причем я бы не удивилась, если бы это оказался один и тот же человек). Мы решили остаться и насладиться этим

частным кинопросмотром. И вечер только начинался.

Где-то на середине фильма экран заморгал, а из будки киномеханика раздался стук ломающегося проектора. Мы ненадолго уставились в пустой экран, пока мой спутник не решил все же наведаться в будку. В итоге он познакомился с киномехаником, и остаток времени мы провели в его будке, знакомясь с миром кинопроката изнутри.

Мне на самом деле понравилось. Еще интереснее было посмотреть, как ведет себя понравившийся мне мужчина в стрессовой ситуации. В этот вечер я им просто восхищалась. И к концу фильма в моей голове уже сложилась идиллическая картина: мы поженились и у нас много-много маленьких детей, которым страшно интересно и важно понять, как все вокруг устроено. Наши дети будут открыты для любых возможностей и не станут выдумывать себе проблемы. Я прямо видела, как младшенький разбирает на части мой кухонный комбайн, чтобы потом построить машину времени...

Я с трудом оторвалась от мечтаний. К тому же я даже не подозревала, как печально (в основном для «мустанга») закончится этот вечер. Кино закончилось, и мы поехали к общежитию, радостно болтая и не подозревая о приближающейся катастрофе.

Пожелав друг другу спокойной ночи, мы разошлись. И вот я опять стою у его двери с новостью о том, что его любимая машина разбита. В этот момент я перестала питать иллюзии насчет нашего совместного будущего. Когда он открыл дверь, то немало удивился: мы ведь попрощались всего несколько минут назад. Я робко пролепетала о том, что случилось, уперлась взглядом в пол и приготовилась к взрыву.

Однако ничего такого не произошло. Вместо этого он спокойно прошагал к машине, быстро осмотрел ее (в крошечной темноте) и махнул рукой, что все в порядке. Я была просто в шоке. И еще больше влюблена. Ведь если бы такое произошло со мной, я бы вела себя совершенно по-другому: размахивала бы руками и уж точно тон разговора был бы выше. А он стоял, улыбался и убеждал меня, что все в порядке. Именно в тот момент я поняла, что нашла своего мужчину.

Что было дальше? А дальше, несмотря на все мои промахи, он тоже влюбился. Через два года мы в том самом «мустанге», только с наклейкой «Молодожены» на помятом бампере, уезжали в свое свадебное путешествие. С того свидания прошло восемнадцать лет, и этой машины больше нет, но зато есть целый мешок историй и приключений, двое мальчишек-близнецов и еще много лет впереди – гораздо ярче, чем самый шикарный «мустанг».

Лиза Тиффин

Операция «Доберман»

За час игры можно узнать о человеке гораздо больше, чем за год разговоров.

Платон, древнегреческий философ

О, Ранди... Невозможно забыть этот горящий взгляд и гладкую, словно мрамор, кожу. А ее волосы, словно водопад, притягивали взгляды мужчин. Просто ураган, а не женщина. В тот волшебный вечер 1972 года она обратила свой взор на меня.

Я был избран из двухсот, и даже более, таких же одиночек Лос-Анджелеса, собравшихся в ресторане (надо сказать, не самом лучшем) ради еще одной возможности пообщаться и поплакаться. Она кивнула мне и сказала, слегка растягивая гласные, что у меня очаровательная улыбка. Потом она сказала что-то о моих глазах и после обмена любезностями признала, что я еще к тому же и умен. Стоило мне ответить на ее вопрос, где я учился, как она промурлыкала: Лига плюща^[8] – и мягко коснулась моей руки. На самом деле мой университет – Уэслианский – никак к ней не относился, но я не успел поправить Ранди, как она заявила, что тоже получила дорогое образование.

Я был приглашен на ужин в пятницу. Она очень хотела попробовать приготовить что-нибудь необычное. Познакомившись с ней, я уже не мог выбросить ее из головы и целую неделю провел в мечтаниях о нашем страстном свидании.

И вот – пятница. В тот вечер слегка моросил дождь – идеальный вечер для ужина дома. Правда, когда я пришел, закусок она не подала. Да и вообще, кухня выглядела девственно чистой – будто Ранди готовить и не собиралась. Она плавно провела меня в спальню: сиреневый цвет стен идеально подходил под цвет покрывала на кровати.

– Смотри! – указала мне Ранди на десяток дипломов в рамке на стене.

Образование у нее действительно было дорогим: диплом о прохождении семинара «Бессрочные вклады в финансовых организациях», сертификат Академии обогащения «Бельфонтан», диплом Института кулинарных искусств и летней школы гуманитарных наук. Я, конечно, сказал, что весьма впечатлен, однако взглядом я пытался одновременно

охватить ее зеркальный потолок и невероятные туфли на шпильке.

Ранди взяла меня за руку и заявила:

– Я бы сходила в кино. Здесь есть кинотеатр неподалеку.

В кинотеатре показывали «Операцию «Доберман» – скучнейший фильм о дрессировщике собак, который натренировал стаю доберманов грабить банки. У каждой собаки был кличка какого-нибудь известного преступника, вроде Бонни, Клайд, Малыш Нельсон, Красавчик Флойд, Джон Диллинджер и т. п.

Когда фильм наконец закончился, кто-то в зале даже выдохнул: «Фу!» Я бы составил этому зрителю компанию, но меня больше волновало урчание в желудке: в ожидании кулинарного шедевра от Ранди я даже не пообедал.

Мы поехали обратно к ней, где еще минут десять кружили в поисках места на парковке. Дождь усиливался, но Ранди настаивала на туре по окрестностям. Особенно ей хотелось сходить в комнату отдыха, где людей оказалось полным-полно.

– О, вечеринка! – воскликнула она. Правда, мне показалось, что не слишком удивленно. – Давай зайдем на минутку.

Я только хотел открыть рот, как Ранди уже была внутри. Пришлось следовать за ней. Верзила на входе потребовал заплатить за вход десять долларов (замечу, что на дворе был 1972 год^[9]).

– Мужчинам платно, – заявил он тоном не слишком умного человека.

Я замялся в дверях в надежде, что Ранди вернется до того, как охранник выбросит меня на улицу. И она действительно появилась с половинкой французского сэндвича в руке.

– Ты не хочешь зайти? – удивилась она.

– Я думал, мы пойдем к тебе... – неуверенно пробормотал я.

– А я хочу побыть на вечеринке, – перебила меня она. – Тогда – до свидания.

Она пожала мою руку, оставляя на ней следы соуса от сэндвича. Вся чувственность испарилась, будто пузырьки из открытой газировки. Еще секунда – и она исчезла в толпе.

Каждое воскресенье хозяин комплекса, где я снимал квартиру, подавал бесплатный завтрак. В этот раз пришло человек десять: поесть бейглы с копченой лососиной и мягким сыром. Кто-то поинтересовался, как я провел выходные. О моем свидании с Ранди стоило рассказать. Только начав рассказывать свою историю, где-то еще за столом я услышал, словно эхо: «Лига Плюща», «приготовит ужин», «зеркальный потолок», «дорогое образование»...

Оказалось, что это вовсе не эхо: кто-то рядом с кофемашиной рассказывал другой группе о своем свидании.

– Простите, – подошел я к рассказчику, – а девушку, с которой вы были на свидании, случайно не Ранди зовут?

Конечно, ее звали Ранди. Джонатан, мой друг по несчастью, тоже посетил ее мир фиолетовых стен, дипломов и зеркал. Так же, как и я, он не дождался приглашения к ужину. Вместо этого он тоже был вынужден посмотреть «Операцию «Доберман» и уйти домой ни с чем. Особенно я зауважал его, когда узнал, что он тоже отказался платить десять баксов за вход. Правда, Ранди он наверняка понравился больше: его университет – Корнельский – действительно был из Лиги Плюща.

Мой друг по несчастью тоже попал в ее мир фиолетовых стен, дипломов и зеркал, и спустя 30 лет мы все еще вспоминаем о том свидании с Ранди.

Благодаря знакомству с Ранди мы с Джонатаном стали хорошим друзьями, часто гуляли по Лос-Анджелесу и даже сходили на двойное свидание с девушками, которые согласились на ужин, и действительно поужинали. Через десять лет я танцевал на его свадьбе.

Уже прошло тридцать лет с момента нашего знакомства, а мы с Джонатаном все еще вспоминаем Ранди. Она действительно была уникальной. Хотя бы просто потому, что две ночи подряд смогла посмотреть «Операцию «Доберман» от начала до конца.

Энтони Джейн Мур

Приключения в Интернете

Почему бы не рискнуть? Разве это не приносит плоды?

Фрэнк Скалли, писатель

– Но я вовсе не жажду с кем-то встречаться. У меня и так все хорошо, а от мужчин одно беспокойство. К тому же если бы Господь решил, что я должна выйти замуж, то уже послал бы мне суженого.

Подруга скептически посмотрела на меня сквозь пар от чашки чая.

– А тебе не приходило в голову, что Господь хочет, чтобы ты сама поискала своего суженого? – спросила она. – Да, конечно, у тебя хорошая

профессия – учитель, есть дом, независимость и свора собак. Но, может, отношения с мужчиной сделают твою жизнь еще богаче?

Я услышала ее, но в тот момент раздумывать над этим не хотела. Несколько недель ее слова периодически звучали у меня в голове, и я, немного поразмыслив над ними, снова их забывала. В один из таких моментов я вдруг начала понимать, что она хотела сказать. Слова обрели форму, пустили корни, и больше отмахнуться от них я не могла. Я также вспомнила, что в Библии Бог отправил Авраама на поиски жены, которая смогла бы родить ему сына Исаака. Авраам, в отличие от меня, ни минуты не тратил на размышления и расслаживания и не ждал, что молодая и красивая жена сама постучит в его дверь. Он немедленно приступил к поискам.

В Библии Бог отправил Авраама на поиски жены, и, в отличие от меня, тот ни минуты не тратил на размышления.

– Господи, хорошо, – сказала я. – Если ты действительно хочешь, чтобы я искала сама, подскажи, с чего начать. Я так предполагаю, что ты сразу против баров и ночных клубов.

Давайте заглянем в 1970 год, когда мне было 16 лет. Все, что касалось флирта и свиданий, пугало меня неизвестностью. А единственный совет, который я получила от мамы, был такой: «Никогда первая не звони мальчикам! Ты же не хочешь показаться доступной?»

Доступной? Это как? Как картина в музее?

Мне страшно нужен был совет. Ведь на дворе наступила новая эра: в воздухе витали идеи «свободной любви», а на дискотеках крутились зеркальные шары; женщины сжигали лифчики на кострах, а женские сигареты «Вирджиния Слимс», как говорили в рекламе, «стали еще длиннее». Я же застыла во времени, как муха в желе, с розовым телефоном и в ожидании звонка от принца на белом коне.

Они заявляли, что противозачаточные таблетки подарили женщине свободу, но мне кажется, что по-настоящему это сделал микрочип. Пусть мама запретила мне звонить первой – она ничего не говорила про электронную почту.

Итак, вернемся в наше время. Я начала искать свою половинку в Интернете. Ведь именно там была свобода. В первую очередь я решила, что если увижу интересную анкету, ни за что не стану сидеть перед монитором в ожидании письма, как тогда – перед розовым телефоном. Обязательно и без колебаний напишу первой. Благодаря анонимности, даруемой Интернетом, мне не обязательно было сразу выкладывать

мужчинам свое имя или адрес.

Я погрузилась в онлайн-общение, одновременно напуганная и обрадованная ничем не ограниченной свободой. Часто бывало, что первое письмо становилось и последним. Однако интересных знакомств было тоже немало. К тому же это помогло мне сделать вывод, что кино и ужин в ресторане на первом свидании – не самый лучший вариант. В идеале при первой встрече надо всегда оставлять возможность быстро сбежать, особенно когда говорить оказывается не о чем или собеседник принимается долго и нудно описывать свои увлечения, например, коллекционирование игрушечных гоночных машинок. Собственно, учитывая мою любовь к кофе, я остановилась на первых свиданиях в небольших кафе. Плюс перед встречей пришлось выработать некоторые правила: любые упоминания о «бывшей жене», о «раздельном проживании с женой» или о «гадком адвокатишке жены» были сигналом для меня заказывать кофе навынос.

Трудно даже представить, сколько я встречала мужчин, которые могли говорить только о своем неудачном браке и еще более неудачных детях. Для их эмоционального багажа впору было нанимать носильщика. В основном эти мужчины были похожи друг на друга. Однако попадались мне и эксклюзивные экземпляры. Например, один после короткой переписки позвонил мне по телефону. В ходе разговора я восхитилась тем, насколько спокойно он отнесся к нашей разнице в возрасте, причем не в мою пользу. На что он ответил:

– О, меня это только заводит. К тому же ты учительница. Такая картинка рисуется у меня в голове...

Я что-то пробурчала по поводу проверки тетрадей и повесила трубку. И сразу же захотела помыться.

Другой, увидев у меня два деревянных ящичка с прахом моих любимых собачек, заявил, что я – член «сатанинского культа» и что человек не может одинаково любить людей и животных. Так что я должна была выбрать одно из двух. Я даже не задумывалась. Мои бигли махали лапами ему на прощанье.

Однажды я наткнулась на анкету человека, с которым у нас было много общего. Я написала ему. Через пять минут пришел ответ, в котором мне с сожалением сообщили, что, несмотря на все мои достоинства, я слишком маленького роста. (Я действительно всего 160 см в высоту.) А он был высок, так что его избранница никак не должна была быть ниже 168 см. Это мне показалось настолько смешным, что я решила ответить: «Вы показались мне человеком, который знает, чего хочет. Тогда тем более

удивительно, что вас волнует такая глупость, как нехватка сантиметров. Особенно учитывая, что и у вас не всего хватает». Неудивительно, что на это я получила отповедь, способную составить конкуренцию знаменитой речи Муссолини.

Вообще, что касается внешности, Интернет не очень помогал. Некоторые фотографии были размытыми, на некоторых видно было только половину лица, а другие были настолько плохо сделанными, что казалось, человек на них доживает последние минуты перед смертной казнью. Другие выкладывали фотографии мощных атлетов с густыми волосами и кубиками на животе. В жизни они больше были похожи на Джорджа Констанцу^[10]. Мне очень хотелось посоветовать этим мужчинам относиться к своему возрасту и выпадающим волосам как к показателю мудрости и взросления, а не пытаться завлечь женщин фотографиями молодчиков с накачанным прессом. А еще чаще хотелось просто закричать: «Волосы, зачесанные на лысину, не делают вас моложе! Нет, даже и не пытайтесь!»

Несмотря на негативный опыт, я не жалею, что решилась на общение через Интернет. Конечно, пришлось выпить много кофе. В июне 2007 года я наткнулась на анкету глубоко верующего христианина, который жил всего в нескольких километрах от меня и никогда не был женат. Заинтригованная, я положила руки на клавиатуру, чтобы написать ему, когда вдруг заметила, что ему сорок пять. А мне уже пятьдесят три. Целых восемь лет разделяли нас. По опыту я знала, что мужчин моложе пятидесяти не интересовали женщины, которые уже перешагнули этот возраст. В итоге я решила не переживать очередное разочарование и письмо так и не отослала.

Через два дня мне пришло письмо. Каково же было мое удивление, когда я поняла, что письмо от Него!

– О, Боже! – вскрикнула я, хотя никто, кроме моих собак и Бога, этого не услышал. – Это тот самый сорокапятилетний ни-разу-не-женатый христианин в пятнадцати милях от меня!

Я ответила ему, и завязалась переписка, потом телефонные звонки. За неделю до истечения моей подписки на сайте (я решила, что продлевать ее больше не буду), 30 июля 2007 года, мы наконец встретились за чашкой латте с булочкой. Мы без труда узнали друг друга, потому что в анкете выкладывали самые новые фотографии. Наша беседа затянулась на часы, и мы договорились встретиться еще раз. Потом еще раз. Медленно, но верно мы подружились. Мне нравилась его доброта, уважение, с которым он относился ко мне, и нежность, с которой он относился к моим собакам. У

нас было так много общего, а различия мы легко принимали.

На Рождество 2008 года он попросил моей руки. Свадьба состоялась 4 апреля 2009 года.

И все это случилось только благодаря тому, что ни один из нас не побоялся выйти за общепринятые рамки, довериться Богу и рискнуть зарегистрироваться на сайте знакомств. И никаких розовых телефонов.

Лорель Хаусман

Последнее свидание с Вероникой

Счастье не складывается из того, что нас окружает, но, скорее, зависит от того, как мы на это смотрим.

Хью Даунс, актер и телеведущий

Я поступил глупо. Глупее не бывает. Наверное, даже самый недалекий из людей не совершал ничего подобного. В колледже никто не знал про Тисли. Этот страшный секрет не должен был выйти на свет, и внутри меня все сжималось, когда я об этом думал.

И разве можно меня винить? Тисли – городок дровосеков, жалкий кусочек земли, где нет машин без вмятин, где у каждого недосчитывается зубов, а головы побриты небрежно, будто перед лоботомией. Жалкое место возле дороги с лесорубами, пьющими пиво и валящими деревья, и усталыми женщинами с двойными именами^[11], надоедающими своими бесконечными жалобами на неверных мужей и тяжелую участь. Последнее, чего мне хотелось, – это чтобы друзья в колледже узнали: я родился и вырос в Тисли.

Вы спросите тогда: зачем я рассказал об этом Веронике? На что я отвечу: сам не знаю.

Моя девушка Вероника была, без сомнения, очень симпатичной. Стройная и высокая брюнетка, подстриженная под «унисекс», гордо вышагивающая по жизни. Однако не ее очаровательная внешность меня привлекла.

Я родился и вырос в Тисли – городке дровосеков, на жалком кусочке земли, и этот страшный секрет я должен был унести с собой в могилу.

Она была из состоятельной семьи. В шкафу висели наряды от «Диор», а

в сумочке лежала кредитка с неограниченным лимитом средств. Однако и не деньги меня привлекли.

В Веронике меня привлек острый ум. О да! Она была очень умной, круглой отличницей, президентом курса и яркой защитницей окружающей среды. Иногда она употребляла слова, от одного звучания которых я вздрагивал, даже не понимая их смысла.

В общем, я влюбился. Я был на седьмом небе. Правда, узнав ее получше, я спустился на «шестое» небо. Внутри нее скрывалась другая, напряженная, сжатая в пружину, тревожная и иногда даже грубоватая Вероника. Рассерженная, она могла посмотреть на тебя так, что становилось не по себе.

И все равно мне нравилось быть с ней рядом. Часто я сидел с ней в библиотеке, смотрел, как она читает не просто серьезную, а невероятно серьезную литературу: Уайтхед, Камю, Сартр, в конце концов.

За время, проведенное с ней, я, видимо, настолько проникся либеральными настроениями, что рассказал ей о Тисли.

– Что? – нахмурилась она в ответ. – Ты шутишь!

– Боюсь, не шучу, – вздохнул я.

– Тисли... звучит как какое-то древнее растение или название африканского племени.

Было очевидно, что понимания у нее искать не стоит. Когда я рассказывал про жевательный табак, популярный в том числе среди женщин и белобрысых детей, она с насмешкой изогнула брови. Когда она услышала про моих знакомых, бросивших школу, чтобы участвовать в гонках на грузовиках, лицо ее сморщилось от отвращения.

– Ты столько времени водил меня за нос, – сказала она. – Я-то думала, ты умнее.

– Все не так плохо, – попытался оправдаться я.

– Ну, звучит ужасно. Я поеду с тобой в Тисли на выходные: хочу сама это увидеть.

«Не делай этого!» – говорили мне знаки. Но можно подумать, я их слушал...

– Ты уверена? – спросил я. – В смысле, городок – самая настоящая «средняя» Америка.

– Конечно, уверена. Будет интересно посмотреть, как живет другая часть общества.

Остановить ее было невозможно. Так или иначе, мне предстояло опровергнуть слова Томаса Вулфа и вернуться домой^[12]. Особенно когда кто-то поднес нож к твоему горлу.

Это была долгая поездка по пыльной дороге. Вероника все время была недовольна. Мама встретила нас в своем любимом цветастом платье, свободном и подвязанном передником. Она чмокнула меня в щеку, потом отошла на шаг назад, чтобы как следует меня рассмотреть.

– Ты сегодня так вкусно пахнешь, – сделал я ей комплимент.

– То есть в остальные дни не очень? – поинтересовалась она.

– Нет, просто хороший запах. Ждешь кого-то на свидание?

– Дурачок, – смутилась она.

Вероника легонько пнула меня.

– Ох, мам, прости, это Вероника, – представил я.

Мама рассмотрела и ее, поджав губы:

– Боже милостивый, да она просто конфетка! Только парни совершенно без зубов могут отказаться от такой.

– Мам, завязывай такое говорить, – смутился я.

Мы прошли на кухню, где мама готовила ужин. На всех конфорках что-то кипело и скворчало, тикал таймер над плитой, а кухонный стол был уставлен всевозможными блюдами.

Веронику, однако, это не впечатлило. На лице у нее было написано: в этом доме живет стопроцентное «белое отребье», и наверняка в их генеалогическом древе найдется парочка браков между двоюродными родственниками.

Гостиная родителей была декорирована в стиле «свалка». Здесь был и камин, и журнальный столик с веером журналов об охоте и рыбалке, над камином красовалась голова оленя. Папа дремал в кресле перед телевизором, и разбудить его можно было разве что из пушки.

– Арнольд, вставай давай! – громко призвала мама. – У нас гости.

– А я и не сплю, – пробурчал он, доставая из кармана вставную челюсть.

На папе был наряд для семейного ужина. Ну и для работы тоже: синяя рубашка с почти прозрачными локтями, штаны-вездеходы и громоздкие черные ботинки. Собственно, в этом наряде он мог пойти куда угодно.

Я отправился на кухню. За время моего отсутствия Вероника разговаривала с отцом.

– А где вы работаете? – спрашивала она.

– Я лесоруб.

«Вот и все, – решил я. – Начинается». Внутри все медленно начало опускаться вниз.

– Лесоруб... – повторила Вероника. – Самый настоящий?

– Ничего особенного, – пожал плечами отец. – Не такая уж и

интересная работа.

Тут из кухни вышла мама с вилкой в руке.

– Не верь ему, дорогуша. Он просто обожает рубить деревья. Если его не останавливать, он их до последнего все вырубит.

Улыбка, появившаяся на лице Вероники, была словно нож мне в сердце.

– Неужели до самого последнего деревца?

– О, я обожаю запах опилок, – признался отец. – Ну и кто-то должен успеть это сделать, пока защитнички природы не накроют все медным тазом.

Это была последняя капля. Не произнеся больше ни слова, Вероника вскочила и направилась к двери.

– Подожди! – закричал я, но было поздно.

Она села в мою машину и уехала, оставив за собой только облако пыли.

Я горевал очень долго. Минут пять. Потом взял бутылку пива и сел перед телевизором. Отец смотрел чемпионат по реслингу. Какой-то парень в костюме змеи как раз запрыгивал на плечи второму. Я откинулся на диване и улыбнулся: я знал, что вернулся домой.

Тимоти Мартин

Когда меньше всего этого ждешь

Случайностей не существует – все на этом свете либо испытание, либо наказание, либо награда, либо предвестие.

Вольтер, философ, поэт

Есть такое выражение: «Хорошее случается, когда меньше всего его ждешь». Я в это не верю. Особенно в Лос-Анджелесе. За десять лет в этом городе я часто ходила на свидания, но вспомнить особенно нечего.

После очередной серии свиданий, в том числе с парнем, который сообщил, что нюхает кокаин («редко, раз в квартал»), и другим, который уже начал чувствовать себя лучше после разрыва с девушкой («хотя я думаю, у нас еще есть шанс»), и еще одним, который флиртовал со всеми, кроме меня, на вечеринке, куда, собственно, пригласила его я («Было весело!» – сказал он; конечно, ведь я, можно сказать, устроила ему вечер спиддейтинга), я решила: «Все, хватит!» Кстати, все эти свидания

произошли в течение недели. Не скажу, что для Лос-Анджелеса это было из ряда вон. Мне просто надоело ставить на количество, а не на качество. Я выросла на Среднем Западе и никак не могла понять: куда подевались настоящие мужчины? До переезда в Лос-Анджелес у меня был потрясающий бойфренд, и я уже начинала подозревать, что вся эта череда придурков – месть за то, что десять лет назад я разбила ему сердце.

Еще говорят, что надежнее всего знакомиться через общих друзей. Знаете что? Это снова ложь: с теми тремя, о которых я рассказала, меня как раз познакомили друзья.

Последнее свидание, точнее вечер свиданий, который устроил себе мой спутник, случилось на Пасху. Кстати, дело было в церкви, на пасхальном обеде. Ничто в его поведении не напоминало о христианстве. В прошлом году я уже пробовала не ходить на свидания во время поста^[13] и теперь размышляла на тему, почему не сделала то же самое и в этот раз.

Вечером на Пасху мои друзья-«нехристиане» встречались в кафе. Собственно, как и каждое воскресенье. После событий дня находиться в компании – последнее, чего мне хотелось. Но поскольку я уже нарядилась и пойти больше было некуда, я все же решилась.

Подъехав к ресторану, я еще час просидела в машине, обсуждая с подружкой, стоит ли все-таки туда идти. В тот момент я чувствовала себя более комфортно, рассказывая о своем неудачном свидании и причинах, почему не хочу находиться в толпе.

– Я завязала со свиданиями, – сказала я Кортни. – Это так тяжело. Лучше сосредоточусь на своей книге.

– Может, и так, – согласилась она. – Но писательство – тоже нелегкий труд, а его ты бросать не собираешься.

«Она права», – подумала я.

– Просто забудь про этих неудачников, – продолжила Кортни, – выкинь из головы. Ты же знаешь: все происходит не случайно. К тому же где-то тебя ждет парень, который не флиртует со всем, что движется, не страдает по своей бывшей и не нюхает кокаин ежеквартально.

Я рассмеялась. Конечно, она была права.

Поэтому я решила пойти в ресторан. Неожиданно я поняла, что свое водительское удостоверение оставила на стойке в аптеке, а она закрывалась через полчаса. Пришлось ехать туда, потом обратно в ресторан, по пути сомневаясь, что вообще стоит возвращаться: я уже опоздала больше чем на час.

На парковке я столкнулась с Тайлером, с которым была знакома уже шесть лет. Когда-то даже была в него влюблена. Он предложил сходить

куда-нибудь. И хотя предложение было заманчивым, мои друзья ждали меня, да и мне уже не терпелось их увидеть. Пришлось отказать Тайлеру. Я даже удивилась сама себе и мысленно поблагодарила Бога за смелость.

Уже почти у самого зала я столкнулась с Полом. Мы встретились пару лет назад, причем понравились друг другу с первого взгляда. Но на тот момент мы оба были несвободны, поэтому договорились быть просто друзьями. И, как это обычно бывает, больше не виделись. И вот он один в ресторане. Мы поговорили, и он пообещал обязательно найти меня позже. На том и порешили.

Я еще раз поблагодарила Бога за достоинство, с которым держалась, и наконец добралась до столика друзей. Пока мы болтали, к нам подседа пара – парень с девушкой, – с которой я не была знакома. Парня звали Дэвид, и он сел рядом. Мы быстро разговорились и болтали, болтали, болтали... Хватило нескольких минут, чтобы он мне понравился. Он был таким нормальным: ни с кем не флиртовал, не рассказывал о бывшей девушке, не упоминал кокаин. Я уже забыла, когда встречала кого-то, с кем у меня было так много общего.

И все же... Я понятия не имела, что за девушка пришла с ним. Если они встречались, то надо было прекращать разговор. Я не могла допустить, чтобы девушка испытала то же, что я сегодня днем. Я прямо спросила об этом у Дэвида, и он сказал, что они просто друзья. Можно было выдохнуть.

В ходе разговора выяснилось, что мы с Дэвидом уже встречались: восемь месяцев назад на дне рождения общего друга. У меня даже где-то валялось общее фото с вечеринки, на котором был и Дэвид. Еще выяснилось, что с полгода назад мы были на одной и той же вечеринке в честь Хеллоуина. Правда, друг друга не встретили, потому что тогда у меня был бойфренд и рассматривать других парней желания не возникало. Наконец, мы выяснили, что у нас есть общий друг – Джереми.

Хорошее случается, когда меньше всего этого ждешь.

Я предложила написать Джереми о нашем знакомстве. Тот быстро ответил. Мы одновременно посмотрели на экран моего телефона: «А я как раз подумывал о том, чтобы вас познакомить. :) Дэвид тебе очень подходит». Не знаю, кто в тот момент покраснел больше: я или Дэвид.

– А неплохая история получится из нашей первой встречи, – сказали мы почти одновременно, немного смущенные, немного возбужденные.

Сейчас, сотню свиданий спустя, я думаю, что в пословице все же есть доля правды. Хорошее случается, когда меньше всего его ждешь. Я никогда не думала, что после длительных отношений в колледже смогу

найти что-то лучшее. Но после встречи с Дэвидом я поняла, что все возможно. Через пару месяцев после знакомства я сказала Дэвиду:

– Как здорово, что ты был на том ужине в ресторане.

– Как здорово, что ты есть, – ответил он.

Наталья К. Люсински

Волшебная сила печенья

Счастье в жизни складывается из маленьких побед.

Эугения Прице, писательница

Представьте себе: худенький девятилетний мальчишка сидит на кухонном столе, а рядом с ним тарелка с горячим печеньем, еще без помадки, но уже таким ароматным. Спереди его красные пижамные штаны выпачканы мукой, мука попала и на кончик носа. Его серо-зеленые глаза серьезны: он оценивает предстоящую задачу. На стуле рядом стоит сестра. На рукавах розовой пижамы следы от красной и зеленой помадки. Ее огромные голубые глаза сияют от вида кулинарного рая на столе. На щечках следы сахарной пудры и золотистой посыпки для рождественских сладостей. Вместе с братом они старательно украшают печенья красной и зеленой помадкой вперемешку с золотыми и разноцветными шариками.

Миниатюрная брюнетка снует между детьми, контролируя этот кулинарный праздник, помогая и подсказывая. Вокруг разбросаны многочисленные украшения. Облачка из муки парят по кухне, оседая на столах, плите и полу.

Запах из кухни разносится по всему дому, и мужчина в строгих очках осторожно заглядывает на кухню: разузнать, что там происходит.

– Пап! – радостно кричит мальчишка. – Смотри, что мы сделали!

Мужчина улыбается и подходит поближе, умиленно разглядывая печенье, раскрашенное зеленым и красным, посыпанное (местами очень щедро) разноцветными шариками. Он берет несколько, с неудавшимся рисунком, пожевать, пока читает газету.

Но я забежала вперед.

Давайте вернемся на пару месяцев назад, когда общие друзья пригласили одинокую вдову за тридцать и вдовца чуть постарше, с двумя детьми, на ужин. Они уже отчаялись найти достойную пару в этом

маленьком городке – включая университет неподалеку, где оба преподавали. Поэтому на приглашение согласились.

– Мне надо успеть домой до девяти, проверить кучу сочинений, – предупредила она перед ужином.

– Я ненадолго, – заявил он. – Детей надо уложить спать не слишком поздно.

И вот в полпервого ночи она помогла своему спутнику отнести уснувшую дочь в машину. Сын тащился следом.

– Он обязательно позвонит, – пообещали друзья.

Прошел день, потом еще один. На третий день, ближе к вечеру, она решила: «Он передумал звонить». Ей было очень жаль, ведь в нем было все, о чем она мечтала, включая детей.

Однако через пару часов раздался звонок: наконец он решился. Почти час они проговорили, пока он наконец не пригласил ее в итальянский ресторан неподалеку.

За столик они сели около семи вечера, заказали по бокалу вина, пока изучали меню. И начался разговор. Было ощущение, что эти двое – одни во Вселенной, тем более в ресторане. Только через два часа они наконец заказали ужин. И потом сидели, пока не разошлись все остальные посетители, а официант не начал потихоньку попивать пиво за стойкой.

Оторвавшись от разговора, они с удивлением заметили, что ресторан пуст. И хотя официант уверял, что можно сидеть сколько угодно долго, было уже за полночь. Тем более что путь до дома был неблизкий, а с детьми все еще сидела няня. Помогая своей спутнице надеть пальто, он слегка коснулся губами ее лба. В дверях он уже целовал ее по-настоящему.

Когда она пришла домой, ей показалось, что воздух вокруг искрит. Хотя раньше она лишь недоверчиво морщилась, когда другие, влюбляясь, использовали это сравнение. Она попыталась переодеться, но пальцы не слушались. Сдавшись, она села на край кровати, прокручивая в голове все, что сегодня произошло.

Вдруг раздался звонок. Это был он.

– Меня чуть не арестовали! – заявил он. – И все из-за тебя.

Оказалось, что за рулем он настолько погрузился в свои мысли, что время от времени заезжал на встречную полосу. И хотя дорога была пустой, бдительный постовой забеспокоился и остановил подозрительную машину. Водителю удалось выкрутиться и вызвать понимание (и легкое удивление) у офицера рассказом о только что закончившемся свидании.

На следующий день, в воскресенье, он пригласил ее на утренний спектакль «О том, как Эрнест спас Рождество», куда они и направились

вместе с детьми. После он пригласил ее к себе, в просторный дом, декорированный в колониальном стиле и уютно расположившийся среди живописных лугов и лесов. Настолько красиво было вокруг, что ее охватило чувство глубокого удовлетворения и даже блаженства. Ей хотелось петь, танцевать...

После ужина, все еще у него дома, она сказала:

– Я бы хотела приготовить рождественские печенья вместе с детьми...

И мы возвращаемся к сцене вначале.

Отец снова появился на кухне, внимательно разглядывая следы муки на кухонном полу.

– Пап, – радостно начала девочка, – посмотри на мое печенье! Это специально для тебя.

Он подошел и увидел печенье, покрытое таким толстым слоем помадки, что даже не сразу можно было разобрать, что это Санта-Клаус. С точки зрения взрослого человека, это печенье съесть было невозможно, но с точки зрения шестилетнего ребенка – это была мечта. Папа сначала удивился, потом расслабился и улыбнулся дочери:

– Уверена, что добавила достаточно посыпки?

Девочка захихикала.

– Разве не красота? – спросила она.

– Просто произведение искусства, – подтвердил отец. – И ты, наверное, так старалась. Я думаю, ты по праву его заслужила.

Мгновение – и вот уже перед ними стаканы с молоком. Сколько же печений было съедено и сколько сохранено на потом!.. К вечеру дети переоделись в чистые пижамы, готовясь ко сну. Пока он читал детям сказку, она прибралась на кухне. Наконец взрослые расположились в гостиной перед зажженным камином. Налив по бокалу вина, они выпили за прекрасный вечер.

– Они ведь в первый раз делали печенья, – сказал он. – Когда их мама умерла, они были слишком малы.

Обнявшись, они говорили и говорили (а иногда и молчали), пока в камине не остались одни угли.

И вот через двадцать лет после нашей свадьбы мой муж все еще считает, что я все подстроила: каким-то непостижимым образом я узнала, что надо испечь печенья вместе с детьми. Атмосфера, сложившаяся в тот день, была настолько заразительно прекрасной, что к вечеру он уже точно знал, что я – та женщина, которую он искал, а его дни отца-одиночки с этого момента сочтены. Ему ничего не оставалось, как влюбиться в меня по уши. А я уже была влюблена в него. А дальше все и так понятно.

Кэтрин Гроу

Отношения, которых не было

Лучше любить и потерять, чем никогда не любить.

Альфред Л. Теннисон, поэт

Это был погожий весенний день, четверг, полшестого вечера. Я сидел на открытой веранде ресторана, через дорогу от шумной железнодорожной станции, и ждал свою спутницу – Мари. Каждые две минуты двери станции распахивались, выпуская новый поток пассажиров. Их бесконечная цепочка позволяла мне отвлечься от порхающих бабочек в животе. Я не так часто нервничаю, но сегодня мне предстояло первое свидание с девушкой, которую не хочется помнить, но невозможно забыть.

За неделю до этого я встретил Мари впервые после колледжа, то есть через три года после выпускного. И наконец смог признаться себе в том, что терзало меня с первого дня нашего знакомства, что на протяжении колледжа я старательно пытался игнорировать, но правда все равно просилась наружу, и мне надо было ее сказать: Мари была тем идеалом, с которым я невольно сравнивал всех остальных женщин. Когда подъехал еще один поезд, выбросив очередную порцию людей, позвонила Мари и сообщила, что подъехала.

Бабочки взвились с новой силой, когда я увидел ее в толпе через дорогу – женщину, которая заставила меня посмотреть на мир по-другому. Мари выделялась из общей массы, как роза среди пустыни. С лучезарной улыбкой она направилась ко мне. Один лишь взгляд – и остатки мыслей улетучились у меня из головы. Каким-то непостижимым образом ее улыбка стала еще привлекательнее, когда она увидела меня и повернулась в мою сторону.

В тот момент я даже не представлял, что это свидание – начало пути просветления, в конце которого я узнаю, что недостаточно просто следовать желаниям сердца, надо побеждать страхи, останавливающие или сдерживающие твой порыв.

Следующие два года пронеслись стрелой. В хорошие времена мы могли разговаривать часами, смеяться и наслаждаться обществом друг друга, словно все плохое нас миновало. Я был счастлив от того, что мог окружить ее заботой и вниманием. Мне казалось, что в ее глазах я читаю те же

чувства.

Я был очарован не только внешностью Мари: было в ней что-то неуловимое, какая-то изюминка. Для меня ничто не шло в сравнение с излучаемым ею светом, позволяющим увидеть в моей жизни то, что действительно важно, с невероятной четкостью и ясностью. Женщины, с которыми я встречался до нее, были умны, забавны, добры, прекрасны внутри и снаружи, но этого было недостаточно, мне всегда хотелось чего-то большего. Я хотел встретить женщину с уникальной способностью вдохновлять меня и делать сильнее, заставляя становиться все лучше и лучше просто потому, что я мог положить мир к ее ногам, а ее благополучие стало бы для меня гораздо важнее, чем собственные интересы.

Мы все же расстались. И я мысленно возвращался к тем двум годам с их беспрестанной сменой страсти и охлаждения между нами. Может, я был недостаточно уверен в том, что хочу от жизни? Может, мы оба боялись всецело довериться друг другу, опасаясь той ответственности, которой требуют столь близкие отношения? Может, я зря так слепо доверял своим инстинктам и она никогда не чувствовала ко мне того, что чувствовал я по отношению к ней? Не важно, в чем была причина, мое отношение к ней нисколько не изменилось. В какой-то степени меня не волнует причина. Я по-прежнему хочу, чтобы она была счастлива. И не важно, что я хотел быть тем мужчиной, который заставляет ее улыбаться, главное, чтобы она улыбалась, а мужчина рядом с ней берег ее как хрустальную вазу, как она того заслуживает.

Ты просто обязан ставить все на кон, иначе сомнения непременно помешают, оставив лишь воспоминания о той, с которой ты никогда по-настоящему не был.

И, хотя все закончилось вопреки моим ожиданиям, я получил хороший урок. Сейчас, говоря о Мари, я называю ее «бросившей меня», хотя на самом деле те страхи и сомнения, которые нас разделяли, делают ее той, с которой я никогда по-настоящему не был.

Я бы хотел повернуть время вспять, изменить течение наших встреч, но все равно ни о чем не жалею – я слушал свое сердце. И, хотя Мари никогда и не чувствовала того же ко мне, она заслуживала всего, что я ей давал. Я понял, что, если на пути тебе встречается такой бриллиант, как Мари, ты просто обязан ради вас обоих доверять себе и, если надо, ставить на кон все. В противном случае сомнения обязательно помешают, оставив лишь воспоминания о той, что сбежала, или, что еще хуже, о той, с которой ты

никогда по-настоящему не был.

Джеффри Натан Ширрина

Радуга

Когда он говорил о познании, я взглянул вверх и увидел, как надо мной расцвела всеми оттенками пылающая радуга.

Черный Лось, индеец, почитавшийся за святого

1995 год был ужасным: совсем чуть-чуть не дожив до золотой свадьбы, в августе умер мой муж, а еще через четыре месяца умерла мама. И что мне было делать? Десять лет я ухаживала за мужем, помогала матери. Одинокие ночи и дни потянулись бесконечной чередой. Темные мысли периодически посещали меня. Во сне приходили кошмары. Однажды мой пастор пригласил меня в группу поддержки для тех, кто потерял близких. Я пришла туда с неохотой и познакомилась с другими такими же несчастными, послушала, как они справляются с горем. Чтобы не упасть в депрессию, я решила чем-то себя занять и отправилась в морской круиз, как всегда мечтала. Одной ехать не хотелось, поэтому за компанию я взяла с собой четырех своих внучек, постарше. В один из погожих июньских деньков мы взошли на корабль «Ниэув Амстердам» в Ванкувере и отправились на Аляску. Старшие девочки, сестры, жили в отдельной каюте. Другие две разместились со мной.

Каждое утро я просыпалась первой, прогуливалась по палубе, наслаждалась видами, запахами и звуками океана. Мы ходили на все вечерние шоу-программы, взяли три экскурсии на берег, наблюдали за белоголовыми орланами, которых здесь были сотни, и даже совершили прогулку по леднику Менденхоллу. Если девочки были заняты своими делами, я выходила на палубу, отгоняя дурные мысли и терзавшие меня вопросы. Помогали успокаивающие накаты волн.

Недели проходили, а я все пыталась разобраться в себе. Особенно меня волновал один вдовец, с которым я познакомилась в группе поддержки. Каждое воскресенье мы виделись в церкви. Иногда он звонил поболтать. Один раз он свозил меня в кино и на ужин на своем красном «понтiaке фаерберд». Он мирился с моим депрессивным настроением и слезами, и

даже пару раз меня рассмешил. Но было ли честно отнимать у него время? Не прошло и года, как умер мой муж, да и мне уже почти семьдесят. Что скажут дети? Мне так нужен был знак, но в волнах Внутреннего пролива его я не находила.

Утром лайнер подошел к Ледниковой бухте. Я тихо собралась и вышла на прогулочную палубу. Здесь, на Аляске, было на четыре часа раньше, чем дома. Было четыре утра, а мои внутренние часы говорили, что уже восемь. Я сделала круг по палубе и остановилась полюбоваться на океан и светлеющее небо. Когда я проходила по носовой части судна, то увидела краешек яркой радуги на западе. Мне так хотелось надеяться, что это тот самый знак, которого я ждала, и в то же время я боялась, что мне это привиделось.

На следующем круге ко мне присоединилась другая женщина, Марта, тоже вдова. Она была на распутье, как и я, пытаюсь решить, стоит ли переезжать к сестре, которая тоже не так давно потеряла мужа. Мы уже два или три раза обсудили свои проблемы, но к решению так и не пришли.

Зайдя на нос корабля, мы вместе разглядывали переливающуюся радугу.

– Марта, – спросила я, – как думаешь, может, это знак? Помнишь, как в Библии: Бог послал Ною радугу как знак завершения потопа?

– Не знаю, – ответила она. – Но давай так: если радуга все еще будет на небе на следующем круге, я, пожалуй, с тобой соглашусь.

Радуга никуда не делась на следующем круге, и на следующем... Ее цвета начали блекнуть, только когда мы потянулись на завтрак. Трапеза прошла в тишине, но я давно не чувствовала себя такой расслабленной и умиротворенной.

Весь день я провела на палубе, впитывая виды ледников, голубые и зеленые переливы ледяных глыб, таких древних. Некоторые ледники были старше, другие – на сотни лет моложе. Денек выдался теплый: лазурное небо, океан словно зеркало. Как на открытке. Только изредка гладь воды нарушали озорные выдры. Лед стеной возвышался над десятипалубным лайнером, еще раз доказывая всю величественность божьего творения.

Следующим портом прибытия был Кетчикан. Я позвонила Кэлу, тому самому вдовцу, правда, о радуге ничего не сказала. Он был рад меня слышать и предложил встретиться в аэропорту. Кэл до пенсии работал инженером, увлекался резьбой по дереву, а еще обожал велосипедные прогулки. С женой они не могли этого делать, так как в последние годы она сильно болела. Я тоже не могла путешествовать, пока ухаживала за мужем.

После моего возвращения из круиза он все чаще приходил в гости, а я все больше привязывалась к нему. Однако мы ни разу не говорили об отношениях, о том, кто мы друг для друга, пока однажды не позвонила моя дочь. Когда я рассказала ей, что ходила на ужин с Кэлом, она воскликнула:

– Мам, ты не говорила, что встречаешься с кем-то!

И голос ее был радостным.

До конца того года мы вместе ходили на спектакли и балет, часто выбирались на целый день в парк на его «пontiаке». Почти всегда он дарил мне цветы и относился ко мне все с большей нежностью. В январе Кэл встал на колени и предложил мне руку и сердце. Конечно, я согласилась. Вместе мы сходили к пастору, назначили свадьбу на апрель, продали оба наших дома и купили один общий. Подготовка к свадьбе проходила под строгим контролем всей паствы, они даже устроили прием в честь свадьбы. Благодарные, мы пригласили их всех на церемонию.

Весна 1997 года в Теннесси была поистине великолепна. Церцисы и кизил радовали глаз гостей с севера, рядом расцветали южные магнолии и азалии. Семеро наших детей прилетели со всех концов страны, чтобы поздравить нас. Его сестры с семьями прибыли со Среднего Запада, а двоюродные братья – из Огайо и Миссури. Даже брат моего почившего мужа с женой приехали из другого штата.

В день свадьбы поначалу срывался дождик, но наконец выглянуло солнце – как раз к нашей церемонии. Мой брат подъехал к церкви, когда на небе раскинулась огромная радуга. Поскольку брат вел меня к алтарю, я ждала его у входа, и мы вместе залюбовались. Может, у меня и остались сомнения в том, что та радуга на леднике была знаком свыше, но я точно знала, что радуга в день нашей свадьбы была благословением от Бога.

Мы женаты вот уже двенадцать лет, и с каждым днем наша любовь становится все сильнее. Он до сих пор часто дарит цветы, а меня больше не посещают мрачные мысли.

В медовый месяц мы поехали в круиз по Карибскому морю. Каждую ночь мы стояли на палубе, считая звезды, с восторгом наблюдали царственный полет кометы Хейла-Боппа. Потом мы вместе отправились в путешествие через Панамский канал, испытав на себе бурный Атлантический и умиротворенный Тихий океан. В последнюю ночь того путешествия нам страшно повезло – мы видели полное лунное затмение вдали от огней города. Однажды мы обязательно поедem в круиз по Аляске, чтобы уже вместе любоваться местными красотами.

Элзи Шмид Кноке

Вперед!

Вы любите кого-то не потому, что он идеален, но потому, что его недостатки идеально подходят вам. Найдя любовь, вы находите не идеального человека, но, видя его недостатки, понимаете, как он прекрасен.

Сэм Кин, писатель

К 2007 году я развелась, мне исполнилось пятьдесят, а инвалидом я стала еще раньше, в тридцать шесть.

– Дебби, – сказала я себе, – ты столько лет носишь один и тот же размер джинсов, с возрастом ты стала только интереснее. Может, любовь с первого взгляда тебе и не светит, но со второго кто-то обязательно заинтересуется тобой.

Хотя кого я обманывала? Лет мне было уже немало, к тому же инвалид... Кому нужна такая ноша? Мне трудно было находиться в компании, тем более говорить о своей чудаковатой болезни. Тут уж размер джинсов не в счет.

В 1994 году мне поставили диагноз: крайне редкое неврологическое нарушение – синдром мышечной скованности. Заполучить такое – один шанс из миллиона. Моя нервно-мышечная система гиперчувствительна к внешним раздражителям: прикосновению, звукам, эмоциям, движению, что приводит к сильным мышечным спазмам и общей скованности. Это представляет серьезную опасность падения и травм.

Я включила компьютер и увидела письмо от Джона, моего хорошего друга. Я жила в Колорадо, он – во Флориде, но мы все равно поддерживали близкие отношения. Разговоры с ним по телефону или электронная переписка всегда заряжали меня энергией и радовали. Я решила откровенно рассказать ему о своих страхах по телефону.

– Джон, – начала я, – кому я нужна? Список запретов для меня просто огромен. Как я могу просить кого-то взвалить на себя проблемы инвалида?

– Дебби, я уверен, что на небесах уже присмотрели кого-то для тебя, – решил приободрить меня Джон. – Ты подарок для любого мужчины.

– Мне трудно в это поверить. Я решила, что хочу жить одна – не выдержу еще одного развода. Уж лучше буду одна по собственному желанию, чем одинока рядом с мужем, – вздохнула я.

Джон решил напомнить мне о своей жене Донне, которая умерла несколько лет назад:

– Я не искал серьезных отношений, когда встретил ее. Тоже хотел жить один и заниматься своими делами. Но однажды в воскресную школу пришла Донна. И наша встреча была предрешена судьбой, я уверен, – мы были так счастливы вместе. Поверь, в твоей жизни такое тоже произойдет.

Размышляя над его словами, я все равно до конца в них не верила. Особенно с учетом моего синдрома.

Когда мы в следующий раз созвонились с Джоном, я сообщила ему, что со своей дочерью Джейми задумала посетить город Клируотер и Диснейленд во Флориде.

– Дай знать, когда окончательно определишься с датами, – сказал Джон. – Я помогу с билетами. Может, даже смогу освободить денек и поужинать с вами.

Через пару месяцев мы прибыли в Диснейленд. С Джоном мы договорились встретиться в гостинице. За это время Джейми и Джон подружились и очень хотели встретиться. Я нервничала, но Джейми понимала меня, ведь Джону впервые придется так близко столкнуться с моей болезнью. Когда Джон позвонил из холла гостиницы, я попросила дочь дать нам несколько минут и вышла к нему без своей трости.

Я была очень взволнована предстоящей встречей. Одно дело – говорить о болезни по телефону, и совсем другое – увидеть это своими глазами. Изменится ли его отношение ко мне после этого?

Наконец двери лифта открылись, и – бам! – Джон решил сфотографировать меня, ослепив на секунду вспышкой. На фото получилась обычная женщина с темными густыми волосами, в черных бриджах и стильной футболке. Только лицо было слегка испуганным.

Взглянув на Джона, я увидела статного мужчину с небольшими залысинами, сияющими глазами, в черных штанах и футболке... и с тростью в руке, потому что Джон страдал тем же синдромом, что и я. Мы присели, впервые заглянули друг другу в глаза и обнялись. Я вдыхала аромат его одеколона и чувствовала себя словно в уютном коконе.

Наша жизнь полна счастья и любви, и хотя внешний мир иногда нападает, то хорошее, что связывает нас с Джоном, перевешивает все.

После встречи во Флориде наши телефонные беседы длились уже по пять часов, и мы созванивались по несколько раз на день. Дружба постепенно переросла в нечто большее... и все стало сложнее. Джон почти на четырнадцать лет был старше меня и помимо синдрома мышечной

скованности имел другие проблемы со здоровьем. Я тоже была вынуждена принимать инсулин из-за сахарного диабета. Мы все-таки поговорили о наших отношениях и о том, стоит ли их продолжать.

В 2008 году я стала женой Джона Кроуфорда и переехала в Джексонвилл. Наша жизнь полна счастья, любви и только нам свойственных проблем. Иногда внешний мир нападает, но то хорошее, что связывает нас, перевешивает все.

Дебра Кроуфорд

Еще одна вечность

*Слова твои слышала я не ушами, а сердцем.
Не губы мои целовал ты, а душу.*

Джуди Гарленд, актриса и певица

Я сидела за столом в своем кабинете на третьем этаже. Вся поверхность была усыпана памфлетами и бумагами, яркими и вызывающими, как и положено для стола заместителя директора по связям с общественностью. Теперь в моей жизни было две роли – вдовы и специалиста по связям с общественностью.

Почти четырнадцать лет мой муж был проповедником в Карибском бассейне, и его неожиданная смерть от рака полностью перевернула мою жизнь. Наш младший сын оканчивал школу, поэтому я осталась в Атланте.

От работы меня отвлекла секретарша. Она зашла в кабинет и положила на стол резюме.

– Тебе будет интересно, – улыбнулась она. – Наш новенький – вдовец.

Несмотря на всю свою сдержанность, я разозлилась. Последнее, чего мне хотелось, так это всеобщего внимания к моему «одиночеству». Конечно, в свои сорок семь лет я вполне еще могла найти себе спутника жизни и думала об этом. У меня был прекрасный муж, и могло случиться, что следующий брак окажется ничуть не хуже. Когда-нибудь... Но не прямо сейчас!

Я открыла папку, одновременно прикидывая, в какие новостные агентства направить последний пресс-релиз, и взглянула на резюме. Итак, что мы имеем? Из Оклахомы в Джорджию к нам прибыл Эд Онли, пятидесяти одного года... с шестью детьми!

Это не лезло ни в какие ворота! О чем думала подруга? У меня уже

было три сына, между каждым четыре года разницы.

Следующие две недели я выполняла свою работу: провела собеседование с «вдовцом», отправила информацию о его достижениях в соответствующие информационные агентства, особенно подчеркивая, что все это он оставил, чтобы работать у нас. Я на самом деле была впечатлена, и не в последнюю очередь его истинным виргинским акцентом, сохранившимся, несмотря на многочисленные переезды, связанные со строительством церквей, поликлиник и центров для военных священников в Миссисипи, Арканзасе и Оклахоме. Я искренне поддерживала его начинания в Джорджии.

И вот что было дальше.

В один прекрасный день Эд остановил меня на балконе, когда я выходила из кабинета директора. Со смущением и пугающей прямоотой он спросил, нет ли у меня свободной минутки. Я сказала, что есть, и тут он задал вопрос совершенно не по работе:

– Просто хотел спросить... готовы ли вы уже принять приглашение на ужин с мужчиной? – И, видимо, увидев изумление на моем лице, быстро добавил: – Мужчина – это я.

В тот самый январский день было положено начало теплой дружбе, которая позже переросла в нечто большее. Отбросив свои предубеждения и домыслы, я увидела самого честного и любящего человека, которого когда-либо знала. Например, он никогда не останавливал меня, если я начинала говорить о муже, и всегда открыто делился воспоминаниями о своей жене. Мне не надо было забывать или вычеркивать из жизни свой 27-летний брак, а ему – свой.

Вот еще один пример его щедрости и широты души: когда я пожаловалась, что на могиле мужа, сколько бы травы я ни сажала, ничего не растет, он, не сказав ни слова, на целый день уехал с работы, чтобы обработать землю и засеять газон. При этом могила находилась милях в тридцати от его дома. Признался он, когда мы вместе поехали на кладбище.

Всего через несколько месяцев свиданий мы оба поняли, что между нами – двумя взрослыми людьми, связанными прошлой и настоящей миссионерской деятельностью, – происходит нечто большее, чем просто дружба. Переступить этот порог было очень нелегко, особенно учитывая те счастливые отношения, которые у обоих были в прошлом.

Все решилось однажды вечером после ужина в нашем любимом ресторане Атланты. Эд посмотрел на меня своими голубыми глазами, в которых отражалась четность, забота и любовь, и со смелостью (которой,

как он признался мне позже, он сам испугался) взял меня за руку.

– Я знаю, что у тебя был прекрасный муж, – начал он. – И ты очень любила его. Я знаю, что ты поклялась любить его вечно. – Он сделал паузу и продолжил: – Я хочу спросить: не могла бы ты подарить мне свою любовь на следующую вечность?

Он просил меня не забыть мужа, а подарить любовь и ему тоже. Не раздумывая, я согласилась.

Не прошло и полгода с той самой встречи на балконе, когда я приняла приглашение на ужин, как мы с Эдом поженились – в кругу друзей, искренне радовавшихся нашему союзу.

И вот двадцать пять лет спустя мы все еще вместе. На двоих у нас девять детей и пятнадцать внуков. Позади осталось много прогулок, походов в горы, радости и слез, успехов и потерь, которые только сделали нас сильнее.

Везде мы вместе – и будем еще целую вечность.

Илейн Геррин Онли

Принц-лягушонок

Я бы поцеловала лягушонка, даже если бы знала, что он не превратится в прекрасного принца. Просто я люблю лягушек.

Кэмерон Диаз, актриса

Хочу сказать всем одиноким девушкам, мечтающим встретить принца: это возможно! Все, что нужно, – это лягушонок. Честное слово. Самый обыкновенный. Давайте расскажу о своем лягушонке и о том, как он превратился в принца.

Субботним утром я отправилась в свой любимый садовый магазин. Мне нравилось бродить по рядам, разглядывая садовые статуи. Уже некоторое время я ни с кем не встречалась, и от этого было немного грустно. В свои тридцать я очень хотела встретить мужчину и создать семью. Однако потенциальных кандидатов пока не было.

Я уже собиралась уходить, как вдруг увидела его: маленького, толстенького... и с короной! Моего лягушонка. Ну да, это была статуя. Я радостно потянулась за ним. Может, это Бог решил пошутить надо мной? Может, это и есть мой принц? Сама не знаю почему, но лягушонок меня

очень обрадовал, и я решила купить его как напоминание о том, что не стоит слишком серьезно ко всему относиться.

Дома я установила его на одной из клумб, и он продолжал вызывать у меня улыбку, стоило взглянуть в его сторону. При этом я всегда думала, что **ОБЯЗАТЕЛЬНО** встречу своего принца. Лягушонок стал моим тайным другом, вселяющим надежду на будущее. Вскоре я начала встречаться с одним парнем.

«Может, он и есть мой принц?» – думала я. Позже я поняла, что ошиблась, и поиск пришлось начать заново. Тем временем я продолжала собирать лягушат. Дело в том, что я все-таки проговорилась о лягушонке маме, и теперь вся семья считала своим долгом увеличить мою коллекцию: на день рождения или Рождество. Мама тоже была мечтательницей и верила в меня.

Через некоторое время я решила усилить поиски принца и загрузила анкету на сайт знакомств. Было много первых свиданий, я даже целовала нескольких лягушат. Все это время я не переставала надеяться. И вот это случилось.

Мой брат с невестой подарили мне на Рождество необычную елочную игрушку: маленького расписного лягушонка с короной на голове. Рождество уже наступило, и совсем скоро елку надо было убирать, поэтому новую игрушку я так и не повесила. На следующий год я, как обычно, поставила елку сразу после Дня благодарения. В этот же день я обновила свою фотографию на сайте знакомств. В воскресенье я вдруг вспомнила о лягушонке, которого получила от брата и (теперь) его жены. Поэтому вечером я поместила лягушонка на самую верхушку, сразу под звездой.

Глядя на елочную игрушку, лягушонка с короной на голове, я верила, что встречу своего принца.

На следующий день я зашла на сайт знакомств и увидела послание от парня, который меня очень заинтересовал. То, что произошло дальше, стало историей. Скажу только, что через два месяца мы были помолвлены. Мама была уверена, что я беременна, и мне пришлось убеждать ее в обратном. Просто мы сразу поняли, что созданы друг для друга. Я замужем вот уже пять лет. У меня трое замечательных приемных детей и трехлетний сын.

Через некоторое время после нашей со Стивом свадьбы подруга пригласила нас на день рождения. Я была в растерянности, не зная, что ей подарить. Отправившись в магазин, я долго бродила по рядам, когда вдруг

увидела его – плюшевого лягушонка. Я решила передать эстафету подруге. Уж если его волшебство сработало на мне, то и у нее есть шанс. Я вручила ей подарок и рассказала свою историю. Пару лет лягушонок сидел на диване, а в прошлом году она встретила своего мужчину.

По крайней мере, из ее рассказа я сразу поняла, что это не просто очередной поклонник. Недавно она позвонила и сказала, что помолвлена и свадьба состоится этим летом. Потом она спросила, стоит ли оставлять у себя лягушонка. Я посоветовала ей передать его тому, кто, по ее мнению, был готов встретить свою любовь. Может, в лягушатах с короной действительно что-то есть?

Лори Озболт

Глава 3. Созданы друг для друга

У истории настоящей любви нет конца.

Ричард Бах, писатель

Мистер Браунли

Нет голоса верней, чем голос сердца.

Лорд Байрон, поэт

В один из пятничных вечеров (тогда я еще училась в школе) мой бойфренд подвозил меня домой после матча. Я заявила, что знаю, за кого выйду замуж. Он напрягся.

– Не волнуйся, – сказала я. – Это не ты. Это мистер Браунли. Вчера ночью мне приснился сон, и я проснулась, точно зная, что мистер Браунли станет моим мужем!

От смеха Дэн чуть не съехал с дороги.

Мистер Браунли – молодой, симпатичный преподаватель экономики и тренер по баскетболу в нашей школе. Практически каждая девчонка в городе была в него влюблена. И, конечно же, меня он вообще не замечал.

Мистер Браунли был похож на Кларка Кента, Супермена, и каждая девчонка мечтала стать его Лоис Лейн.

Помимо внешней привлекательности, мистер Браунли был очень обаятелен и уверен в себе. Многие сравнивали его с Кларком Кентом, Суперменом. В нашем маленьком фермерском городке было крайне мало таких, как он, поэтому многие женщины мечтали стать его Лоис Лейн.

Ничего удивительного, что мой сон о мистере Браунли в кругу друзей стал чем-то вроде шутки.

Я окончила школу, поступила в колледж и вышла замуж за парня, с которым мы вместе работали. Через пять лет мы развелись, и я осталась одна с ребенком.

Еще через три года я решила устроить для сына путешествие в Калифорнию как подарок на Рождество. Сразу после сочельника мы с Николасом вылетели в округ Оранж и провели там замечательный отпуск.

На Новый год мы возвращались в Огайо. Полет был с пересадкой в Питтсбурге. Два часа после пересадки – и мы в Дейтоне.

В Питтсбург мы прибыли вовремя. Пока ждали посадки, я читала, а Ник играл в портативную приставку. И вдруг неподалеку я увидела мистера Браунли! Он стоял, опершись о колонну. И снова мне на ум пришло сравнение с Кларком Кентом. На секунду я застыла. Потом все же решила поздороваться с ним.

Я подошла и спросила:

– Простите, вы ведь мистер Браунли, не так ли?

Он посмотрел на меня и ответил:

– Да. Мы знакомы?

– Привет. Я Шерил Хефл, – ответила я, немного смутившись.

– Ах да! Я помню тебя. Ты ведь была одной из первых моих учениц. Как дела? И что ты здесь делаешь?

– Пойдемте посидим с нами, – предложила я, – и сможем поговорить.

Я рассказал ему, что мы ездили в отпуск. Он тоже возвращался из Калифорнии – играл там в гольф.

Он спросил номер моего рейса и номер места. Рейс был тот же, а сидели мы на местах 35В и 35С. Он с улыбкой показал мне свой билет и номер места – 35А.

По моей спине побежали мурашки.

Наконец мы сели в самолет и проговорили всю дорогу до Дейтона. В итоге я узнала, что он не женат, не помолвлен и вообще ни с кем не встречается. Он преподавал в другой школе, побольше, и продолжал тренировать команды по баскетболу и гольфу. Наш полет показался мне таким коротким.

По прибытии в Дейтон я дала ему свою визитку, уточнив, что работаю на радио и иногда могу достать хорошие билеты.

– Если что-то понадобится, – сказала я, – звони, и я посмотрю, что можно сделать.

Он посмотрел на мою визитку и произнес:

– Может, и позвоню.

Потом взял сумки и махнул рукой, подзывая такси.

Пока мы разговаривали, выяснилось, что у нас есть общая подруга. Через пару дней я столкнулась с ней и все рассказала.

– Рик не позвонит, – сказала она, – лучше ты ему позвони.

И дала его номер.

Так что я позвонила, и мистер Браунли взял трубку. Я спросила, сколько стоила его поездка на такси.

– Двадцать семь долларов, – ответил он. – И три я дал на чай.

– Надо же! – удивилась я. – Не думала, что такси в Дейтоне может столько стоить.

– Слушай, – спросил он, – тебе не показалось странным, что в самолете мы оказались на соседних местах?

– Ну да, – подтвердила я.

– Ладно, я смотрю матч, – вдруг произнес он. – Мне надо идти.

И повесил трубу. Я почувствовала себя полной дурой.

Однако, когда через пару дней мне позвонила та самая подруга и я рассказала ей, что произошло, она убедила меня позвонить ему снова.

После долгих уговоров я решилась. Сказала мистеру Браунли, что у меня есть билеты на концерт, и поинтересовалась, не хочет ли он пойти. На что он ответил, что ему это неинтересно.

Я смутилась и быстро сказала, что все равно пойду – мне это нужно по работе. Когда в ответ он спросил, может ли перезвонить, я ответила:

– Как хочешь.

Прошло еще два дня. На автоответчике рабочего телефона я обнаружила сообщение от мистера Браунли. Он спрашивал мой домашний номер.

Вечером он позвонил, и мы проболтали больше двух часов. Почти две недели мы созванивались каждый вечер, однако ни разу он не пригласил меня на свидание. Наконец я сама решила пригласить его на баскетбольный матч с участием «Дейтонских Летунов» – местной команды. И опять он придумал какую-то неубедительную отговорку. Именно в тот момент я решила, что слишком стара для продолжения бесполезного общения со своим бывшим учителем, которому была неинтересна. Поэтому сказала:

– Не знаю, что за мысли у тебя в голове, но мне уже тридцать три, тебе сорок один, и мне надоело эти игры. Я вешаю трубку, и на этом – все.

– Подожди, – заволновался мистер Браунли, – ты неправильно меня поняла... На самом деле я очень хочу пойти с тобой на матч в пятницу.

В день матча он заехал за мной, и мы отлично провели время. После матча мы решили поужинать, и он сказал:

– Послушай, я просто не люблю все эти ухаживания и свидания. Если в итоге мы не поженимся, все это будет напрасной тратой времени.

У мистера Браунли определенно был самый странный подход к ухаживанию. И теперь я понимала, почему он до сих пор не был женат.

Мы ходили на свидания еще неделю, после чего он признался мне в любви и предложил:

– Давай прямо завтра пойдем к мировому судье и станем мужем и женой.

– Я всегда любила тебя, – ответила я. – Но давай все же хотя бы немного походим на свидания.

Через полгода Рик Браунли и я обвенчались на острове Макинак штата Мичиган.

Шерил Браунли

Просто знаю, и все

*В жизни нет ничего, чего стоило бы бояться,
есть только то, что нужно понять.*

Мария Склодовская-Кюри, физик, химик

Такси остановилось на красный сигнал светофора. В машине ехали я и Тед. Это было наше второе свидание. Я как раз открыла свой ежедневник – Тед хотел увидеться снова – и просматривала даты второй недели июля. Суббота, 12 июля – «годовщина». Написанное крупными буквами, это слово четко выделялось на странице. Я мысленно выругалась: Тед тоже все видел.

– Что за годовщина? – спросил он.

Я попыталась быстро придумать какую-нибудь невинную ложь, но не вышло.

– Знаешь, – наконец решилась я, – как-нибудь потом расскажу.

С Тедом меня познакомила наша общая приятельница Джулия. Поскольку он работал с утра до вечера, то на свидание смог выделить только свой обеденный перерыв – и мы провели его в кафе рядом с его офисом.

Я специально надела черные бриджи, туфли на плоской подошве и простую белую майку с джинсовой курткой. По моей задумке, в первую очередь Тед должен был оценить не размер моей груди, а собственно меня. На Теде была серая рубашка и ужасный галстук, кричащий о том, что у него нет девушки. Однако я быстро поняла, что он очень веселый и умный парень, – именно эти черты я больше всего и ценила в мужчине. Обед пролетел незаметно.

Второе свидание было более основательным. Мы прошли обоюдную проверку в первую встречу и теперь хотели провести больше времени

вместе, узнать друг друга лучше. В пятницу вечером мы решили встретиться в музее искусств «Метрополитен» на выставке Уинслоу Гомера. После направиться на ужин в клуб «Йель», членом которого был Тед. И, наконец, если к тому времени все будет нормально, поехать в район Алфавет-сити на театральную постановку с участием моей подруги.

На этот раз я решила уделить больше внимания своему внешнему виду. На мне было желтое приталенное платье с вырезом чуть ниже, чем позволяли приличия. Идя по ступенькам к входу в музей (опоздав на пять минут, как это положено), я увидела Теда в небесно-голубой рубашке, под цвет его глаз, он улыбался мне самой широкой из своих улыбок.

Пока мы ходили по выставке, я поглядывала на Теда. И каждый раз встречалась с ним взглядом. Очевидно, нас обоих не очень увлекало искусство. Наконец, мы вышли к метро и отправились в клуб. Заказав по бифштексу, мы завели непринужденный разговор. Я поняла, что первый раз в жизни встретила мужчину доброго и обходительного и в то же время сильного и уверенного в себе. Он был умен, но не высокомерен, умел пошутить без намека на пошлость или сарказм.

Как раз во время поездки в Алфавет-сити Тед и спросил меня про следующее свидание. И узнал про «годовщину». Я не хотела ничего ему говорить, потому что 12 июля, год назад, меня изнасиловали. Суд вынес решение о заключении насильника в тюрьму только в апреле, всего за пару месяцев до моего знакомства с Тедом. Я понимала, что в конце концов мне придется во всем ему признаться, но боялась реакции и того, что может за этим последовать.

Несмотря на то что я оставила его вопрос без ответа, свидание продолжилось. Мы поговорили о планах на выходные. Тед с другом отправлялся в двухдневное плавание через пролив Лонг-Айленд, а моя подруга прилетала в гости из Бостона. Театральное представление нам понравилось, мы много смеялись, и все было хорошо, будто ничего и не произошло. Наше свидание продолжалось уже почти шесть часов.

В полпервого ночи мы снова были в такси. На этот раз я ехала домой. Выходя из машины, я наклонилась поцеловать Теда. Мне действительно этого хотелось. Это был короткий поцелуй, просто прикосновение – и вот я уже в подъезде. Завершение свиданий никогда не было моей сильной стороной.

На следующий день в новостях передали о надвигающемся на Нью-Йорк урагане «Берта». Нас ждал сильный ветер, ливень, и, конечно, все рейсы в город и из него были отменены. Подруга позвонила и извинилась, что не сможет приехать. Я же могла думать только о Теде и его плавании,

которое тоже скорее всего пришлось отменить. Мне хотелось позвонить ему, но я слишком нервничала. Поэтому отправилась в кофейню за углом купить булочку и кофе. По дороге домой я все-таки решила позвонить Теду. Почему нет? Однако когда я открыла дверь, то увидела, что кто-то оставил мне сообщение на автоответчике. Я сразу поняла, что сообщение от Теда. Как я и думала, он остался в городе.

Я точно знаю, что мы будем вместе очень и очень долго.

В тот же день мы пошли гулять под дождем в Центральный парк. Тед пытался поразить меня своими глубокими познаниями о видах деревьев. Мне было весело: на всех деревьях были таблички с названиями, и частенько они не соответствовали словам Теда.

После мы отправились ко мне домой. Я предложила приготовить мой фирменный фасолевый суп: открываем банку, разогреваем и подаем. Теда вполне устроило такое предложение. Глядя на его довольное лицо, я решилась. Если для Теда станет проблемой мое прошлое, мне лучше узнать об этом сейчас. Если он посчитает меня грязной и использованной, так тому и быть. Я хотела избавиться от переживаний по этому поводу.

Я передала ему тарелку супа и начала:

– Я бы хотела рассказать тебе о той надписи, которую ты заметил в моем ежедневнике.

Меня охватила тревога, и в тот же момент появилась тошнота. Пришлось сделать глубокий вдох. И, хотя кожей я чувствовала взгляд Теда, посмотреть на него я не решалась.

– Двенадцатого июля исполнится год с того дня, как меня изнасиловали. – Я сделала паузу и продолжила: – Год назад в мою квартиру вломился мужчина и изнасиловал меня. – На глазах у меня появились слезы, я не могла их сдержать. – Я просто не знала, как сказать тебе, но знать об этом ты должен.

– Мне так жаль. – Он поставил тарелку и медленно произнес: – Сядь со мной рядом, чтобы я мог обнять тебя.

Я подошла, и он сжал меня в объятиях. Очень крепко. Наконец он отпустил меня и посмотрел на мое заплаканное лицо.

– Не знаю, Джен, поверишь ты мне или нет, – сказал он, – но я каким-то непостижимым образом сразу понял, что тебя изнасиловали. Когда ты не ответила на мой вопрос, я сразу все понял. Как и почему – не знаю, но это так.

Сегодня мы с Тедом муж и жена. И хотя мы женаты всего десять лет, я точно знаю, что мы будем вместе еще очень и очень долго.

Просто знаю.

Дженнифер Куаша

Судьба на двух колесах

У каждого человека свое назначение, и единственный наш императив – это следовать своему назначению, приняв его, к чему бы это ни вело.

Генри Миллер, писатель

Было время, когда путешествовать автостопом было безопасно. Например, в 1970-х годах водители общественных автобусов Ванкувера устроили забастовку, и правительство вполне серьезно рекомендовало пешеходам передвигаться автостопом, а водителям – не отказывать им.

Правда, я голосовала, потому что страховка на машину закончилась. А поскольку я была простой студенткой, денег всегда было в обрез. Конечно, я знала, как трудно поймать машину на Кинг-Эдвард-авеню, но выбора не оставалось – я опаздывала на экзамен по французскому языку.

Машины проезжали мимо, водители отворачивались. Я наслаждалась солнечным деньком, что редкость в конце сентября, но все больше начинала волноваться, что не успею к началу.

Наконец какой-то «фольксваген» замедлил ход, и я с облегчением вздохнула. Как вдруг наперерез автомобилю бросился мотоцикл, заставив его проехать мимо. Я видела, что водитель возмущенно покачал головой, и сама разозлилась. Скорее всего, мотоциклист хотел припарковаться, но меня это не утешало, ведь, возможно, он отвадил от меня единственного возможного попутчика!

Водитель мотоцикла взял с заднего сиденья шлем и спросил:

– Каталась когда-нибудь на мотоцикле?

Я разглядела его. Высокий, в белом шлеме с черным забралом, которое закрывало большую часть лица, но не бороду, черной кожаной куртке, черных же перчатках, брюках и ботинках. Конечно, как любая девушка в те годы, я ответила:

– Шутите? Да у меня был свой мотоцикл!

– Отлично! Тогда запрыгивай.

Позже я узнала, что мой спаситель ехал в городок Хоуп, чтобы

позавтракать, когда увидел меня. Он на полной скорости помчался домой, чтобы взять второй шлем, и вернулся в надежде, что я никуда не делась. Так что он не собирался уступать меня какому-то «фольксвагену».

Парень довез меня до места, и мы пару минут поболтали перед тем, как я убежала на экзамен. Мы даже не спросили имена друг друга. В тот же вечер он пошел на вечеринку и рассказал подруге Лори о девушке, которую подвез утром.

– А номер телефона взял? – спросила Лори.

– Нет.

– Ну ты дурак!

– Не волнуйся. Я обязательно ее еще встречу.

На следующий день мне снова предстояло голосовать. Я договорилась пообедать с мамой, которая заведовала детским садиком при местном колледже. И снова я вышла на перекресток и вытянула руку. Я просто не поверила своим глазам, когда увидела вчерашнего мотоциклиста. Однако он поворачивал налево, к станции обслуживания, и меня не видел.

«Уверена, он меня подвезет», – думала я, переходя дорогу.

Он разговаривал с одним из механиков, давним знакомым, когда появилась я. Когда он повернулся и наши глаза встретились, механик словно перестал существовать. Он быстро ретировался, поняв, что до него совершенно никому больше нет дела.

– Привет! – сказал мотоциклист.

И, конечно, он меня подвез. День снова был чудесный, и поездка прошла как нельзя лучше. Мы наконец познакомились – Гарри и Диана. И узнали, что ходили в одну и ту же школу, правда, с разницей в два года. Он был знаком с моим старшим братом.

Подъехав к месту назначения, Гарри пригласил меня на свидание, снял перчатку и внутри написал мое имя и телефон.

Через пять недель (и то только потому, что мне потребовалось четыре недели, чтобы найти место, подходящее моим кошкам) мы начали жить вместе, а еще через год поженились.

В нашей жизни было много радостей и горестей, но мы прошли через все вместе, и наша любовь год от года становится только крепче.

В нашей жизни было много радости, включая двух сыновей, и много горестей, включая еще двух сыновей-близнецов, умерших вскоре после рождения. Но мы прошли через все вместе, укрываясь от штормов и праздная победы. Наша любовь год от года становится только крепче, и мы всегда поддерживаем друг друга.

А Гарри (он такой романтик!) до сих пор хранит ту перчатку...

Диана С. Николсон

Сменила адрес

*Нет случайностей. Что в мире
Мы все считаем случаем слепым,
То рождено источником глубоким.*

*Иоганн Фридрих фон Шиллер, поэт и
философ*

Посидев некоторое время на «скамейке запасных», то есть без свиданий, кроме одного совершенно кошмарного случая, я решила, что замужество – это не мое. Однажды вечером, по пути с работы, я подняла глаза к небу и про себя сказала: «Господи, я никогда не выйду замуж». После чего вдруг почувствовала невероятное умиротворение и продолжила свой путь по шоссе 101 Лос-Анджелеса, в душе сочувствуя всем женщинам за сорок, которые просто выли от отчаяния – так хотелось им замуж.

Посидев некоторое время на «скамейке запасных», я сказала себе, что замужество – это не мое, и вдруг почувствовала невероятное умиротворение в душе.

Два года спустя моя жизнь сделала невероятный поворот. Денег я стала зарабатывать меньше, поэтому пришлось из любимой квартиры, в которой я прожила девять лет, переехать в другую, подешевле, в районе Бербанк. Как будто одного этого было недостаточно, самую старую из моих кошек – Риски – пришлось усыпить. У нее нашли рак, хотя я ничего не замечала. Я выплакала море слез – так скучала по ней. И мое сердце продолжало пропускать удар каждый раз, когда я смотрела, как две мои оставшиеся питомицы – Эстер и Джозеф – не могут найти свою сестру.

Я разбирала последний ящик с вещами, когда вдруг меня озарило: я сообщила о своем переезде и раздала новый адрес почти всем, кроме магазина «Для душа и души». Мне все еще кое-чего не хватало в новой квартире, и теперь я рисковала упустить множество скидок. Поэтому я позвонила туда. По телефону мне ответили вежливым голосом:

– Спасибо за звонок. С вами разговаривает Джейсон. Чем могу помочь? Джейсон помог мне уладить все формальности со сменой адреса и не

смог сдержать удивленного возгласа, услышав название моей улицы.

– Скринленд-драйв? – переспросил он. – Похоже, вы поселились рядом с целой тучей кинотеатров.

– Вообще, я живу недалеко от киностудии, – отреагировала я. – Что-то вроде «Диснея», «Уорнер Бразерс» и «Эн-би-си».

– Вообще-то, я работаю здесь днем, – сообщил Джейсон. – Но я еще и музыкант. Хотите посмотреть мой сайт?

Я решила не упускать возможности заполучить нового клиента.

– Конечно! Я сама писатель, но днем работаю, чтобы иметь стабильный доход. Так что я вас понимаю. Если вы музыкант, то я могу помочь вам с резюме. Хотите посмотреть мой сайт?

Мы с Джейсоном обменялись адресами сайтов, после чего он заполнил все оставшиеся бумаги.

Вечером, придя домой, я и думать забыла про свое обещание Джейсону – зайти на его сайт. Однако в почте меня ждало сообщение от него.

«Ну вот, – подумала я. – Забыла зайти на его сайт».

Я ввела название, которое получила от Джейсона, в адресную строку. Он оказался красавчиком. Его фото красовалось на обложке последнего альбома. Я почитала биографию, и, честно говоря, написано было совсем непрофессионально.

Я увидела, что Джейсон – из Нью-Джерси и играет он – на чем бы вы думали? – на вибрафоне. Причем его учителем был не кто иной, как Лайонел Хэмптон. Я слышала его музыку. Кроме того, у Джейсона в прошлом были две номинации на «Грэмми». Все это было очень впечатляюще, но писать парень совсем не умел. Это был не сайт, а сплошная путаница из мыслей.

Я написала Джейсону о том, как поражена его успехами. В конце добавила, немного по-деловому, что с радостью окажу ему содействие в написании любых текстов.

На следующий вечер я снова получила письмо от Джейсона. На этот раз он спрашивал меня, замужем ли я и есть ли у меня дети. Фыркнув, я написала: «Если ты заходил на мой сайт, то должен знать, что я хочу стать протестантским священником и подхожу к этому вполне серьезно. Если твои письма примут такой вот неподобающий тон, то я не премину ответить. Не думай, что я женщина, вешающаяся на шею первому встречному». От злости моя клавиатура просто задымилась. Вдруг зазвонил телефон.

– Привет, Энджи! – поздоровался в трубке Джейсон. – Я только что отправил тебе письмо, но тут же решил, что лучше позвоню. Я знаю, как

ты относишься к Богу. Поэтому и хотел поговорить с тобой. Мы обсуждали с тобой возможность написания комментариев к моему сайту, и я очень хочу, чтобы ты это сделала. Но есть еще кое-что...

Я даже не представляла, что еще может хотеть от меня этот мужчина, кроме талантливых текстов. Поэтому приготовилась ко всему, в том числе – повесить трубку при необходимости.

– Не знаю, как сказать, – начал он, – поэтому спрошу напрямую. Когда вечером я зашел на твой сайт, прочитал о тебе, я понял, что ты именно та женщина, которую я так долго искал.

Вдруг Джейсон перешел на тот язык, который я понимала лучше всего: Священное Писание.

– Не сомневайся в силе Бога, Энджи. Людям это невозможно, Богу же возможно все.

Эти слова сразу же растопили мое сердце и разрушили все сомнения и нежелание выходить замуж. Я хотела слушать его и дальше.

Мы разговаривали еще несколько раз и наконец решились на отношения на расстоянии. Из-за километров между нами он стучался во множество дверей, знакомился с людьми, которые были мне небезразличны. Просто я хотела точно знать, действительно ли он так хорош, каким кажется. После свадьбы я переехала к нему. И опять сменила адрес.

Энджи Лаймон Тейлор

В поисках родственной души

Есть два вида пламени, охватывающего сердца людей. Одно быстро вспыхивает и так же быстро гаснет. Другое занимается медленно, но, разгоревшись в полную силу, не гаснет уже никогда. Помните об этом.

Тимоти Оливейра

Мы с моим будущим мужем встретились на занятиях по вождению. Нам было по пятнадцать лет. С того момента мы стали лучшими друзьями. Знаю, звучит немного слащаво.

Дружба не обязательно перерастает в любовь. Для нас это превращение заняло годы, если считать с момента знакомства.

Будучи друзьями, мы всегда помогали друг другу советами в отношениях. Я знакомила его со своими подругами. Он утешал меня, когда я расставалась с парнем. Я часто критиковала его выбор женщин, а ему редко нравились те, с кем встречалась я.

Каждый год, на день рождения, мы отправлялись на «фальшивое» свидание. А Новый год, если ни с кем не встречались, праздновали вместе. Ну, в принципе, как самые настоящие лучшие друзья.

Все это время я искала своего суженого, родственную душу. Мечты о нем вдохновляли меня. Я точно знала, что он где-то ждет – тот, кто создан для меня, а я для него.

Проблема, однако, была в том, что моя родственная душа, мой суженый никак не хотел находиться. Я не наделила его никакими отличительными признаками. В принципе, я вряд ли отличила бы его от черной дыры или своего лучшего друга.

И поиски привели к неожиданному результату. Тем летом мы увидели друг в друге что-то новое. Когда мы были вместе, атмосфера накалялась, а воздух искрил. Не замечать это было невозможно.

К тому моменту мы уже дружили столько лет, что знали друг о друге практически все. Официально встречались мы совсем недолго: уже через пару недель мы объявили о помолвке, а меньше чем через год – поженились.

Итак, пока я искала своего суженого, он был рядом. По крайней мере, так я думала тогда.

Прошло совсем немного времени после медового месяца, как я посмотрела на него влюбленными глазами и спросила:

– Как думаешь, мы родственные души?

Однако я даже не могла предположить, что в ответ он невинно спросит:

– А кто это – родственная душа?

Я была в шоке. Как он мог быть моей родственной душой, если даже не знал, что это означает?

Однако я была влюблена. Суженый или не суженый – я уже вышла замуж. Поэтому мы были вместе. Я решила завязать с мечтами о родственных душах.

Шли годы. Мы узнали, что во многом мы столь же отличаемся, сколь и схожи в другом. В походе по магазинам я всегда искала самый выгодный вариант, а муж был импульсивным покупателем. Я любила поэзию, а он читал только обложки. Он любил охоту, а я – вязание. Мясо он предпочитал есть с острым, а я со сладким соусом. Я до сих пор верю в судьбу, он же не знает, что это такое.

Однако, несмотря на все различия, мы все равно интересны друг другу (и умеем развлекаться) вот уже двадцать лет. Несмотря на то что во сне я стягиваю с него одеяло, а он храпит, мы словно настроены на одну волну, на которой комфортно нам обоим. Мы словно живем под ритм, не слышимый больше никому.

Родственная душа – это тот, с кем ты вместе растешь, и со временем такая простая вещь, как чашка кофе в постель, радует тебя до самой глубины души.

Каждый вечер перед сном я заряжаю кофеварку на утро. Каждое утро он приносит мне кофе в постель, со сливками, как мне нравится. Однажды вечером я так устала, что просто сказала:

– Уже поздно. Сегодня у меня нет сил заряжать кофеварку.

И снова он удивил меня:

– Но как же тогда я принесу тебе кофе? Я делаю это каждое утро.

В его словах было столько нежности, знакомой только тем, кто прожил годы вместе.

Конечно, я подготовила кофеварку.

Я все еще помню о родственной душе. Однако мое понимание этих слов изменилось. Не думаю, что родственная душа – это незнакомец, созданный для тебя. Это было бы слишком просто. Родственная душа – это тот, с кем ты вместе растешь, и со временем такая простая вещь, как чашка кофе в постель, трогает тебя до самой глубины души.

Вот что такое для меня «родственная душа». И лучший друг.

Джилл Пертлер

Загадай желание

*Нас вместе свели небеса, любимая. Нас
разделяло только время – время на поиск пути по
карте, уже вложенной в наши сердца и души.*

Неизвестный автор

Я училась в четвертом классе и была влюблена. Наши родители дружили, а мамы считали «милым», что я влюбилась в соседского мальчишку на пять лет старше, уже подростка. Для меня же любовь была самой настоящей с того самого момента, когда он впервые посмотрел на

меня своими карими глазами и улыбнулся.

Каждую ночь, лежа в кровати, я тихо напевала: «Вон падает звезда – загадай желание, и оно исполнится, не важно, кто ты есть... Если в сердце живет мечта, она обязательно сбудется»^[14]. Уолт Дисней не может ошибаться. Разве важно было, что у меня только начался переходный возраст, зубы торчали в разные стороны, а он учился в другой школе и даже не знал, как меня зовут? Совсем не важно, решила я, потому что была уверена: каким-то образом я все равно выйду за него замуж.

Шли годы. Я все еще мечтала, глядя на звезды, однако реальность настигала меня. Соседский парень поступил в колледж, начал встречаться с девушкой, и у них все было серьезно. Я пыталась забыть, но каждый следующий мой парень был чем-то похож на него: цветом глаз, улыбкой, телосложением, нежным и добрым сердцем. Однако все было не то. В душе, как бы странно это ни звучало, я не могла его отпустить. Может, моя первая любовь закончилась слишком печально, а может, я действительно что-то предчувствовала? Ответа у меня не было. Я надеялась, что рано или поздно все пойму.

Тем летом я окончила институт, а мой брат женился. Свадьба была скромной, приглашены были только самые близкие друзья и родственники.

На мой вопрос, придет ли на свадьбу предмет моих мечтаний, мама ответила:

– Вряд ли. Он переехал и вообще очень занят на работе. Но родители его будут.

Ну что ж, я была рада увидеть их и спросить про сына. Мое сердце радостно стучало: все-таки он вполне мог прийти тоже.

За несколько дней до свадьбы мама сказала, что он придет. В эти выходные он все-таки сумел найти время, чтобы навестить родителей. А учитывая, что одновременно должна была состояться свадьба лучшего друга, все совпало как нельзя лучше. Несмотря на мое внутреннее ликование от этой новости, ситуация усложнилась: я не хотела идти на свадьбу брата без пары. Но один из институтских друзей согласился составить мне компанию. Я знала, что он надеется на что-то более серьезное, чем дружба, которую могла предложить я.

Сердце замерло, когда я заходила в церковь, сопровождая невесту. Я быстро пробежала глазами по спинам гостей и почти сразу увидела его: он совсем не изменился. Когда я проходила мимо его ряда, он взглянул на меня с изумлением. Конечно, я давно уже не носила брекеты и разноцветные заколки. Я уже не была просто «сестрой Джеффа», и он наконец это заметил. Наши глаза встретились, и он кивнул мне, улыбаясь

той самой доброй улыбкой, которую я так любила.

Двадцатиминутная церемония показалась мне самой длинной в мире.

Как только служба закончилась, я спросила у мамы:

– Где он?

– Не знаю, – ответила она, одновременно благодаря гостей за участие. – Наверное, уже пошел в дом со всеми остальными.

Я была просто на седьмом небе. Несмотря на то что впереди меня ждала новая жизнь, я несказанно радовалась возможности увидеть мальчишку, в которого была влюблена с четвертого класса.

«Зачем вообще я пришла с другим парнем?» – думала я. Теперь просто поговорить с моей зазнобой не получится. На фуршете меня усадили между моим спутником и моим любимым. Последний также хотел поговорить со мной. Только мне хотелось знать, была ли моя любовь настоящей или это было глупой детской влюбленностью. Мы несколько раз тайком уходили от гостей, чтобы спокойно пообщаться, рассказать друг другу обо всем, что произошло за эти годы. После я довольно туманно помнила сам фуршет, зато хорошо знала, что именно в тот день было положено начало дружбе, любви и уважению.

Всего две недели мы могли быть вместе, а потом я уезжала в Мэриленд – там я нашла работу своей мечты. Они пролетели слишком быстро, и теперь работа не казалась мне такой важной. Однако все документы уже были подписаны. Две недели мы не расставались, но где-то в глубине души я все еще пыталась понять для себя: была ли эта любовь настоящей или я просто пыталась осуществить детскую мечту.

На одном из наших последних свиданий он нежно обнял меня, и мы вместе уставились на звездное небо.

– Сюзан, ты бы согласилась выйти за меня? – спросил он. – Не сейчас, а вообще?

Я на секунду перестала дышать.

– Да, вполне возможно, – тихо сказала я.

Мое сердце выскакивало из груди, когда до меня дошло, насколько сильно я люблю его, а он меня. Да, мы не сразу поняли это, но ведь мое желание сбылось.

Через три месяца он приехал в Мэриленд, и мы вместе выбрались на берег океана. На пляже дул теплый ветер, мы слушали крики чаек и тихий шелест волн. Сидя в его объятиях, я увидела проходящих мимо влюбленных, держащихся за руки. Я улыбнулась, ведь я тоже наконец обрела свое счастье, своего друга и любимого. Я посмотрела на него, и он спросил:

– Сюзан, ты выйдешь за меня замуж?

Моя мечта сбылась, и до сих пор, после 17 лет брака, я смотрю на мужа глазами влюбленной четвероклассницы.

И надел кольцо на мой палец.

Мы женаты почти семнадцать лет, а на мужа я до сих пор смотрю как влюбленная четвероклассница. Для меня он стал даже лучше. И каждый раз, когда он подъезжает к дому, мое сердце на секунду замирает. Моя звездочка не подвела меня.

Сюзан Стонтон

Одно простое слово

*Бывает, что между старыми друзьями
возрастает новая любовь. Но самая прекрасная
та, что была между ними всегда.*

Неизвестный автор

Я вовсе не одна из тех, кто собирает «ценные» вещи. Я имею в виду всякие салфетки, билеты, листья деревьев – в общем, мусор, памятный для хозяина. Одна такая «ценность», правда, у меня есть – МАЛЕНЬКАЯ и самая обыкновенная, всего 6 x 9 см. На ней написано всего одно слово, не особо романтическое. Другой, увидев его, не поймет, что это значит. Что за слово? Пожалуй, лучше расскажу все с начала...

Как любая маленькая девочка, я мечтала о пышной свадьбе и прекрасном принце. Я даже составила список. Все девочки это делают: составляют список качеств, которыми будет обладать мужчина их мечты. Смешной, романтичный, с голубыми глазами. Голубые глаза, кстати, всегда были моей слабостью. К двадцати годам список был безнадежно забыт. Парни, с которыми я встречалась, сначала казались тем что надо, но потом превращались в чудовище, которое точно не могло снова стать принцем. Так началась моя дорога разочарований.

К тридцати годам я все еще была одна, а списки и мечты остались далеко в прошлом, вместе с маленькой девочкой. Я решила полностью изменить свою жизнь, чтобы больше не зависеть от мужчин. Так было проще. Я часто повторяла, что мне нравится быть одной и делать что захочется или что у меня нет времени на свидания: весь мой день и так

расписан по часам. Не знаю, удалось мне хоть кого-то этим обмануть.

Мужчин я предпочитала держать в друзьях. Так было лучше всего. И вообще, я узнала, что мужчины – отличные друзья, когда от них ничего не ждешь. С моим лучшим другом, тоже тридцати лет, одиноким, мы отлично проводили время: смеялись, много говорили и рассказывали друг другу о самых кошмарных своих свиданиях. Для меня многое открывалось с новой стороны. Наша дружба была идеальной. Однако случилось то, что неизбежно случается, если ты одинокая женщина, а твой друг – одинокий мужчина. Все видели фильм «Когда Гарри встретил Салли». Вот и с нами случилось то же.

Был май, стояла прекрасная погода, и мы играли в гольф. Как обычно, смеялись и разговаривали, но что-то было по-другому. Наше поддразнивание все больше походило на флирт. Дружеские объятия длились чуть дольше положенного. Это был волшебный день, когда возможно было все. Мы нарушали все неписанные правила дружбы. Но нам, казалось, было все равно.

Вечером я вернулась домой и принялась сходить с ума. В этом я была спец, потому что почти всю взрослую жизнь только этим и занималась: анализировала каждое слово и жест мужчин. Встречаясь с кем-то, я неустанно пыталась своих подруг: «Как думаешь, что он имел в виду, когда сказал, что перезвонит?», или «Может, он хотел заставить меня ревновать?», или «Может, мне самой ему позвонить?» и т. д. и т. п.

На этот раз все было по-другому, потому что своего друга я знала очень хорошо. Стать равнодушной, чтобы он в конце концов сам бросил меня, я не могла. Ведь он был моим лучшим другом. И тоже меня знал. Очень хорошо знал. Вернулась моя неуверенность в себе, нашептывая: «Тебе просто показалось, он видит в тебе только друга». Может, я действительно все себе придумала? Было так страшно снова влюбиться и остаться с разбитым сердцем. Он тоже это знал. Почему все стало так сложно? Я легла спать с совершеннейшей кашей в голове и душе.

На следующий день на работе я открыла почту, страстно ожидая письма и в то же время умирая от страха. Что он скажет? «Нам нужно поговорить»? Очень медленно я открыла входящие письма и... ничего. Отлично! И что же теперь?

Он навсегда завоевал меня одним этим дурацким словом.

Через час курьер принес мне огромный букет. К букету прилагалась маленькая записка, и в ней было всего одно слово: «Попалась!» Мое сердце тает каждый раз, когда я вижу эту записку, а все страхи и сомнения

улетучиваются. Он настолько хорошо меня знал и понимал все мои страхи, что сумел выразить это всего одним словом. Он навсегда завоевал меня одним этим дурацким словом.

Все, что было дальше, похоже на сказку. Я полюбила его всем сердцем. Ни разу он не разочаровал меня и не сделал больно. Я узнала, какой должна быть любовь на самом деле. Нам просто суждено было быть вместе.

Мы женаты почти шесть лет. Я по-прежнему обожаю своего мужа. Наша любовь свободна от сложностей, страхов и сомнений. Это больше того, о чем я могла мечтать в детстве. Кстати, глаза у него самые прекрасные – голубые...

Линда Баскин

Аморе

*Сердце остается не там, где живешь, а где
живет любовь.*

Латинская пословица

Я родилась и выросла в Канаде, в итальянской семье. Как и все настоящие итало-канадцы, ценности я исповедовала итальянские, а образ жизни вела канадский. Я даже не говорила на итальянском, когда была маленькой. Тем не менее, когда мне было десять лет, наша семья отправилась в путешествие на свою историческую родину. В то время я была очень зажатой, носила очки с толстенными линзами, а про прическу лучше вообще не говорить. Поэтому я никак не могла знать, что меня ждет в Италии.

На площади городка, где выросла мама, – Миньяно-Монте-Лунго – я встретила самого красивого, самого уверенного в себе тринадцатилетнего мальчишку, какого когда-либо видела. Его звали Людовико. Он катался на велосипеде, красивый как бог, с улыбкой, от которой светило все вокруг. Для меня он был практически взрослым мужчиной. Однажды он купил для меня джелато – итальянское мороженое, – причем за свои деньги! Мое сердце выпрыгивало из груди, стоило оказаться рядом с ним. Я боялась даже посмотреть на него – настолько его обожала. Конечно, я никому ничего не говорила о своих чувствах: ни маме, ни двоюродным сестрам. Я страшно стеснялась. Кроме того, я вообще не понимала ни слова из того,

что он говорил (хотя на слух это было прекрасно). Через месяц мы покинули Италию. Мне грустно было расставаться с новым волшебным миром и своей первой любовью.

Время шло, и в старших классах я уже не так часто вспоминала городок Миньяно, однако мне страстно захотелось выучить итальянский. Несколько лет я учила итальянский... и говорила просто ужасно. Но все же могла связать пару слов на этом прекрасном языке... что было достаточно для моего следующего приключения.

После школы мы с мамой решили еще раз посетить Европу, включая, конечно, Италию. Сидя в самолете, я думала о людях, которых не видела много лет. Двоюродные сестры и братья, другие родственники... и Людовико. При мысли о нем все внутри сжалось. Что он подумает обо мне сейчас, когда я выросла? Сочтет ли меня достаточно привлекательной?

Я до сих пор помню то чувство, что охватило меня, когда он затормозил позади нас на своем мотоцикле. На мне была джинсовая мини-юбка, и я умирала от жары. Мы с мамой бродили по улочкам Миньяно и почти никого не встречали: похоже, все жители попрятались по домам от изматывающей жары. Но он не прятался. Я обернулась и увидела его верхом на мотоцикле, в солнечных очках и с широкой улыбкой на лице.

– Ты помнишь этого молодого человека? – спросила, улыбаясь, мама.

«КОНЕЧНО!» – хотелось крикнуть мне. Какой же он был красивый!

Меня как будто ударило молнией. Слава богу, на этот раз он тоже что-то почувствовал, потому что следующие несколько дней не отходил от меня ни на шаг.

Наконец у нас появилась возможность остаться наедине. Мы поехали кататься на мотоцикле. Людовико представил меня всем своим друзьям и наконец признался в своих чувствах... сказал, что любит и хочет, чтобы я осталась здесь, в Миньяно. Конечно, я призналась, что тоже люблю.

Мы наслаждались компанией друг друга еще один день, но потом надо было уезжать. У меня будто вырвали сердце из груди. Хуже того, мама поняла, что происходит, и попыталась отговорить меня от отношений на расстоянии. Это было ужасно! Ему я сказала, что обязательно вернусь, а он обещал ждать.

Уже приехав в Канаду, я выплакала все глаза. Родители, как могли, утешали меня.

– Если это твоя судьба, то все обязательно получится, – говорили они.

Глупо было пытаться утешить меня такими избитыми фразами. Я даже думаю, они сами не верили в эти слова.

Прошло десять лет. Мне исполнилось двадцать восемь, и настало время

следующего приключения. На протяжении этого времени я встречалась с парнями, но не встретила ни одного, за кого хотелось бы выйти замуж.

В один прекрасный день мама заявила, что Людовико приезжает в Канаду на две недели на конфирмацию своего племянника, а по итальянской традиции надо бы пригласить всех на ужин. Я была просто потрясена.

– Не хочу его видеть, – сказала я матери.

– Но почему? – удивилась она.

Как будто ничего не произошло!

Я попыталась объяснить свои чувства:

– Я чувствую себя очень неловко... В последнюю нашу встречу мы обещали ждать друг друга, а прошло уже десять лет... Это позор.

На самом деле я боялась, что моя жизнь после встречи с ним изменится. Что он разбудит во мне все то, что было так глубоко спрятано. Я не хотела, чтобы мое сердце было снова разбито, не хотела быть бесконечно несчастной от того, что любимый так далеко от меня.

Однако есть вещи, которые неизбежно случаются. Как только наши глаза встретились, все прошедшие годы словно испарились. Мне снова было восемнадцать, а ему двадцать один. Чувства пробудились с новой силой. Я даже испугалась, насколько сильнее они стали. Когда пришло время отъезда, он сказал:

– Я не собираюсь ждать тебя еще десять лет. На этот раз мы будем вместе.

Как только наши глаза встретились, прошедшие годы словно испарились.

Мы снова были юными, а наши чувства пробудились с новой силой.

После долгих прощаний, слез, испытаний и страданий он переехал в Канаду. На следующий год мы поженились... словно в подтверждение того, что мечты сбываются и от судьбы не уйдешь!

Сильвия Суриано-Диодати

Незабываемый

*Никогда не сдавайтесь – никогда, никогда,
никогда, никогда...*

Уинстон Черчилль, политический деятель

Я была разведенной одинокой женщиной. Дети разъехались из нашего дома в Далласе кто куда, и замужество меня больше не интересовало. Искать достойного мужчину я тоже устала. Самые лучшие отношения у меня были с Гарри, еще в институте, тридцать лет назад. Из Массачусетса он перевелся к нам в Техас, потому что здесь ему предложили грант на обучение как хорошему футболисту. Как и многие влюбленные, мы говорили о свадьбе.

В юности, испугавшись трудностей, я рассталась с возлюбленным... и спустя 30 лет все еще вспоминала о нем.

Однако, когда Гарри повредил спину, ему пришлось уехать в Массачусетс на операцию. В итоге он потерял грант. Учитывая стоимость авиаперелетов, наши дальнейшие отношения были невозможны. Его будущее было поставлено на карту: он хотел стать тренером и заниматься любимым делом. Все в моей жизни тогда перевернулось. Я очень страдала, поэтому решила порвать с ним еще до его отъезда. После этого мы всего один раз поговорили по телефону. Почти 3000 км между нами – это слишком много. По крайней мере, так тогда казалось мне.

Спустя тридцать лет я все еще вспоминала Гарри, особенно листая альбом, в котором хранила газетные вырезки обо всех его достижениях. Я всегда следила за его успехами. Он был высоким, красивым мужчиной, с потрясающим чувством юмора и неповторимым бостонским акцентом. Моей маме он тоже нравился, и она очень расстроилась, когда узнала о разрыве. Отец, напротив, боялся, что Гарри утащит меня за собой в Новую Англию. Он непрестанно рисовал мне страшные картины выживания на мрачном севере. Позже я поняла, как эгоистично вел себя отец: мне было так мало лет – переезд в Массачусетс и так казался мне чем-то невероятным, и без его комментариев.

Когда моя собственная дочь уехала учиться, я все чаще в мыслях стала возвращаться к Гарри. Стоило услышать песню Барри Манилоу «Weekend in New England»^[15], как я вспоминала о нем. Я тут же переключала радио

на другую станцию, но оттуда мне пела Рибба Макинтайр «Whoever's in New England»^[16]. Я все время думала о том, что было бы, если бы операция Гарри прошла настолько успешно, что его отправили бы во Вьетнам, как многих тогда. Или ему удалось окончить колледж и стать тренером, как он мечтал? Если так, то, скорее всего, он был женат, имел кучу детей – в точности как у его родителей.

Наступил март. В один из выходных я пошла пообедать с соседом. В кафе был мужчина из Нью-Гемпшира, и я снова вспомнила Гарри. На следующий день я решила посмотреть телевизор. На одном из каналов шел концерт «Bee Gees», и как раз звучала песня про Массачусетс, довольно популярная во времена моей юности, во времена наших с Гарри встреч. Почему-то именно эта песня стала последней каплей. Не выдержав, я воздела руки к небу и простонала:

– Ну хорошо-хорошо... Я попробую связаться с ним.

Когда Гарри уезжал из Техаса, он думал, что я разлюбила его. Так что я в любом случае задолжала ему объяснение своего поведения тогда. Мне хотелось узнать, как сложилась его жизнь: я надеялась, что он жив и здоров.

Я позвонила в справочную, и оператор дала мне данные единственного Гарри Богарта, которого смогла найти в Бостоне. Набрав номер, я слушала гудки и думала, что же ему сказать. Что, если включится автоответчик? Оставить сообщение? О чем я могу сказать после тридцати лет разлуки? Что, если трубку возьмет его жена?

Я даже самой себе не могла объяснить, почему мне так хотелось позвонить ему. Все, что я хотела, – это объяснить, почему бросила его тогда, когда была нужна ему больше всего. Благодаря отцу страшные картинки поселились в моей голове, а одна мысль о расстоянии, которое разделяло бы нас, решишь я сохранить отношения, пугала меня невероятно. В конце концов, денег у нас тогда тоже не было.

Через пару гудков я услышала в трубке мужской голос:

– Слушаю.

– Могу я услышать Гарри Богарта? – спросила я.

– Это я, – конечно же, ответил он.

– Тот самый Гарри Богарт, который когда-то учился в институте Техаса? – пролепетала я.

Уже потом Гарри признался мне, что в тот момент понял, кто звонит. Я даже не подумала, что на восточном побережье уже было почти одиннадцать часов вечера. Слава богу, что Гарри был дома один. К тому моменту прошло уже восемь лет, как он развелся с женой. Еще он сказал,

что его будто ударило молнией, когда он понял, кто ему звонит.

Наконец у меня появился шанс объяснить, почему я рассталась с ним в 1968 году. Он сказал, что после моего звонка с его души будто сбросили камень, потому что он действительно не понимал, как может кто-то признаваться в любви, а потом повернуться к любимому спиной. Он подозревал, что я нашла себе другого, однако от правды был очень далек. Он никогда не забывал обо мне и наших отношениях и тоже часто думал о том, как бы повернулась жизнь, не расстанься мы тогда.

Мы проговорили по телефону почти час, пока я не опомнилась и не начала прощаться. В конце концов, я сделала то, что хотела, и тоже чувствовала облегчение. Второй раз в жизни он попросил мой номер телефона. После шести недель долгих телефонных разговоров мы встретились во Флориде. Все происходило как во сне, как будто этих тридцати лет и не было. Я работала в авиакомпании, что позволило нам еще много раз встретиться.

Мы стали мужем и женой на закате дня. В волнах у берега плескались дельфины – благословение небес, но и без них мы знали, что нашу встречу предрекла судьба.

Девять месяцев и дюжину поездок спустя мы с Гарри поженились на пляже Санибель-Айленд во Флориде. На закате дня мы стали мужем и женой. Нашими свидетелями были два дельфина, играющие в волнах у берега. Один из прохожих сказал, что дельфины – это благословение небес. Может, и так, но и без дельфинов мы знали, что нашу встречу предрекла судьба.

Через два дня после свадьбы мы пошли на концерт «Bee Gees». Барри Гибб неожиданно сделал вступление перед песней «Massachussets». Оказалось, что одна из моих подруг написала группе о роли, которую эта песня сыграла в нашей судьбе.

– Посвящаем эту песню Гарри и Бетти, – сказал он и заиграл свою пленительную мелодию.

Я наконец совершила то, чего когда-то боялась больше всего на свете: переехала в город Линн, штат Массачусетс. Несколько лет мы прожили там и в конце концов переехали во Флориду.

Недавно, празднуя десятилетний юбилей, мы еще раз поблагодарили небеса за то, что позволили нам быть вместе, несмотря ни на что.

Бетти Богарт

Мы справимся

Живи так, как тебе хочется.

Генри Дэвид Торо, писатель, мыслитель

Серьезные лица жениха и невесты, спускающихся вниз по лестнице, резко контрастировали с легкостью движений. Просто они очень серьезно относились к этому событию.

На невесте было простое платье, застегнутое под самое горло. На ногах были белые носочки и мамины черные туфли на каблук. Лицо закрывала белая ажурная вуаль, фата тянулась на несколько метров позади, едва касаясь ступеней.

Жениху было шесть, а невесте – четыре года, и им было все равно, что на этой «свадьбе» нет цветов и даже традиционного «Марша Мендельсона».

На женихе были прямые джинсы, футболка с надписью «Рой Роджерс» и ковбойские сапоги. Он крепко держал свою невесту за руку, не давая упасть со ступенек, а она медленно переставляла ноги, одну за другой. Пальцы их тесно переплелись. Жених с гордостью и любовью смотрел на невесту.

Им было все равно, что праздника не будет, не будет цветов и даже традиционного «Марша Мендельсона», но последний они могли напеть сами. Церемония была очень простая, потому что жениху было шесть, а невесте четыре года.

Это был День святого Валентина, 1945 год.

Мама Линн ждала нас в конце лестницы. Она была лучшей подругой моей мамы. В ее глазах застыл немой вопрос, и улыбка играла на губах.

Она повернулась в сторону кухни и крикнула:

– Вив, ты только посмотри на это!

Когда моя мама увидела меня и Линн, то зажала рот рукой, пытаясь сдержать смех.

Я отпустил руку Линн и осторожно подошел к ее маме, заглянул в глаза и сказал:

– Когда мы с Линн вырастем и станем большими, можно нам пожениться?

Эм села передо мною на колени, положила руки на плечи и внимательно заглянула в глаза.

– Гарри, когда вы станете большими, устройтесь на работу, я, конечно, скажу «да», если вы все еще будете любить друг друга. А подарю я вам на свадьбу набор тарелок.

Мы с Линн, довольные, направились на кухню за мороженым.

Через пару лет мы с родителями переехали.

Я служил в армии, далеко от дома, когда получил от мамы письмо. Она писала, что Линн очень больна, у нее мононуклеоз. День святого Валентина 1945-го был в далеком прошлом, и я почти забыл Линн. И все равно мы начали переписываться, заново узнавая друг друга. Нам понадобилось совсем немного времени, чтобы обменяться фотографиями. Тогда я впервые увидел ее взрослой. На меня с фотографии смотрела красивая девятнадцатилетняя девушка с самыми синими глазами, какие я когда-либо видел. И я снова влюбился.

С того момента, как мы начали переписываться, время потянулось невероятно медленно. Я не мог дождаться, когда же смогу увидеть ее. Со временем наши письма становились все более личными.

Через два года я вернулся домой в отпуск и полетел в Портленд – повидаться с Линн. Она стояла на взлетной полосе и ждала меня. Мы долго смотрели друг на друга, не говоря ни слова, пока сзади меня кто-то не кашлянул – я задерживал остальных пассажиров. Я бегом спустился по трапу, взял ее за руки, снова заглянул в эти огромные синие глаза и поцеловал ее. На Рождество 1962 года я сделал ей предложение.

В День святого Валентина 1963 года я был на службе в Форте Брэгг, Северная Каролина. Мы проходили летные тренировки небольшими группами. В час дня меня вызвали в канцелярию и вручили телеграмму.

«Прибываю 15:00, 14 февраля, аэропорт Пьемонт, Фейетвилл. Жду нетерпением. Люблю, Линн».

Я и не подозревал, что она может приехать. Мы договаривались дождаться окончания моих тренировок. Позже Линн призналась, что мои письма были пронизаны такой тоской, что она решила приехать раньше. К тому же наши мамы решили, что это будет лучшим подарком для обоих ко Дню святого Валентина.

За оставшиеся два часа до ее прилета я успел нанять небольшой автодом на колесах и купить все остальное в комиссионке. Единственное новое, на что хватило денег, – это постельное белье. У меня осталось всего двадцать пять долларов в кармане, а зарплата ожидалась не раньше чем через две недели. И не было совершенно ничего съестного.

Мне повезло: генералу и его адъютанту необходимо было попасть в аэропорт, и мне разрешили подменить их водителя, чтобы успеть к приезду

Линн.

В 14:45 мы подъехали к аэропорту Пьемонт. Я отнес сумки генерала на регистрацию, и мне разрешили уйти. Я подоспел в последнюю секунду и сразу же крепко обнял Линн. Какой же замечательный праздник – День святого Валентина! Вся эта суматоха последних двух часов стоила того.

Линн, увидев служебную машину с флагом на стоянке, только и смогла произнести: «Ух ты!» И улыбнулась.

– Знаешь, мне очень повезло с автомобилем, – сказал я. – Правда, это только сегодня. Единственное, на что мы можем рассчитывать дальше, – это попросить у кого-нибудь машину. И еще... Меня командируют в парашютную школу Форта Беннинга через десять дней.

Я видел, как Линн расстроилась, но потом она взяла меня за руку, храбро улыбнулась и сказала:

– Ничего, мы справимся.

Это стало ее коронной фразой. Она всегда повторяла ее, когда бы мы ни столкнулись с трудностями.

Через неделю, 21 февраля, мы поженились в церквушке нашей военной части. Церемония, как и наша первая «свадьба», была очень скромной, и нам это нравилось. Мой шафер и я были единственными присутствующими в парадной военной форме. Остальная часть – около сорока человек – и капеллан были в форме повседневной (подменке). Командир части разрешил.

Одним из подарков был набор тарелок, который так давно пообещала нам мама Линн.

Наша семейная жизнь была сложнее для Линн, чем для меня, учитывая мою военную карьеру. Бывало, что меня посылали в развивающиеся страны, где овощи приходилось вымачивать в дезинфицирующем растворе, а затем в воде, чтобы ничем не заболеть. Иногда единственным средством передвижения была лошадь с телегой (это в Африке) или моторикша в облаке выхлопных газов (это в Таиланде). Линн стойко переносила трудности семейной жизни в Турции. Там ей пришлось стать свидетелем взрыва в соседней квартире. Слава богу, наши друзья – мать с трехлетним сыном – выжили. Несмотря на все, Линн каждую неприятность превращала в приключение. И каждый раз она повторяла:

– Мы справимся.

Однажды мы наткнулись на фотографию, которую сделала мама Линн в тот памятный День святого Валентина, много лет назад. Когда я впервые попросил ее руки. Мы были изумлены: платье на фотографии было почти копией того, которое Линн надела на настоящую свадьбу.

Теперь, сорок шесть лет спустя, мы все так же любим друг друга, как тот шестилетний мальчик и четырехлетняя девочка в 1945 году.

И мы справились.

Гарри Б. Лурдинг

И снова привет

Чем внимательнее вы прислушиваетесь к внутреннему голосу, тем лучше начинаете слышать голоса внешнего мира.

Даг Хаммаршельд, государственный деятель

Через восемь лет листочек бумаги, который я положила в телефонную книгу, никуда не делся. Я аккуратно разгладила его, убирая малейшие «морщинки», и, слава богу, номер телефона можно было разобрать. По крайней мере, этот номер был у него в Чикаго почти десять лет назад. Теперь я не буду это откладывать, сходить с ума от мысли, что отказалась от чего-то действительно стоящего.

Я быстро проанализировала в уме, что могу ожидать на том конце провода. Если номера не существует, я наконец сдамся и перестану думать о том, что случилось. Если номер принадлежит кому-то другому, я извинюсь, положу трубку и тоже забуду. Если ответит женщина, я молча повешу трубку, и, учитывая, что я звоню из Далласа, вряд ли она что-то заподозрит. На этом список сценариев был исчерпан, и я трясущейся рукой набрала номер.

– Алло, – ответил на том конце мужской голос.

О, Боже! Перебирая всевозможные сценарии, я ни разу не подумала о том, что скажу, если трубку возьмет он! Мы были знакомы пятнадцать лет, но из-за моей любви к путешествиям не разговаривали уже восемь лет из этих пятнадцати.

В первую секунду я хотела бросить трубку. Но тут же отругала себя за трусость, сглотнула и прохрипела:

– Привет, Грег.

– Привет, Кэрл, – ответил он, будто мы попрощались только вчера.

– Ты не удивлен? – опешила я.

– Я знал, что когда-нибудь ты позвонишь, – пояснил он так спокойно,

словно звонки от старых знакомых из ниоткуда были для него обычным делом.

Пару минут мы просто болтали. По голосу чувствовалось, что он несколько не напряжен. С меня же пот градом катил.

– Кэрол, я бы хотел еще поболтать, но мне нужно идти.

Я как-то забыла, что сегодня суббота. Ну конечно! У него было свидание. Я на свидания не ходила.

Я нервно хихикнула.

– О, прости, я не подумала... – Голос у меня сник, и я отчаянно надеялась, что не кажусь одинокой неудачницей.

– Можно позвонить тебе завтра? – спас он положение.

– Да! – И мне пришлось немного понизить голос: – Звони, конечно.

Воспоминания – хрупкая материя, и часто они бывают приятнее реальности.

Я продиктовала ему номер и положила трубку, чувствуя себя переваренной макарониной.

На следующий день я рассказала подругам о звонке.

– Как здорово! – обрадовалась Синди, моя восторженная подруга.

Дора, моя циничная подруга, сначала ничего не сказала. Но по ее лицу я поняла, что мой поступок она не одобряет.

– Мужчины всегда оказываются лучше в наших воспоминаниях. Не стоило ворошить прошлое.

Я пожалала плечами, не позволяя посеять в себе зерно сомнения.

Он обещание сдержал и позвонил вечером. Разговор был вполне невинным. И вдруг он задал вопрос, который я так боялась задать ему:

– Ты сейчас с кем-то встречаешься?

«Будь скромной», – сказала я себе.

– О, я встречаюсь сразу с несколькими, – пришлось прокашляться от собственной наглости. – А ты?

Он сказал, что с кем-то встречается.

Мое сердце упало... Конечно, неужели он будет ждать меня? Ну, по крайней мере, он не был помолвлен.

Затем он позвонил еще раз, и после этого – тишина. Я расстроилась. Руки чесались взять трубку и набрать его номер, но я не решалась.

– По крайней мере, я попыталась, – говорила я Доре и Синди. – И вообще, он в Чикаго, а я в Далласе.

Дора фыркнула. Синди же посмотрела на меня с такой жалостью, как будто я в страшной аварии лишилась обеих рук.

Через несколько месяцев Грег оставил мне сообщение на автоответчике. Он извинялся за долгое молчание и просил позвонить.

Я не смогла сдержать улыбку, но в тот же вечер звонить не стала. Пусть подождет, как я. А на следующий день я была так возбуждена, что боялась передать это каким-то образом через телефонные линии. Это был первый звонок из сотен. Разговаривая с Грегом, я действительно отдыхала душой от своих будничных проблем.

Когда я появлялась в офисе, то обсуждала наши с Грегом разговоры со своим куратором Джем. В очередной раз он поинтересовался, когда мы с Грегом планируем начать официально встречаться.

– Когда-нибудь, – напустила туману я.

Меня устраивали наши телефонные отношения. И, хотя я первая позвонила, мне не хотелось признавать, что Дора была права. Воспоминания – хрупкая материя и часто бывают приятнее реальности.

Вскоре Джей назначил мне очередную поездку и, бросив передо мной билеты, хитро улыбнулся.

– Билеты невозвратные, – предупредил он.

Согласно плану поездки, в Чикаго мне предстояло восьмичасовое ожидание. Прежде чем я успела что-то возразить, самозванный Купидон замахал руками и сказал:

– Позвони ему и договорись о встрече.

Я позвонила Грегу и, стараясь не выглядеть влюбленной школьницей, сообщила о поездке. К моему облегчению, он рассмеялся и попросил поблагодарить Джея от его имени.

– А я сейчас блондинка, – вдруг выпалила я. – И в весе прибавила.

– Ничего страшного, – фыркнул он. – Со мной, в принципе, то же самое, только волосы поредели.

– Тогда никаких сюрпризов, – согласилась я.

Но я-то знала, что реальность часто расходится с мысленным образом.

К счастью, до поездки я была страшно занята, и не думать о предстоящей встрече с Грегом было нетрудно. Пока я не села в самолет до Чикаго. На борт я пришла с перевесом – комком в горле.

У меня тряслись ноги, когда я выходила из самолета, и я мысленно ругала себя за то, что согласилась на такое. Вернусь – убью Джея.

Еще не наступило 11 сентября, поэтому Грег ждал меня рядом с выходом. Я быстро окинула его взглядом, и наши глаза встретились. Мы оба радостно улыбнулись.

Весь день у нас был распланирован. Все складывалось замечательно, но особенно приятно было, когда он взял меня за руку, и мы так и шли, не

расцепляя пальцев. После ужина он откинулся в кресле и спросил:

– Может, попробуем еще раз?

Лицо у меня болело – так я устала улыбаться.

– Обязательно, – ответила я.

Не знаю почему, но на этот раз все было по-другому. Сколько я себя помнила, меня всегда привлекали мужчины, абсолютно не схожие со мной по характеру. Однако теперь я поняла, что эти отличия и были в итоге причиной расставаний. Раньше я злилась, что мы с Грегом так похожи. Теперь я была счастлива находиться рядом с человеком, понимающим меня, любящим меня такой, какая я есть. Когда мы были вместе, он словно укутывал меня в уютный кокон. Я не представляла, что может быть лучше. Однако оказалось, что такое возможно.

Создавать новые воспоминания гораздо интереснее, чем бесконечно ретушировать старые.

4 июля я прилетела ранним рейсом. Я очень устала, поэтому категорически отказалась идти на вечерний салют^[17].

– Ну как же так? Ты пропустишь все самое интересное! – уговаривал Грег.

Издав стон, я сдалась, и, взяв раскладные стулья, мы поднялись на холм смотреть салют.

Как только в небе появился первый огонек, я поняла, что Грег был абсолютно прав. Вид был потрясающий: зеленые, красные и белые огни взмывали в небо. Я сжала его руку.

– Спасибо, что уговорил меня. Я ведь очень люблю салют.

Он придвинулся ближе.

– Мы могли бы хоть каждый день смотреть на салют, если бы ты вышла за меня замуж, – сказал он.

Салют вдруг поблек, и я не отрываясь смотрела в его искрящиеся глаза.

И вот мы женаты уже восемь лет. Теперь я знаю, что иногда создавать новые воспоминания гораздо интереснее, чем бесконечно ретушировать старые. Самое главное – попробовать.

Кэрол Фоукс

Глава 4. Предложение

Любовь – это единственное истинное приключение.

Никки Джованни, писательница

Правила боя

Нам так понравилось делать признания, что мы посвятили этому весь остаток дня.

Мелисса Эррико, актриса и певица

Был теплый майский день в Баффало-Гроув, штат Иллинойс. Моя девушка Джоанна аккуратно разворачивала подарки. Сегодня она была в центре внимания – это был ее день рождения. К сожалению, я не мог быть рядом: меня отправили на задание в Афганистан. Но с ней были другие близкие люди, включая ее лучшую подругу из Аризоны и нашего общего друга Мэтта. Кстати, именно Мэтт подготовил все мероприятие: несколько месяцев назад он предложил устроить сюрприз для Джоанны, подбодрить ее, чтобы она не скучала в мое отсутствие. На том и порешили.

Джоанна развернула последний подарок и приготовилась поблагодарить всех, однако Мэтт перебил ее, протянув еще одну поздравительную открытку. Он объяснил: я попросил его сделать это именно в день ее рождения. Заинтригованная, Джоанна открыла ее.

«Джоанна,

знаю, я уже сделал тебе подарок, но сегодня у тебя праздник, и я не мог оставить тебя ни с чем... поэтому прошу тебя немедленно прибыть к нашему тайнику.

С любовью, твой оловянный солдатик».

Джоанна, конечно, знала, о каком тайнике идет речь. В ее доме было место, куда я до этого не единожды прятал подарки: маленький комод на втором этаже, прямо напротив гостевой спальни. Так что Джоанна сразу поспешила туда, узнать, что же ее ждет.

В комодке был спрятан DVD-диск. На нем было написано: «Срочно смотреть». Джоанна послушно вставила DVD в проигрыватель, и все

приготовились.

Видео было коротким: это была наша церковь в Гардезе, Афганистане, где я служил помощником капеллана. На видео я вхожу в дверь церкви, подхожу к камере с табличкой в руках. На ней написано:

«Тебя ждет сюрприз там, где мы впервые встретились. Скорее забери его, пока кто-нибудь не стащил! Всех гостей бери с собой».

Конечно, Джоанна все поняла: это была детская площадка у школы Джойс Килмер, в которой мы когда-то вместе учились. Именно поэтому в феврале 2006 года мы выбрали это место для встречи после серии удивительных событий.

Всего несколько минут – и все мчались на машинах, словно почетный караул, к школе Джойс Килмер, по пути гадая, что же я придумал.

Когда все припарковались и вылезли из машин, началось обсуждение:

– Сегодня же учебный день.

– Что такого можно спрятать на площадке?

– Может, мы неправильно поняли послание на видео?

– Как думаете, что он все-таки задумал?

Через несколько минут все получили ответ на свои вопросы. Джоанна подошла к площадке и тут же увидела мой сюрприз: на детской горке виднелся человек в военной форме.

Не веря своим глазам, Джоанна медленно двинулась в мою сторону. Я же спустился с горки, как тогда, много лет назад, когда мы детьми играли здесь. Я пошел ей навстречу и обнял. Джоанна тихо плакала.

Она ни слова не сказала, просто сжала в объятиях, продолжая плакать на моем плече.

Я нежно прошептал:

– Я тебя люблю.

Все остальные оправились от шока. Они видели, что на площадке солдат обнимается со своей любимой девушкой, но это казалось каким-то сном. Внезапно я оказался не на войне, а был живой и невредимый рядом с ними, словно галлюцинация или сон.

Я обнялся со всеми, у некоторых в глазах стояли слезы. Наконец я решил объяснить, как оказался здесь: просто в середине срока службы мне дали отпуск на пятнадцать дней. И поэтому сегодня я стою среди своих друзей. Постепенно все, кто до этого сомневался в реальности происходящего, осознали, что я действительно приехал.

Я запланировал еще один сюрприз: из нашей школы вышли учителя и теперь, улыбаясь, смотрели на нас. Именно они, даже директор, учили нас

много лет назад и теперь хотели разделить с нами этот радостный момент.

Но и это еще не все. Я изначально хотел использовать эту возможность, чтобы сделать Джоанне предложение, и выполнил два поставленных ею условия: первое, я должен быть рядом с ней, не на видео или как-то еще (сегодня, как ни странно, это условие было выполнено); и второе, сначала я должен попросить ее руки у отца – Чака.

Чак, присутствовавший здесь вместе со всеми, единственный знал мой секрет: я уже попросил у него руки Джоанны в прошлый День благодарения, во время очередного своего отпуска. Так что он несколько не удивился, когда я посмотрел в глаза любимой, встал на колени и вынул из кармана бриллиантовое кольцо.

– Выйдешь за меня? – тихо сказал я.

Я обнял свою невесту так крепко, словно от этого зависела наша жизнь.

По щекам Джоанны потекли слезы. Еле слышно она прошептала: «Да». И на глазах у нашей семьи и друзей, наших первых учителей и директора и, самое главное, в глазах Бога, мы были помолвлены. Теперь нас ждала свадьба и много-много радостных дней впереди.

Я надел кольцо на палец моей новоиспеченной невесты и обнял ее так крепко, словно от этого зависела наша жизнь или мы виделись в последний раз. Но на самом деле это было только начало новой жизни, в которой мы всегда будем вместе.

Единственное отличие: в этой новой жизни мы больше не будем женихом и невестой – скоро мы будем мужем и женой, как и предназначено судьбой.

сержант Нэйт «Гроза» Гейст

Карьера или любовь?

Тот, кто влюблен, не боится рисковать.

Бейярд Тейлор, дипломат и журналист

Буэнос-Айрес знаменит своей величавой архитектурой в европейском стиле, красным вином и статусом родины танго. Однако самым большим достоянием этого города являются его жители с их неудержимой жаждой жизни, которая прослеживается во всем: в любви к долгим разговорам за

обедом, в бурном ночном веселье и в беспрестанных поцелуях на лавочках в парке.

Именно здесь одним душным апрельским вечером я впервые увидел Наталию, высокую смуглую брюнетку, чей вкус к жизни был слишком велик даже для Буэнос-Айреса. Она стояла на другом конце танцпола, а я зачарованно глядел на ее карие глаза, шелковистые волосы и пухлые губки, сложившиеся в самую прелестную улыбку, какую я когда-либо видел. Она лишь на секунду встретилась со мной взглядом. В ней чувствовалась невероятная сила, которая притягивала меня и от которой пересыхало во рту.

Пытаясь преодолеть свою природную стеснительность, я подошел и заговорил с ней. Она словно не замечала моего ужасного испанского и говорила на равных. Я рассказал ей, что приехал из Америки и учусь здесь. Она тоже была студенткой. Мы проговорили и протанцевали до самого утра.

Мы продолжили общение и на следующий день, и в дни после него. Через неделю я окончательно влюбился. Каждую минуту мы проводили вместе, гуляли по городу, ведя бесконечные разговоры, потом целуясь, как это бывает в Аргентине, когда и где бы ни захотелось.

В один прекрасный день Наталия подняла вопрос, которого мы старались избегать вот уже два месяца: моя учеба в Аргентине подходила к концу, после чего я должен был вернуться в США.

– Что будет с нами? – спросила она, глядя мне в глаза и пытаясь прочесть в них ответ. – Через несколько дней ты уедешь домой. Стоит ли нам оставаться вместе?

– Конечно, – не раздумывая ответил я. – У нас все получится. – Я взял ее за руки. – Слишком рано сдаваться. Я очень тебя люблю и не готов сказать «прощай». Если нам суждено, мы будем вместе, несмотря на расстояние.

И хотя мои слова звучали убедительно, внутри я был так же напуган и не уверен в будущем, как и она. Я не знал, когда смогу вернуться в Аргентину и смогу ли вообще. Но мы были молоды, влюблены и слушали голос сердца. Поэтому решили попробовать, скрепив сделку поцелуем.

Расставаясь с возлюбленной, я верил: если нам суждено, мы будем вместе, несмотря на расстояние.

Следующие несколько месяцев мы каждый день созванивались. Неделя летела за неделей, потом счет пошел на месяцы. Каждый день я рассказывал ей обо всем, что со мной происходило, а она каждый день

звонила мне, чтобы пожелать «*buenas noches*». Когда я слышал ее голос в трубке, то не мог сдержать счастливой улыбки. Так что, несмотря на 7000 миль между нами, нашим отношениям можно было позавидовать.

Однако через полтора года разлука все же взяла свое. Мы устали от невозможности прикоснуться друг к другу, одиноких ужинов, бесконечных вопросов от друзей и родственников.

– Когда мы сможем быть вместе? – спрашивала Наталия все чаще. – Я не знаю, сколько еще смогу ждать.

Впервые я понял, что могу ее потерять. «Я люблю тебя» и «Я скучаю» звучали раньше так же часто, как сейчас вопросы «Сколько еще ждать?» или «Когда мы наконец увидимся?».

В итоге я столкнулся с необходимостью принять самое важное решение в своей жизни.

Я уже оканчивал университет, оставалось еще семь месяцев. Сразу после этого я планировал поступить в юридическую школу. Я уже четыре года своей жизни отдал для осуществления мечты. Когда мои одноклассники развлекались, я сидел над учебниками. Конечно, мои старания не прошли даром: мой средний балл был 4,0^[18]. На тот момент оставалось две недели до экзамена, последнего и самого важного для поступления в юридическую школу.

Но я чувствовал, что в отношениях с Наталией тянуть дальше нельзя. Я знал, что, если мы как можно скорее не встретимся, все будет кончено. И я потеряю ее навсегда.

Сидя в очередной раз над учебниками, я спросил себя, что действительно для меня важно: остаться здесь и заниматься или встать и поехать к Наталии? Что выбрать: карьеру или любовь? Если я останусь, то в который раз окончу семестр на «отлично». Если уеду – смогу спасти отношения с любимой и вместе с ней построить будущее.

Ответ был на поверхности. Я закрыл книжки и поспешил к компьютеру. Через пять минут я уже купил билет до Буэнос-Айреса.

Через два дня, не предупреждая Наталию, я вылетел к ней. Когда я приземлился, Наталия еще была на работе. Поэтому я попросил ее подругу, Деби, помочь с организацией незабываемого свидания с Наталией. Конечно, она согласилась.

И вот вечером Деби с подругами повела Наталию в ресторан мексиканской кухни, где мы однажды провели незабываемый вечер. Я ждал снаружи, нервно репетируя свою речь. Сердце выпрыгивало из груди, руки не слушались, мысли путались. Как все пройдет после столь долгой разлуки? А вдруг Наталия изменилась? Что, если незаметно для себя

изменился и я? Прошло полтора года, и только сейчас я наконец приехал к ней. Может, я сошел с ума?

Через несколько минут, как и было запланировано, ансамбль Мариачи начал петь песню для Наталии со словами «Сеньорита, я подарю тебе свое сердце...», только «сеньориту» заменили на «Наталию». Собственное имя в песне застало Наталию врасплох. Она подняла глаза на музыкантов, решив, что ей послышалось. Однако они снова запели: «Наталия, я подарю тебе свое сердце...» Наталия изумленно посмотрела на Деби в поисках ответа.

И в этот момент я подошел к ней с букетом роз и заглянул в ее огромные, распахнутые от изумления глаза. Взяв ее за руку, я встал на колени.

– Наталия, ты любовь всей моей жизни, – начал я. – Мои чувства день ото дня все сильнее. Я устал от разлуки и хочу провести с тобой всю оставшуюся жизнь. Ты выйдешь за меня?

Она сделала глубокий вдох, в глазах заблестели слезы, а рука слегка дрожала.

– Да, – сказала она, одним этим словом уничтожив все мои сомнения, страхи и вопросы.

Бездна, разделявшая нас, исчезла, а полутора лет разлуки словно и не бывало.

Уэс Хенриксен

Примечание редактора: Несмотря на то что оценки Уэса стали чуть ниже и среднего балла 4,0 он так и не получил из-за спонтанного решения лететь в Аргентину, он все равно поступил в юридическую школу. Сегодня он успешный адвокат, работает и живет в южной Калифорнии. Они с Наталией женаты и очень счастливы.

Подходящий момент

Любовь – лучший восстановитель.

Пабло Пикассо, художник

Я быстро стянула нижнее белье под длинной юбкой и, не снимая ее, натянула шорты. Одним легким движением развязала узел, удерживающий юбку на моей талии, и с наслаждением скинула ее на пол. Я и мой парень уже почти месяц катались на велосипедах в Марокко. Из уважения к

местным верованиям я старалась максимально закрыть тело, несмотря на 33-градусную жару.

Мы с Бобом шутили, что из этой поездки вернемся либо женихом и невестой, либо в разных самолетах.

В Африку мы решили завернуть из Европы после трех месяцев велосипедного тура. И я сто раз об этом пожалела. С Бобом я встречалась уже пять лет. Мы даже шутили, что из этой поездки вернемся либо женихом и невестой, либо в разных самолетах. Сейчас эта шутка мне не казалась такой уж смешной.

В шортах и футболке я чувствовала себя голой. Весь день мы ехали на восток по дороге Касб, проходящей через долину, окруженную Атласскими горами. Крутя педали в необитаемой пустыне, я могла думать только об одном: холодном, сочном арбузе. Это был мой день рождения, и я знала, оглядывая пустынный пейзаж, что не будет праздничного ужина или веселой вечеринки. Но хотя бы арбуз...

Я рассказала об этом Бобу. Пока я ставила палатку в молодежном хостеле Гульмимы, Боб отправился на ближайший рынок за арбузом. На веранде хостела расположилась группа мужчин. Они разговаривали и пили сладкий мятный чай. Я же хотела сесть под каким-нибудь абрикосовым или гранатовым деревом в саду, разломить арбуз напополам и вгрызаться в него зубами, пока не останется только зеленая корка.

Боб вернулся, прижимая к себе арбуз, словно ребенка. Он предложил мужчинам на веранде разделить его с нами. Но мне так не хотелось никуда идти! Поэтому Боб пошел к ним один, пообещав принести мне кусочек. Я сидела в саду, закипая от злости. Боба все не было. Наконец я не выдержала и пошла к домику. Мужчины как ни в чем не бывало ели арбуз. Мой арбуз!

– Спасибо, что принес мне кусочек, – рявкнула я на Боба.

Я просто дрожала от ярости. Боб посмотрел на меня в изумлении: раньше за мной такого не водилось.

Я же пыталась сохранить чувство собственного достоинства всю эту поездку. Неудобная одежда была только верхушкой айсберга. Наши с Бобом отношения изменились. Любые публичные знаки внимания – объятия и поцелуи, даже просто прикосновения – были под запретом. Когда стараешься помнить об этом все дни напролет, ночью, оставшись наедине, по инерции продолжаешь играть ту же роль. Но больше всего я ненавидела то, что мы должны были называть друг друга мужем и женой, опять же во имя приличий. А я хотела быть его женой на самом деле,

больше, чем когда-либо.

Внезапно этот хостел превратился в клетку. Если мне не дали арбуз, я должна была компенсировать это чем-то, чего так давно хотела. И именно в тот момент я сняла с себя всю неудобную одежду, оставшись в майке и шортах.

– Пожалуй, отправлюсь на пробежку, – сообщила я Бобу. – Одна.

– Будь осторожна! – крикнул он вдогонку.

Уже за воротами я посмотрела направо – туда, откуда мы приехали, потом налево, на пыльную улицу. Я часто бегала раньше и оставила это занятие после одного неудачного марафона. Я побежала и почувствовала себя так, словно встретила доброго друга после долгой разлуки, – я помнила, как раньше мне нравилось бегать, но не отпускало чувство неловкости. Мои движения были слишком тяжелыми, и я чувствовала каждый камешек под истертыми подошвами кроссовок. В туннеле ветер так сильно поднимал пыль, что приходилось закрывать глаза и задерживать дыхание. Когда туннель закончился, я открыла глаза и увидела людей на улице.

– Ça va bien?^[19] – спрашивали они.

– Oui, ça va bien^[20], – кивала я.

И я не лгала. Да, мой шаг был тяжеловат, и дыхание сбивалось, но бежать было здорово. Ногами я поднимала облачка пыли, пробегая мимо мальчишек с футбольным мячом, девочек с пластиковыми ведрами у колодца. Наконец мое тело мне подчинилось, и я поймала ритм. Теперь бежать было легко, все словно встало на свои места. Постепенно замедля шаг, я осознала, что давно не чувствовала себя настолько спокойно.

То, что я так сильно разозлилась из-за арбуза, открыло мне глаза еще на одну вещь – комок, который так долго стоял у меня в горле. Я думала, что Боб ждет подходящей возможности, чтобы сделать мне предложение. Но, может, он вовсе этого не хотел? Скорее, я ждала от него большего, чем он мог мне дать.

Я развернулась и пошла обратно в хостел. Я хотела поскорее рассказать Бобу о касбе, которую видела, пока бежала. Вечером мы чаще всего сидели рядом с палаткой в темноте, пили чай и болтали. Но, пробежав такое расстояние, я немного не рассчитала, как долго придется добираться обратно. Во рту пересохло. И почему я не взяла с собой бутылку воды? Уже на краю города я увидела Боба. Он шел мне навстречу с бутылкой воды. Я не поверила своим глазам.

– Прости, – начал он, отдавая мне бутылку, – вот твой подарок.

Пока я пила, он вложил мне в руку открытку с картиной Пикассо из музея в Мадриде. Мы были там больше месяца назад. На открытке было написано: «Выходи за меня».

– Как ты нашел меня? – спросила я.

– Просто догадался. Я вышел из хостела и подумал: куда бы побежала Джен? И понял, что надо идти прямо, и я тебя обязательно найду.

Время для предложения было не самым лучшим, но когда точно знаешь, что это твоя судьба, правильный момент вовсе не нужен.

Я посмотрела на открытку. Боб всегда чувствовал, когда мне хочется общения, а когда – побыть одной. Как тогда, когда он помогал мне тренироваться для марафона в Лондоне, а потом три месяца ждал моего возвращения.

– Не обязательно отвечать сейчас, если не хочешь, – сказал Боб.

Момент для предложения был не самым лучшим. Мы только что поссорились, я была покрыта слоем пыли. Кольца мне тоже не подарили. Вместо него Боб принес мне бутылку воды, потому что знал, как я буду хотеть пить. Он последовал за мной интуитивно, и этого – для меня – было достаточно.

– Ну конечно! Конечно, я выйду за тебя! – ответила я.

Стайка двенадцатилетних девчонок в стороне наблюдала за нами, и, к их вящему удовольствию, Боб приобнял меня. Секунду мы держались за руки, потом пошли в хостел, а девчонки за спиной весело хихикали.

Ночью мы снова сидели у палатки, ели арбуз и выплевывали семечки прямо на землю. Когда точно знаешь, что это твоя судьба, правильный момент вовсе не нужен.

Дженнифер Колвин

Как тебя зовут?

*Ты всегда узнаешь свою вторую половинку,
потому что улыбка расцветет не только на
твоем лице, но и в сердце.*

Неизвестный автор

Я обязательно сказала бы «да», если бы он спросил. Я чувствовала, что он попросит моей руки, но не знала когда.

Стивен очень тщательно обдумывал каждый свой шаг. Он анализировал и планировал. Так что же за планы он строил насчет меня? Или не строил?

Для нас обоих это был бы не первый брак. Так получилось, что мой муж и его жена оба погибли в катастрофе. Им обоим было по тридцать шесть лет. И у меня, и у Стивена было за спиной по шестнадцать лет семейной жизни и по двое детей-подростков. Все эти удивительные совпадения мы узнали, встретившись однажды после концерта в церкви.

С того памятного воскресенья прошел уже год. Сегодня же мы были на соборной молитве: все вместе мы просили Бога о дожде, потому что засуха стояла невероятная. После Стивен предложил мне встретить закат в парке.

Когда стемнело, мы все еще продолжали сидеть, наслаждаясь вечерней прохладой, звездами и компанией друг друга.

Стивен поднялся с кресла, хотя уходить мы пока не собирались. Вдруг он встал на одно колено, вынул из кармана маленькую коробочку, открыл ее и произнес:

– Шейла Дайен, ты выйдешь за меня замуж?

Я совершенно растерялась. Не то чтобы я не хотела замуж, просто, делая предложение, он назвал мое второе имя. Мне хотелось ответить ему в той же манере, но я вдруг поняла, что не знаю его второго имени. Почему я никак не могла его вспомнить? Как же я выйду замуж за человека, о котором не знаю такой простой вещи?

– Шейла, ты станешь моей женой? – обеспокоенно повторил Стив.

Да, действительно, пауза затянулась. Но момент был неподходящим для признания. Я решила, что придумаю что-нибудь потом: подсмобрю в его водительских правах или еще где-нибудь.

– Да, конечно, да! Я выйду за тебя, Стивен.

Я обхватила его руками и поцеловала. Он незаметно надел мне на палец простое, но в то же время элегантное кольцо. Я удивилась тому, как идеально оно подошло.

– Я нашел у тебя в доме кольцо и по нему снял мерку, – признался Стивен. – На самом деле мне понравилось еще одно кольцо, но это больше подходит тебе: такое же простое и одновременно прекрасное.

Пока он говорил, мы шли к выходу из парка и как раз завернули за угол, когда меня осенило. Конечно, я знала его второе имя! Я невольно хихикнула.

– Поделишься, что тебя так развеселило? – удивленно спросил Стивен.

Пришлось все рассказать.

– Я знаю твое второе имя, и всегда его знала: Стивен, – сказала я сквозь смех. – На самом деле я не могла вспомнить твое первое имя, Фредерик

Стивен Кейл!

– И что?

Я объяснила, почему так замешкалась с ответом на его предложение. Теперь мы оба хохотали. Стивен вспомнил наш давний разговор:

– Помнишь, в начале нашего знакомства я спрашивал тебя, каким именем мне теперь лучше представляться. Я только переехал, и не куда-нибудь, а во Фредериксбург. Меня смущало, что я стал Фредериком из Фредериксбурга. Ты, да и все остальные, согласились, что имя Фредерик не подходит.

До сих пор Стивен подкалывает меня, что мне пришлось сделать предложение дважды.

Недавно мы снова вспоминали эту историю, со смехом рассказывая ее нашей новой знакомой.

Она ошеломленно глядела на нас.

– Только позавчера я поссорилась со своим парнем из-за того, что он никак не может запомнить мое второе имя. – И, опустив глаза, она тихо добавила: – Может, не так уж это и важно. Наверное, есть вещи поважнее.

Шейла Саттлер Кейл

Приятный сюрприз

Любовь должна быть скорее светом, чем пламенем.

Генри Дэвид Торо, писатель, мыслитель

– Мам, прости, что оставляю на тебя всю эту работу, – сказала моя дочь, Дженнифер, окидывая взглядом заставленную посудой и ингредиентами для выпечки кухню.

– Да ладно, – успокоила ее я, – мы с твоей сестрой справимся. Не скоро, но справимся.

Она улыбнулась и направилась к двери.

А мы с Хэзер занялись выпечкой: к благотворительному вечеру надо было приготовить шесть дюжин пирожных. А это ни много ни мало – семьдесят два пирожных! И как я умудрюсь попадать в такие ситуации?

– У нас закончилась глазурь, – заявила Хэзер, снимая фартук. – Пойду в магазин куплю еще.

Она схватила сумку, ключи и ушла.

Я озадаченно осматривала полки, ведь была уверена, что все купила, даже с запасом. Но, похоже, Хэзер была права.

– Странно... – подумала я и принялась прибираться на кухне, пока готовые пирожные остывали.

Наконец хлопнула дверь.

– Я вернулась, – сообщила Хэзер.

Но я услышала и мужской голос. «Это еще кто?» – крутилось в голове.

В дверях топтался бойфренд Дженнифер, Боб, который должен был находиться за три тысячи миль отсюда. Однако он был здесь, с охапкой роз в одной руке и смокингом в другой.

У меня просто отвалилась челюсть:

– Что ты здесь делаешь?

– Приехал сделать предложение Дженнифер, – расплылся в улыбке он.

– Сейчас?! Но ничего не выйдет... – заикаясь, начала я. – Дженнифер здесь нет.

– Знаю. Хэзер сделала так, чтобы Джен не было дома, а сама встретила меня в аэропорту, чтобы успеть все подготовить.

– Хэзер! Ты же сказала, что идешь в магазин... – Но до меня уже начало доходить.

– Да я просто спрятала глазурь, мам, – сказала Хэзер. – Все в гараже. Прости. – Ее глаза светились от возбуждения.

– То есть ты прилетел из Бостона? – восхитилась я. – Я думала, ты приедешь не раньше следующих выходных.

На крыльце горела свеча, а рядом лежала роза и записка: «Как я тебя люблю», звуки музыки звали туда, где стоял он, в смокинге и с кольцом в руке.

– Ну да, только тогда мое предложение уже не было бы сюрпризом.

Боб повесил смокинг на спинку стула и положил розы в раковину, прежде чем повернуться ко мне и наконец обнять.

– А можно одолжить двенадцать свечей с подсвечниками? – спросил он. – И устроить музыкальное сопровождение на заднем дворе?

Я молча кивнула и окинула взглядом кухню. «Это просто катастрофа! – думала я. – Разве можно это место назвать подходящим для предложения?»

Конечно, мы все знали, что этот день настанет, потому что Боб еще несколько недель назад попросил нашего разрешения. Однако этот португалец оказался совершенно непредсказуем!

Я вздохнула и пошла искать свечи, а Хэзер тем временем занялась подготовкой места действия. Она установила проигрыватель на садовый

стол и включила саундтрек к фильму «Когда Гарри встретил Салли». Потом повернулась ко мне и сообщила:

– Мам, нам надо испариться.

– Но... А как же пирожные? И куда испариться? Ты только посмотри на меня, – выпалила я.

– Просто уйдем куда-нибудь из дома. Ненадолго. С пирожными потом закончим.

Итак, меня выгоняли из дома. Собственного дома!

Надо было пойти к соседям и попросить разрешения понаблюдать за нашими влюбленными с балкона. Но я не стала этого делать. Наверное, у меня был шок. На тот момент мне в голову пришло только одно место, куда можно было прийти в 10 часов вечера, и никто не будет сердиться. Так что следующая я провела, нервно попивая чай с моими подругами, за двадцать миль от дома. Они были рады поучаствовать в происходящем даже издали.

– Чувствуем себя заговорщиками, – признались они с улыбкой.

Наконец раздался звонок. Это была Хэзер.

– Мам, можешь возвращаться.

Уже за полночь я переступила порог дома и была захвачена в объятия Дженнифер. Когда она меня отпустила, я спросила:

– Ну что, рассказывай. Он вставал на колени?

– Дааааа, – радостно протянула она.

– И? – настаивала я. В конце концов, я помогала все приготовить и теперь хотела знать подробности.

– Ох, мам, все было так романтично! – затараторила она. – Когда я вернулась, на крыльце не было света, но там горела свеча, а рядом лежала роза и записка: «Как я тебя люблю»^[21]. – Она перевела дыхание, посмотрела на новоиспеченного жениха и продолжила: – Я сразу же подумала о Бобе, потому что мы оба любим это стихотворение, но ведь он был в Бостоне. Поэтому я решила, что это Хэзер что-то придумала. В доме было подозрительно тихо и темно, но тут я увидела еще одну свечу, еще одну розу и новую записку. – Она посмотрела мимо меня, вспоминая все детали. – Я видела, что свечи уходят вдаль по коридору, до двери во двор. Откуда-то раздавалась песня Гарри Конника Младшего «It Had to Be You». И я все еще не понимала, что происходит. Вот дурочка!

Дальше она рассказала, как останавливалась у каждой свечи, подбирала розу и читала новые строки любимого стихотворения, пока наконец не подошла к двери.

– И тут я увидела его, – голос Дженнифер дрожал. – На нем был

смокинг, а в руке была последняя роза. – Она на секунду замолчала, радостно улыбаясь. – Ты не поверишь, но первое, о чем я подумала: на мне самая неподходящая одежда, какую только можно придумать, – джинсы, шлепанцы и даже повязка на голове. Я чувствовала себя глупо.

– О, дорогая, какая разница, что на тебе надето! Ты всегда прекрасна, – сказала я.

– Надо позвонить отцу, – решила Джен, сверкнув перед моим носом своим новым кольцом с бриллиантом «Маркиз».

Я отыскала номер гостиницы, в которой ночевал мой муж (он был пилотом), и отдала его Дженнифер. Пока она набирала номер, я увидела, что пирожные уже уложены в коробки и готовы к употреблению. Я почувствовала огромную благодарность.

– Пап, ко мне приехал Боб, – услышала я пронзительный голос Джен. – И он сделал мне предложение!

– Ты же не сказала «да», я надеюсь? – спросил он.

– Конечно, сказала, – смеясь, ответила она. – Не дразни меня.

Свадьба состоялась следующей весной. Все получили по манускрипту, завязанному лентой, с теми самыми строками «Сонета».

Вот уже пятнадцать лет Боб и Джен вместе, и у них двое детей, но муж моей дочери до сих пор дарит ей цветы просто так, оставляет милые записки и увозит в романтические путешествия. И пока мы любимся на них, он продолжает выказывать свою любовь.

Джин Х. Стюарт

Встречное предложение

*Жена имеет над мужчиной больше власти,
чем государство.*

*Ральф Уолдо Эмерсон, писатель и
мыслитель*

Я никогда не любил кольца и потому не собирался надевать обручальное кольцо. И это не потому, что окружающие будут знать о моем семейном положении, – просто мне не нравилось ощущение от кольца на своей руке.

После выпускного я уже готов был сделать предложение своей девушке Шерон Гейл Вайнгартон, находившейся рядом со мной с того самого

ограбления, когда я чуть не распрощался с жизнью.

Я вспомнил первый урок семейной жизни, который преподнесла мне жена, и снова посмотрел на выгравированное на кольце слово «КОМПРОМИСС».

У Шерон было все: красота, доброта и нежность. Но что она скажет, когда я сделаю ей предложение, отказавшись при этом носить обручальное кольцо? Я заучивал слова, долго обдумывая каждое. Наконец я понял, что решения в данной ситуации не найти. Я просто скажу как есть, и будь что будет.

Вечером я сделал ей предложение. И добавил, что не собираюсь носить кольцо.

– Я никогда не любил кольца. Я не носил выпускное кольцо... – И был готов принять ее ярость, например, «ЧТО ЗА ЕРУНДА? КАК ЭТО – ТЫ НЕ СОБИРАЕШЬСЯ НАДЕВАТЬ ОБРУЧАЛЬНОЕ КОЛЬЦО?».

Однако в ответ была тишина. После, как мне показалось, вечной паузы Шерон спокойно сказала:

– Ну и ладно. Не хочешь носить обручальное кольцо, не надо. Тогда я оставлю свою фамилию. Не хочу, чтобы меня звали Шерон Сигал.

На нашу пятнадцатую годовщину я вспомнил тот первый урок семейной жизни, который преподнесла мне жена, Шерон Гейл Сигал, и снова посмотрел на выгравированное на кольце слово «КОМПРОМИСС».

Майкл Джордан Сигал, магистр по социальной работе

Мой ниндзя

Любовь высвобождает твою душу из самых тайных укрытий.

Зора Ниэл Херстон, писательница

Представьте себе: место действия – город Омаха, штат Небраска, 21 марта 2008 года.

Девушка едет домой с работы. Она паркуется у дома и открывает двери гаража. Пока дверь поднимается, она замечает какой-то синий чехол. Удивленная, она выходит из машины, рассмотреть предмет поближе. К чехлу прикреплена записка. В ней сказано, что через час она должна надеть платье, сесть в машину и ехать – куда, она узнает. Девушка взволнованно

бежит в дом.

Она идет в ванную, чтобы прихорошиться. На зеркале в ванной еще одна записка: «Прими душ, чтобы смыть с себя «детские проблемы» после целого дня занятий в школе». Она смеется и запрыгивает в душ. После она решает нанести духи. На бутылочке снова записка: «Не забудь побрызгаться моими любимыми духами».

С улыбкой она щедро наносит «рекомендованный» запах.

Она надевает платье, делает прическу и макияж, когда вдруг звонит телефон. Это сообщение! В нем говорится, что у нее ровно минута на то, чтобы сесть в машину. Она быстро надевает туфли и бежит к выходу.

Внутри машины лежит роза. И с ней записка: «Поезжай в кофейню «Старбакс» в центре и отдай розу девушке по имени Шэй».

Теперь она смущена. Зачем наряжаться и ехать в кофейню, только чтобы отдать розу другой девушке? Однако это приключение, и она в нетерпении запрыгивает в машину, чтобы продолжить его.

Через двадцать минут она паркуется напротив кофейни. Быстро оплатив счетчик, она вбегает внутрь. Осторожно подходит к стойке и видит двух улыбающихся ей девушек.

– Есть здесь кто-нибудь по имени Шэй? – спрашивает она.

– Я Шэй, – говорит одна из девушек. – И у меня есть кое-что для тебя.

Шэй протягивает девушке ее любимый кофе. Ммм... Постойте! На чашке новая записка! «Этот кофе взбодрит тебя после долгого рабочего дня». Еще там сказано, что нужно вернуться к машине. Девушка в недоумении.

– Похоже, мне снова надо идти, – произносит она.

– Приходите к нам еще, – раздается в ответ. – И расскажете, чем же закончилось ваше приключение.

Вернувшись к машине, девушка находит розу на переднем сиденье. «Но я же закрывала дверь, – думает она. – И в кафе была всего пять минут. Значит, он где-то рядом».

Она оглядывается вокруг, но никого не находит. Поэтому садится в машину, чтобы прочитать записку.

В ней говорится о Франции. В конце автор жалуется, что оказался в Омахе, а не во Франции. Но потом вспоминает, что в Омахе есть красивая арка рядом со Старым рынком, так похожая на Триумфальную. «Поэтому возьми розу и отправляйся туда».

Девушка едет по городу, потом уже пешком подходит к арке и останавливается под ней, готовясь к новой подсказке. Однако ничего не происходит. Она решает побродить возле озера: может, ее кавалер немного

опаздывает. Подойдя к ограждению, она любуется на воду, в уме обдумывая, к чему же приведет эта «охота». Внезапно, словно что-то почувствовав, она оборачивается.

Перед ней ее любимый, на одном колене, с бриллиантовым кольцом в руке. Прежде чем он успевает что-то сказать, девушка обнимает его, целует и, предупреждая его вопрос, отвечает: «Да! Да! Да!»

Вместе они возвращаются в «Старбакс», где девушка узнает, что все там присутствующие знали о готовящемся предложении. Потом он приглашает ее на романтический ужин в хороший ресторан. Уже в ресторане девушку снова ждет сюрприз: в комнате ее ожидают родители, бабуля, друзья и родители будущего мужа. От счастья она готова взлететь.

Как же ему удалось повернуть такой трюк? Просто он все это время прятался в багажнике ее машины, и она сама доставляла его до места назначения.

Эта девушка – я, а парень – мой жених и будущий муж, Брайан.

Дженнифер Хофсоммер

Другое призвание

Стоило мне увидеть его один раз, и мое сердце навсегда было отдано ему.

Джейн Остин, писательница

Ему было двадцать. Высокий блондин с зелеными глазами и словно вылепленными мышцами. При взгляде на него все внутри у меня переворачивалось.

Мне было одиннадцать. Я была низкого роста, в очках, с веснушками и курчавыми волосами. С мышцами тоже было не очень: их все еще покрывал «детский жирок».

Его звали Кен. Мы были знакомы, но единственным знаком внимания от него были мои взъерошенные волосы, когда он проходил мимо. И все равно я любила его и верила, что в один прекрасный день мы будем вместе.

Все, кто знал о моих чувствах, посмеивались надо мной. Советовали забыть, потому что вокруг полно женщин его возраста. «У тебя нет шансов», – говорили они.

Я просто всех игнорировала.

Через два года я попросила Кена стать моим советником на церемонии

конфирмации. Он согласился, а я была в восторге: перед конфирмацией требуется год занятий, и ему придется присутствовать на них вместе со мной.

Еще через два года Кен переехал во Францию – он решил стать монахом! Я умоляла его это не делать, но он объяснил, что всегда этого хотел. Он чувствовал свое предназначение.

В день, когда Кен уехал, я спрятала свою мечту в самый дальний уголок души. Я пыталась его забыть, но не получалось. Я понимала, что мои чувства, настоящие, невзирая на то, что говорили или думали окружающие. В душе я знала, что нам суждено быть вместе.

Шли годы, мы обменивались с Кеном письмами. Они помогали, не сильно, но достаточно, чтобы держаться. Мы, как могли, поддерживали связь.

В тот день, когда мой любимый уехал, я спрятала свою мечту в самый дальний уголок души.

Через тринадцать лет после отъезда Кена я получила от него письмо, где он сообщал, что возвращается в США в монастырь в Оклахоме. Я была так счастлива, что не могла ни о чем думать. Он возвращался! Он будет жить со мной на одном континенте (хоть и в другой стране). По крайней мере, пересылка писем станет дешевле, да и доходить они будут быстрее. И самое главное – я смогу ему звонить!

Я быстро вычислила еще один положительный момент: он мог приехать ко мне! Несколько раз он навещал родных, и я радовалась, как ребенок, хотя его отношение ко мне не намекало ни на что большее, чем переписку двух друзей. Он был таким далеким. И все равно я любила его и верила, что мы будем вместе.

Через некоторое время я получила от него очень серьезное послание. Я даже немного испугалась, хотя и гордилась им. Он работал с заключенными, приговоренными к смерти, в Оклахоме, и один из них попросил Кена присутствовать на казни. Эта просьба, словно камень, лежала у него на сердце, и он не знал, как поступить. Я понимала, что от моего ответа зависит все его будущее, поэтому долго раздумывала, прежде чем отправить ответ. Я написала ему, что, вне зависимости от окончательного решения, он всегда будет жалеть, что не поступил по-другому. Однако человек попросил его быть рядом в последние мгновения своей жизни. Разве можно ему отказать?

В следующем письме Кен сообщил, что будет присутствовать на казни и, скорее всего, до того дня он вряд ли захочет писать. Я все понимала, но

сама продолжала писать. Поддержка ему была необходима.

Я позвонила через несколько дней после казни и услышала, как он плачет. Мы мало говорили, но все чувствовали, и слова были не важны. Он знал, что я рядом, и это главное.

После этого события я начала замечать, что Кен изменился. Однако изменение это не было явным, и я сомневалась. Вскоре это начали замечать и остальные. Наступил момент, когда Кену пришлось признаться самому себе и окружающим, что его жизнь словно застыла. Жизнь в монастыре предполагала некоторую размеренность, поэтому его слова меня беспокоили. Я все больше волновалась по мере получения его последующих писем. Наконец я решила, что настало время мне поехать и встряхнуть его как следует.

Я собиралась сначала навестить дядю в Пенсильвании, но, когда приехала туда, моя поездка в Оклахому отменилась: Кен возвращался в Британскую Колумбию на похороны бабушки.

Я и моя семья тоже поехали. Вечером после похорон мы с Кеном остались вдвоем. Я хотела с ним поговорить. Взяв его за руки и посмотрев в глаза, я сказала ему, что не хочу его возвращения в Оклахому. Потом опустила голову в ожидании вежливого отказа.

Вместо этого он признался, что тоже не хочет туда возвращаться. И тут его словно прорвало: он признался, что всегда любил меня, но много лет назад из-за нашей разницы в возрасте понимал, что мы не должны быть вместе. Люди бы нас осудили. Так он решил уехать на другой конец мира и стать монахом.

Но все эти годы он все равно любил меня. Его наставники чувствовали это и не позволяли ему давать невозвратные обеты. Мужчина не должен давать клятву целомудрия, если в его сердце живет любовь к женщине. Кен оставался в монастыре, участвовал в его жизни, но в любой момент мог уйти. Когда умерла его бабушка, он решил, что настало время что-то менять, и, если мои чувства изменились, он бы вернулся обратно в Оклахому, дал обеты и остался там навсегда.

Любовь одиннадцатилетней девочки до сих пор жила, только теперь в сердце двадцатилетней женщины.

Однако ничего не изменилось. Любовь одиннадцатилетней девочки до сих пор жила, только теперь в сердце двадцатилетней женщины. Мы оба прошли множество испытаний, некоторые оставили шрамы, но любовь никуда не делась. Поэтому, когда он встал на колени и сделал предложение, я без сомнений ответила «да».

Шерон Грэм

Глава 5. Свадьба

Соедините руки и сердца... [22]

Уильям Шекспир, поэт и драматург

Тайная свадьба

Если любовь не сумасшедшая, то это не любовь.

Кальдерон, поэт и драматург

Мы были помолвлены и имели все, что полагается: кольца и назначенную дату. Свадьба была запланирована на 5 октября. Мы задумали пожениться ровно через десять лет с момента первого признания в любви, а встречались мы еще в школе. Уже после помолвки мы стали жить вместе. Потом решили, что сначала надо пожениться. Сказано – сделано.

Официальная церемония была скромной, присутствовали только самые близкие друзья и родственники. Собственно, у наших друзей в гостиной все и происходило. Мы одолжили стулья в церкви, а наш пастор провел церемонию. Мы обменялись платиновыми кольцами, произнесли брачные обеты, поцеловались – и вот мы муж и жена. После пили кофе, жевали торты, купленные в магазине неподалеку, и любовались маргаритками, обошедшимися нам не больше двенадцати долларов. Моя подруга предлагала сделать букет невесты, но я отказалась. Однако им удалось уговорить меня на белую блузку. Зеленую юбку я все равно оставила.

Церемония проходила в воскресенье, поэтому после мы сделали то, что делали каждое воскресенье: отдыхали с друзьями. Мы играли в карты до вечера, мой новоиспеченный муж перебирал струны на гитаре. Да, может, все это немного странно. Но мы были на сто процентов готовы стать мужем и женой, так зачем ждать?

Вот такой была моя свадьба.

Звучит все так неромантично, когда рассказываешь кому-то. Однако свадьба была тайной – мы и не собирались отменять официальный прием 5 октября: с розовым садом, белым платьем и изысканными закусками.

Наверное, странно, что в нашем сертификате стоит одна дата, а

годовщину мы празднуем в другой день. На свадьбе нас даже венчал другой пастор. Я так и не рассказала ничего моим бабушке и дедушке. А как отнесутся к этому наши будущие дети?

Я два раза вышла замуж за одного и того же мужчину.

Признаюсь, я тоже иногда осознаю всю странность нашего поступка. Действительно, у кого еще есть «день, когда вы поженились» и «день свадьбы»? И хотя я не жду, что мне будут дарить цветы на тот и на другой, для меня это лишнее подтверждение того, что у меня высокие запросы. Я два раза вышла замуж за одного и того же мужчину.

Стефани Чембер

Моя сиреневая свадьба

*Когда влюбляешься, все мечты вырываются
на свободу.*

Элизабет Боуэн, писательница

Я плохо помню тот день, когда муж сделал мне предложение. Дэл – довольно приземленный парень, так что не было особых изысков, романтического ужина или надписи в небе. Он просто спросил: «Ты выйдешь за меня?» От неожиданности и серьезности момента я ответила:

– Конечно. Если купишь мне лошадь.

Он пообещал, что обязательно купит.

Мой отец сразу же согласился, когда Дэл попросил его благословения. С мамой все было по-другому. Своего благословения она не дала, и по мере приближения свадьбы начались конфликты.

Маме не нравились ни наши свидетели, ни наши гости. Лучший друг Дэла, его шафер, породил бесчисленные бои между мной и матерью. Дело в том, что он был афроамериканцем, и мама прямо заявила: если он будет на свадьбе, отец не поведет меня к алтарю. В нашей семье я никогда не замечала расовых предубеждений, поэтому была в ужасе, услышав такое. Я, как могла, боролась, не желая выбирать между своим отцом и общечеловеческими принципами.

Тем не менее, как бы ужасно это ни звучало, я выбрала папу, которого обожала, а Дэл согласился найти другого шафера. Поскольку друг все это время и не подозревал о своем участии, его чувства не были оскорблены. О

себе такого сказать не могу. Настроение было испорчено.

По мере приближения даты становилось все яснее, что это не моя свадьба, а та, которую всегда хотела мама. Она выбирала гостей, цвета и все остальное. Несмотря на инфляцию, бюджет моей свадьбы все же не мог превысить лимита, установленного на церемонии сестры девятью годами ранее. Из экономии я могла позволить себе только одного служителя. Которого тоже, кстати, выбрала мама.

По мере приближения даты становилось все яснее, что это не моя свадьба, а та, которую всегда хотела мама.

Наши раны зажили только через двадцать пять лет брака. Слава богу, на наш юбилей мы могли устроить себе именно такую свадьбу, какую всегда хотели. Впервые оказавшись в роли невесты, я увлеклась выбором цветов, гостей, торта и даже планированием свадебного путешествия.

Когда настал день выбирать платье, я решила, что оно будет моего любимого цвета – сиреневого. Поскольку ходить по магазинам я никогда не любила, Дэл втайне молился, чтобы мы нашли платье сразу, в первом же салоне. И Господь ответил на его просьбу. Как только я примерила сиреневое платье принцессы, я точно знала, что это то самое.

Мы позвали всех друзей, которых хотели видеть на нашей первой свадьбе, очень много друзей.

– Ох, Пэм, – призналась мне школьная подруга. – Я просто не могла поверить, когда получила твое сообщение. Села и заплакала.

Мы даже решили нанять консультанта, чего так и не случилось в первый раз.

Мы с Дэлом страшно нервничали в день праздника. Несмотря на двадцать пять лет совместной жизни, брачные обеты до сих пор имели для нас огромное значение. В какой-то момент венчания Дэл перестал контролировать свои чувства, и я увидела слезы в его глазах. В тот момент я поняла, насколько глубоки были его раны. Церемония завершилась, а мы получили свое благословение и долгожданное лекарство.

Сфотографировавшись, мы прошли в банкетный зал. Там возвышался торт: с сиреневыми и розовыми цветами, фруктовой начинкой и сливочной глазурью. Стены были украшены белой вуалью с сиреневыми цветами, серебристыми лентами и живыми листьями – идеальные декорации. Мы радостно общались со старыми друзьями, узнавали последние новости и рассказывали свои.

Когда вечер подошел к концу, мы погрузили подарки в машину и сами сели следом. Получив положенную порцию впечатлений от собственной

свадьбы, о которой я так мечтала, впервые за многие годы я была по-настоящему счастлива.

В тот момент я осознала, что не только наши брачные обеты были новыми, я получила новое сердце. Словно мороженое на солнце, растаяли боль и обида, преследовавшие меня все эти годы. На этой свадьбе главным управляющим был Господь, а мама – только гостьей. Теперь я уже не злилась на нее и была готова начать наши отношения сначала.

Свой медовый месяц мы с Дэлом провели сначала в Филадельфии, потом в горах Поконо. Чудесные пейзажи и джакузи в форме сердца были прекрасным началом еще большего единения двух сердец.

Памела Хамфрис

Решения

Свадьба – это начало единения... прогулок под дождем, валяния на солнышке, совместных ужинов, взаимной заботы... и ощущения той любви, которую несет в себе супружество.

Неизвестный автор

Самое простое решение, какое мы с мужем когда-либо принимали, – это решение о женитьбе. Гораздо сложнее было согласовать все те мелочи, которые сопровождают свадьбу. Настолько сложнее, что мы чуть не расстались, не успев объединиться.

Начнем с того, что я всегда хотела пышную, шикарную свадьбу, с горой кружев, фатой и прогулкой к алтарю под руку с моим светящимся от гордости папочкой. Ничто не могло заставить меня отказаться от мечты, в особенности будущий муж. Разве брак не подразумевает компромиссы? Мой жених, напротив, будучи трезвомыслящим инженером, имел иной взгляд на вещи.

– Ты хотя бы представляешь, во сколько нам обойдется один день этого праздника? – спрашивал он. – Не лучше ли взять эти деньги и оформить кредит на наш новый дом? Это гораздо практичнее.

Самое ужасное, что он был прав. Мы до сих пор платили за его учебу, мою машину, и в любом случае нам надо было думать о совместном жилище. Могли ли мы позволить себе свадьбу мечты? Однако признавать поражение я не собиралась.

– Мои родители согласились оплатить свадьбу, – сказала я. – Если они не против, почему против ты? Я их последняя незамужняя дочь, поэтому они рады будут избавиться от меня и наконец-то остаться вдвоем.

Мне стало понятно, что не я одна могу быть упертой – мой жених тоже не собирался уступать.

– То есть ты действительно сможешь попросить родителей оплатить такую дорогую свадьбу после того, как они отучили всех своих пять дочерей в не самых дешевых университетах?

Теперь я чувствовала себя виноватой. Но не настолько, чтобы отказаться от мечты.

– Хорошо. Что ты скажешь насчет скромной свадьбы? Только родственники и близкие друзья?

Он замешкался, и я продолжила закреплять успех.

– Не будет торжества, не будет и свадьбы, – твердо заявила я. – Это мое окончательное предложение.

– Ладно, – сдался он. – Скромная так скромная.

Видя, как старательно он скрывает улыбку победителя, я поняла, что именно так он и планировал поступить с самого начала. Ну почему бы просто не сказать об этом?!

Но дальше начались переговоры по каждой мелочи. Это напоминало сбивание цены за подержанную машину. Надо было определяться со списком гостей. Каждое имя подразумевало целую серию препятствий. Мы, слава богу, сошлись на количестве приглашенных. Поэтому я думала, что каждый сам выберет свою половину. Однако количество людей с моей стороны сильно превышало его гостей, и я боялась не впихнуть всех в рамки дозволенного числа.

– Я должна пригласить всех, – объяснила я. – Уверена, что все, кто живет на восточном побережье, откажутся.

Однако в душе я не была столь уверена в этом. Я прошлась по списку, напротив каждого отмечая вероятность их фактического появления на свадьбе.

– Смотри, – показала я ему результат, – с вероятностью восемьдесят пять процентов могу сказать, что две трети приглашенных не появятся на церемонии.

– А что, если ты ошибаешься? – подозрительно посмотрел он на меня. – И на свадьбу придет вдвое больше гостей, чем мы планировали?

Он, похоже, уже жалел, что решил жениться на математике.

– Тогда продадим фамильные ценности и на эти деньги поженимся, – быстро ответила я.

Он засмеялся.

От списка гостей мы перешли к дате. Ничего не подходило, потому что четыре мои сестры и мама были привязаны к расписанию учебного года (все либо доучивались, либо уже преподавали). Плюс ко всему у них были разные учебные планы, и отпуска никак не хотели совпадать.

– Давай подумаем, – размышляла я вслух, глядя на график дат, который составила. – Помолвку мы объявили на День благодарения, можем выбрать последний выходной марта в следующем году или попробовать найти пересечение с их летними отпусками.

Остановились мы на дате 28 марта, то есть оставалось всего четыре месяца на выбор помещения, фотографа, музыкантов, цветов, нарядов, угощения, танцев и еще тысячи деталей. Судя по нам, количество этих деталей будет только увеличиваться.

В один прекрасный день, пытаясь вычислить идеальные пропорции маринованных грибов и бекона для фирменных рулетиков, я сказала ему:

– Знаешь, может, просто распишемся и оставим все эти планы. Шучу, шучу, – быстро добавила я, увидев ответное выражение на его лице.

Итак, когда день настал, все детали разрешились сами собой. Каких-то серьезных проблем не возникло, но было множество мелких: один из музыкантов заболел в последнюю минуту, верхний уровень торта, который мы бережно отложили на празднование годовщины, упал на пол и развалился, не меньше дюжины гостей, которые даже не ответили на приглашение, все-таки появились на свадьбе, а один из друзей нечаянно наступил на мой шикарный подол во время танца, заставив все мелкие пуговички на платье тут же расстегнуться. Однако мы справились и по окончании торжества решили, что все прошло даже лучше, чем планировалось.

Солнце вышло из-за туч, и фотограф смог сделать прекрасные фотографии, еды и вина оказалось достаточно, и, хотя я сама так и не попробовала свои фирменные рулетики из бекона с грибами, все гости уверяли, что они были божественны. Было еще одно запоминающееся событие: все так зажигательно танцевали в конце вечера танец Хора^[23], даже мой пятилетний племянник и восьмидесятилетняя тетя.

Не уверена, что я до конца понимала, во что ввязываюсь, когда произносила брачные обеты. Нам обоим было под двадцать, и все печали и радости ждали впереди. Однако я точно знаю, что четыре месяца бесконечных переговоров и компромиссов были лучшей подготовкой к тридцати семи годам семейной жизни. Следующим важным шагом было принятие решения о количестве детей, которых мы хотим завести. Он

хотел двоих, а я пятерых, но это уже совсем другая история.

Кара Холман

Рассадить гостей

*Я не мог дождаться успеха и пустился в путь
без него.*

Джонатан Уинтерс, актер

Сто человек надо рассадить за двенадцать круглых столов. Я посмотрела на ворох отвеченных приглашений в коробке и улыбнулась. Скоро мы со Стивом возьмемся за руки, выбежим из церкви и поплывем по горам на сияющем лимузине. Потом выйдем из нашего шикарного салона, новоиспеченные муж и жена. Я спланировала идеальную свадьбу. Солнце будет отсвечивать золотом на ветвях густых пальм перед стеклянными дверями в особняк. Все вокруг заиграет новыми красками. Моя светловолосая племянница, словно ангел, будет идти впереди, разбрасывая лепестки роз, возвещая о нашем прибытии.

Я вытащила из коробки небольшую стопку приглашений и разложила их перед собой веером, словно карты. Посмотрела на календарь: на нем все еще оставалось много дней до моего торжества. Изначально я хотела организовать шведский стол, без необходимости рассаживать гостей, но родители настаивали на обратном.

Сто человек разделить на двенадцать вовсе не сложно. Получается по восемь-девять человек за столом. Зачем мне все эти модные приложения по планированию свадьбы? Я взяла лист бумаги и начала строить схемы: двенадцать кругов и пустое пространство в центре – это будет танцпол. Я три раза переворачивала лист, чтобы все вместилось. Мне нравился звук, с которым карандаш расчерчивал бумагу.

В голове я перебирала имена. Двоюродные братья и сестры Холланды с супругами сядут вместе. Они прекрасно поладят. Поэтому рисуем букву «Х» на столике подальше от центра. Я выбрала пять открыток, лежащих передо мной, и еще две выудила из ящика. Приглашения Холландов я перевернула лицевой стороной вниз. Выдохнула.

Теперь берем еще одну стопку приглашений. Мои семь тетушек и дядюшек, Ньюдженты, неплохо танцуют, так что букву «Н» рисуем на столике поближе к танцполу. Еще два места остались пустыми. Кого же

туда посадить? Мою остроумную кузину Дженни из Бостона? Или бывшую начальницу Кару Руди с мужем Тимом? Однако я хотела выказать все свое уважение к Каре и усадить ее с кем-то более солидным. Я взяла еще одно приглашение, с ужасным почерком. А, Флаэрти! Мои дядюшки Флаэрти – те еще молчуны. Может, посажу Кару с ними и для компенсации добавлю доктора Кэррола – моего двоюродного брата и нашего общего друга. Хотя черт! Дженни любит выпить. Никак нельзя сажать ее рядом с дядюшками Флаэрти: они все бросили пить. Может, посадить Кару с тетей Анжелой? Опять нет: тетя любит сидеть поближе к проходу, чтобы сделать фото торта, как только его внесут. Вздыхая, я положила приглашение семейства Руди слева от себя.

Теперь берем карточку с надписью «Таранто – 4 человека». А это еще кто? Из Нью-Джерси? Нет, подождите, Таранто – двоюродный брат жениха, который участвует в гонках NASCAR. Класс. Я снова посмотрела на свою схему. Потом на приглашение Кары и Тима. Я уже почти поднесла карандаш к бумаге, все еще пытаюсь опознать Таранто. Дэнни Таранто! Его сводный брат Люк с женой из Сан-Франциско. Как же ее зовут? Лили? Нет, Люси. Люси Таранто, с которой я познакомилась на уроках танцев в прошлом году. Как тесен мир! То есть получается, что это та самая Люси, которая после уроков ходила в бар со своим персональным тренером – по совместительству моим тренером по плаванию. А еще встречалась с тем женатым адвокатом. Ну уж нет! Я никогда не посажу ее с такой милой и наивной парой, как Кара и Тим.

Неожиданно раздался телефонный звонок, сбивая меня с мысли и отвлекая от приглашений.

– Мисс Флаэрти? – зашебетала моя флористка. – Я хочу сделать все в лучшем виде к вашей свадьбе. Только должна предупредить о небольшой проблеме с вашими лилиями.

В моем мозгу забили набаты.

– Проблеме? Вы точно сказали «проблеме»?

– Да, – ее голос стал просто сахарным, – ничего страшного, просто небольшая задержка с вазами, мисс... миссис Пейган.

– Посмотрим, насколько она небольшая! – перебила я, тяжело дыша. – О каком сроке идет речь?

– Цветы очень чувствительны к перепадам температур, – поспешила ответить она. – Мой поставщик сообщил, что то количество лилий, которое вы хотите, может – и я хочу подчеркнуть, что именно может, – быть не готово к 18 июля.

– Давайте-ка все проясним. Вы не можете гарантировать мне доставку

лилий для столов?

Мои пальцы просто отбивали чечетку на столе. Календарь притягивал взгляд. На шее и лице у меня проступили красные пятна.

На том конце провода наступила тишина.

– Мой поставщик не сможет привезти лилии для двенадцати столов к назначенному сроку.

– Но все же оплачено! – почти кричала я. – Лилии для всех двенадцати столов!

– Мне очень жаль, миссис Пейган, и я помню о нашем договоре, но я не могу контролировать...

– Вы говорите, что между нами заключен договор. Мы договаривались о лилиях для двенадцати столов в особняке 18 июля.

Я с яростью бросила трубку, выпуская пар и несколько «добрых» слов в адрес собеседницы.

Я снова перевела взгляд на коробку с приглашениями. Когда-то я смотрела на нее с воодушевлением. Теперь же я увидела открытку с именем моего странноватого дяди Джона и сводной тети Стар. Я сглотнула. И где мне сажать этих? Я словно открыла банку с тараканами. А где они сами хотели бы сидеть? А мне есть дело до этого? Кто с ними будет говорить и о чем? Я отпихнула коробку в сторону и включила свой ноутбук. В папке с фотографиями я отыскивала свои гортензии по ключевым словам «июль», «цветы» и «Нью-Йорк». Коробка продолжала притягивать мой виноватый взгляд.

Вдруг я встрепенулась. Зачем мы все это задумали? К черту! Я посмотрела на часы, потом снова на календарь. Достала калькулятор из верхнего ящика. Пока движется по кругу длинная стрелка, я размышляю о том, сколько миль отделяет нас от Лас-Вегаса. И хватит ли у меня бензина, чтобы доехать до Рено. Пятна наконец сошли с лица, пальцы запорхали по клавиатуре, и я снова начала улыбаться. Может, и стоит поехать туда и обвенчаться.

Этим же вечером ко мне заглянула моя свидетельница – проверить, как идет подготовка. Она энергично стучала в дверь, но ей никто не открыл. Забеспокоившись, она вошла, воспользовавшись запасным ключом. В доме стояла пронзительная тишина. В гостиной не было невесты, листающей журналы. В кухне тоже. Никто не ругался с флористом по телефону. Невесты не нашлось ни в ванной на весах, ни в кабинете. Зато в последнем свидетельница нашла разбросанные по полу приглашения. На ее лице проступило понимание: большая часть карточек была порвана на мелкие кусочки.

Мы просто проигнорировали советы родственников и сделали все по-своему.

И наша свадьба была идеальной.

Скажу правду: мы не поженились в тот вечер. Но были близки к тому. Через три месяца мы с новоиспеченным мужем, широко улыбаясь, разглядывали шведский стол в банкетном зале. Ростбиф и маринованные баклажаны дразнили обоняние. Подружки невесты стояли в очереди, в руках каждая держала букет маргариток, который сделала сама. Мы просто проигнорировали советы родственников и сделали все так, как хотели сами. И наша свадьба была идеальной.

П. А. Флаэрти

Все из-за печенья

*Когда встречаешь человека, с которым готов
провести остаток жизни, то хочешь, чтобы
этот остаток начался как можно скорее.*

Нора Эфрон, кинорежиссер

Я подлетела к почтовому ящику и открыла дверцу. Внутри было письмо. Обратный адрес – база Пендлтон, Калифорния, – написанный знакомым корявым почерком. Я тут же вскрыла конверт и взвизгнула.

– Мам, Пол приедет домой в отпуск на следующей неделе!

– Слава богу! – ответила она. – Сможете, наконец, обсудить все детали свадьбы.

Мы планировали шикарную свадьбу, и все по почте, потому что Пол отправился в тренировочный лагерь морской пехоты еще в январе. Сейчас была середина мая, а венчание было запланировано на сентябрь. С момента его отъезда мы не виделись, не говорили по телефону, и даже письма приходили не так часто. В армии есть выражение: «Если бы (такой-то род войск) хотели, чтобы у солдата была семья, то ему бы выдали ее при поступлении». Морская пехота завладела Полом. Иногда он признавался в своих письмах, которые писал с фонариком под одеялом, что приходится пробираться к почтовому ящику по ночам, в одном нижнем белье. И он не один, кто так поступает. У ребят даже есть выражение: «ночная почта». В общем, порой переписка для него становилась опасной.

Наконец наступили выходные, и я была на седьмом небе. Пол обещал

пригласить меня на ужин и в театр. Я чувствовала себя королевой в своем новом черном платье и жемчужном ожерелье. Ровно в семь Пол уже стоял на пороге с букетом роз.

– Готова провести лучший вечер в своей жизни? – спросил он после долгих объятий и поцелуев.

Я даже не могла предположить, насколько он прав.

– Милый, я так ждала этого дня, – ответила я. – Пойдем уже скорее.

Мы быстро сели в машину, помахали родителям, радостно улыбаясь нам вслед.

Пол не сказал, в какой ресторан мы едем, но, если честно, мне было все равно. Просто находиться рядом с ним было достаточно.

Мы припарковались в Чайна-тауне, у ресторана «Генерал Ли». Подходя к дверям по бамбуковой дорожке, я все еще не могла поверить, что Пол действительно приехал. За ужином я постоянно трогала его за руку, как бы удостоверюсь, что это не сон.

Закончив с основным блюдом, мы забрали у официанта два печенья с сюрпризом. Они лежали на тарелке с двумя ломтиками апельсина. Пока я доставала свое предсказание, Пол подливал мне чаю.

«Не делай ничего необдуманного», – сообщалось в предсказании. А что можно сделать необдуманного – обвенчаться?

– Ммм... у меня написано: «Не делай ничего необдуманного», – прочитала я, вникая в смысл предсказания. – Что, интересно, мы можем сделать необдуманного?

– Можем обвенчаться, – смущенно сказал Пол.

– Но как?.. Мы не можем... – В моей голове спутались все мысли. – Родители нас просто убьют. Папа уже арендовал загородный клуб для торжества, я купила платье, и подружки тоже, в церкви...

– Конечно, ты права, – перебил меня Пол. – И все равно, это было бы так захватывающе.

– Это было бы безумием, – сказала я.

Однако я слишком сильно любила Пола, а то, что он предлагал, действительно звучало волнующе.

– Интересно, где можно обвенчаться в субботу вечером? – спросила я, все еще прикидывая, как романтично было бы стать мужем и женой прямо сейчас.

– Знаешь, я читал в газете, что в Юме можно сдать кровь, а потом поехать в местечко Уинтер-Хейвен и там обвенчаться. Хотя ты права, это сумасшествие, – утвердительно закончил Пол.

– Да, сумасшествие... – повторила я, глядя Полу прямо в глаза.

– А мы сможем пожениться, если мне девятнадцать? – поинтересовалась я.

– Конечно! Заедем домой и возьмем свои свидетельства о рождении.

Чем больше мы говорили об этом, тем более волнующей казалась эта идея.

– И что будем делать? – спросила я наконец. – Поедем в театр или в Юму?

Пол улыбнулся и прошептал:

– В Юму.

И мы двинулись в путь. Оплатив счет, мы просто наперегонки бежали к машине. Как два влюбленных школьника! И эти люди собирались пожениться!

Дома я сказала отцу, что свидетельство о рождении у меня потребовали на входе в ночной клуб. Так что он сам вручил мне его, не проронив ни слова. Я чувствовала вину за то, что обманываю его, но я была молода и влюблена.

Пол захватил свидетельство в своей квартире, еще одолжил 50 долларов у соседа по комнате, и мы двинулись в Юму. Его сосед сказал, что мы совершаем очень важный шаг, и пожелал удачи.

Я была в эйфории, пока мы ехали по дороге со скоростью почти 80 миль в час. Свежий ночной воздух врвался в окно, а мы держались за руки. И вдруг меня осенило.

– Пол, я должна сказать родителям, куда отправилась. Если я не появлюсь дома к утру, они с ума сойдут от волнения.

В то время еще не было мобильных и электронной почты, поэтому пришлось останавливаться в городке Индио и отправлять телеграмму. Родителям Пола тоже.

«Мы поженились тчк любим вас сильно тчк салли пол тчк».

И снова мы поехали в Юму. Дорога заняла всю ночь, и мы один раз остановились на заправке. Машина Пола – «плимут фьюри» – потребляла невероятное количество бензина, а наши денежные запасы подходили к концу.

Наконец мы приехали в Юму. Было около шести утра воскресенья. Мы позавтракали в небольшом кафе, чтобы хватило денег на анализ крови. Я все еще была возбуждена, и есть не очень хотелось, но мой пехотинец проголодался.

Поликлиника открывалась в восемь утра, и мы были первыми в очереди. Получив результаты, мы отправились в часовню Лютес Гренья. И

там, стоя перед священником, оба сказали «да». И глаза у обоих горели.

Не буду врать, встреча с родителями прошла не слишком приятно, но папа все понял, потому что сам в душе был романтиком. Мы отметили успешный возврат его залога в клубе, купив новую машину. Я продала свое платье лучшей подруге, а Пол отправился обратно на базу: уставший, счастливый и женатый. Пока я обустроивала маленькую квартирку к его возвращению: дом мы еще не могли себе позволить.

Прошло сорок пять лет, и, угадайте, куда мы идем праздновать? Даю подсказку: там очень красивая бамбуковая дорожка и отличные печенья с сюрпризом.

Салли А. Родман

Рональд

*Божественная радость – это лекарство.
Каждый должен искупаться в ней.*

Генри Уорд Бичер, религиозный деятель

Была полночь. Мы с Ричардом писали брачные обеты для предстоящей завтра церемонии. Помимо слов, которые произнесет раввин, мы хотели добавить что-то свое, о чувствах, любви и ожиданиях.

Наша свадьба была назначена на 18 июня. Мы с Ричардом приехали в синагогу, где должна была проходить церемония. Пейзаж был головокружительный. Здание синагоги располагалось на зеленом поле и было спроектировано японским архитектором. Оно было одновременно красивым и простым, чисто белого цвета внутри и снаружи.

На момент свадьбы Ричарду уже исполнилось пятьдесят один, а мне сорок три. Это было мое первое замужество. К алтарю я решила пойти под руку с будущим мужем. Именно так мы хотели начать совместную жизнь – рука об руку. Так мы видели себя со стороны, потому что были не просто любовниками, но друзьями.

Помню, как я улыбалась гостям, идя навстречу раввину. Здесь присутствовали только самые близкие нам люди. Они улыбались в ответ, понимая, насколько важен этот момент для меня и Ричарда. Мы так долго его ждали, и все должно быть идеально.

В руке я держала светло-оранжевую розу, подходящую под цвет декораций и подписи на наших приглашениях. Оранжевый всегда был

моим любимым цветом, сколько себя помню. Розы, украшавшие зал, придавали атмосфере мягкость и нежность. А как они пахли!

Ричард позволил мне выбрать свадебную музыку. Помню, как ставила ему песню Барбры Стрейзанд «Starting Here, Starting Now», слова которой так точно описывали наши чувства в связи с предстоящей свадьбой. Приглашенный певец исполнял эту песню, пока мы шли к алтарю. Позже, при взгляде на наши фотографии, мне казалось, что мы оба светимся.

Мы много раз говорили с раввином о том, как пришли к этому решению. Это можно было сравнить с поисками иголки в стоге сена. Церемония должна была отражать наше уважение друг к другу и стремление к тому, что ждет нас впереди.

Когда все закончилось, гости потянулись поздравить нас. Каким-то образом моим сестрам удалось вырваться из толпы и протиснуться в зал, где должен был состояться торжественный ужин.

Они ахнули от восторга: здесь было еще больше роз, а на столах лежали персиковые скатерти и салфетки. Моя сестра Сьюзан подняла одну из салфеток и застыла.

– Линда, подойди скорей, – позвала она вторую сестру. – Посмотри: на салфетках написано «Эйлин и Рональд».

– Очень смешно, – ответила Линда, направляясь к Сьюзан. Однако выхватив салфетку из ее рук, она ахнула: – Скорей! Собирай все салфетки со столов!

И, пока мы с Ричардом продолжали принимать поздравления, сестры выбивались из сил, пытаясь устранить катастрофу.

Они сделали все, что могли, но пропустили пару столов. И, конечно же, по иронии судьбы, за эти столы сели друзья Ричарда. Они с ужасом смотрели на салфетки. Много лет спустя один из них признался, что подумал в тот момент, что за все годы дружбы так и не узнал, что настоящее имя Ричарда – Рональд.

До конца вечера, да и потом в медовый месяц, я пару раз не устояла, назвав своего мужа Рональдом.

Эйлин Чаплик-Алескоу

Карусели

И все-таки есть что-то такое в свадебном платье, что делает его самым прекрасным из всех нарядов на свете.

Дуглас Уильям Джерольд

Казалось, она стала выше и приобрела царственную осанку, стоя у трехстворчатого зеркала.

– Это то самое, – прошептала ее сестра-близнец, едва дыша.

Я кивнула, когда моя дочь медленно повернулась вокруг себя и улыбнулась. Это определенно было ТО платье. Мы нашли идеальную фату и туфли и покинули магазин свадебных нарядов, испытывая что-то вроде эйфории.

– Хорошо, что дальше? – спросила я.

– Платье для тебя, мам, – последовал ответ.

Мы находились в самом разгаре подготовки к свадьбе. Платья подружек невесты были выбраны, и теперь следовало решить, какие будут букеты и оформление цветами, свадебный торт, фотограф и музыка. Я лично вручила приглашения, и ответы на них уже пришли.

Затем, поскольку я откладывала это насколько могла, я начала подбирать себе платье и смогла найти одно бледно-розовое, которое моя дочь одобрила. Ее отец позаботился о новом смокинге. Он шутил, что чувствует себя словно ходячий банкомат: он только и занимался тем, что выписывал чеки или подписывал квитанции. Была суматоха, хотя мы как-то умудрялись получать удовольствие во время всех этих приготовлений.

За несколько недель до свадьбы Мэй мы возвращались домой из бакалейной лавки, когда на пороге сестра невесты поприветствовала нас словами: «Папа, мама, можно с вами поговорить?»

Я уставилась на нее, она держала за руку своего бойфренда, и тут я внезапно догадалась, чего они хотят. Пакет с молоком выскользнул из моих рук, оно растеклось по деревянному полу повсюду и даже залилось под холодильник.

– О, нет! – простонала я. – Не могу поверить.

– Не волнуйся, мамочка, мы тебе поможем, – сказала мне дочь, бросившись подбирать картонную упаковку, пытаясь сохранить остатки молока.

Мы все взяли бумажные полотенца, опустились на четвереньках и весь следующий час провели вместе, приводя в порядок пол. Затем сели, все вчетвером, глядя друг на друга.

Он смутился, неловко поежился и наконец признался в своей любви и преданности к нашей дочери.

– Мы бы хотели пожениться в декабре, – сказал он, – с вашего

разрешения, конечно.

– В каком декабре? – спросила я, все еще не веря своим ушам.

– В этом, – заговорила наконец дочь.

Две свадьбы? Я чувствовала себя словно на карусели, которая никогда не остановится.

– Это же всего через семь месяцев, – взмолилась я.

Ее отец и я уставились друг на друга. Затем он что-то спрашивал и допытывался у них, как делал это год назад с ее сестрой и ее поклонником. Наконец он улыбнулся, и мы дали наше благословение. Они знали, что это произойдет.

Сидя там и глядя на них, я чувствовала, что моя жизнь стремительно выходит из-под контроля. Паника завладела мной так же, как чуть ранее молоко залило весь пол в кухне. Я ничего не могла сделать, чтобы остановить это. Две свадьбы? Мысль об одной свадьбе в этом году уже заполняла все мое существо. Я чувствовала себя словно на карусели, которая никогда не остановится.

– О, мама, это так восхитительно!

Мои девочки дрожали от нетерпения, мечтая оказаться вдвоем у алтаря второй раз за этот год, но поменявшись ролями.

Я не могла сказать им, что была на грани нервного срыва, и даже на него у меня не было тогда времени. Между тем их отца неотступно преследовали мысли о банкротстве.

Мои сны были полны катастроф, которые могут случиться на свадьбе, включая подмену женихов. Я просыпалась измученной, видя перед собой лишь бледный мираж, проплывающий перед глазами. Потом я поняла, что это было белое атласное платье на мягкой вешалке, подвешенное к потолку в углу нашей спальни. Мягкое колыхание его усыпанного жемчугом, подбитого кружевом шлейфа возбуждало самые разные эмоции – радость, беспокойство, ностальгию и иногда настоящую панику. Особенно когда я думала о приближении второй свадьбы.

Дни и недели пролетели в вихре забот, и вот длинный белый лимузин уже был у порога нашего дома, чтобы умчать невесту и главную подружку невесты в церковь, прежде чем я смогу перевести дух.

Свадьба была идеальной, именно такой, о какой мечтала Мэй. На следующее утро я проснулась уже с другим платьем перед глазами, подвешенным в том же углу. Его гладкий, кремовый, отделанный жемчугом шелк напомнил мне, что я все еще была на свадебной карусели.

Думая о красоте платья и том, что оно предвещало, я пришла к мысли,

что мы идем по дороге жизни и время от времени останавливаемся и кружимся как белки в колесе, погруженные в свои заботы, пока не настанет время шагнуть вперед и продолжить наш путь.

Мы дважды кружились на этой карусели в тот год, и этот опыт показался нам милым, веселым и мучительным. Это время останется в нашей памяти навсегда.

Жизнь – это вечная череда событий. И она полна таких каруселей. Я всегда стараюсь насладиться поездкой на очередной из них.

Джин Х. Стюарт

Жемчужное ожерелье

*Там, где есть настоящая любовь, всегда
случаются чудеса.*

Уилла Кэсер, писательница

Это случилось за два дня до моей свадьбы. Я пообещала себе (и своему жениху), что не стану одной из тех невест, которые сходят с ума при малейшей проблеме. Но я так устала от всего этого планирования, общения со всеми членами семьи и нехватки сна!

Я решила примерить жемчужное ожерелье, которое передала мне бабушка, но замок не хотел открываться. Я тянула и тянула, пока ожерелье, к моему ужасу, не порвалось и жемчужины россыпью не покатались во все стороны.

Перед свадьбой я пообещала не сходить с ума при малейшей проблеме. Но порванное ожерелье стало последней каплей...

Стараясь держать себя в руках, я собрала разлетевшиеся жемчужины. Потом отыскала телефонную книгу и принялась звонить. Везде был один и тот же ответ: на починку уйдет две-три недели. Я пыталась разжалобить их, рассказывая, что у меня свадьба через два дня, но в ответ слышала только оправдания: нет ювелира, график расписан, политика компании и т. д.

Это стало той самой последней каплей. Я упала в слезах на кровать рядом с мирно спящим женихом. Он проснулся, выслушал мою грустную историю и сказал:

– Возьми ожерелье моей мамы.

Это привело к новым рыданиям, из которых можно было понять, что «я хочу надеть именно то ожерелье, что дала мне бабушка!».

Наверное, он понял, что никакие логические доводы не помогут и разговаривать со мной бесполезно, поэтому взял все в свои руки и сделал то, что посчитал наиболее уместным в данной ситуации: соврал. Он позвонил ювелиру и сказал следующее:

– Через два дня я женюсь. Я взял посмотреть ожерелье невесты и сломал его. Надо сделать до завтра, иначе свадьбы просто не будет.

Готовое ожерелье я получила на следующий же день.

Шери Рэдфорд

Танцы на кухне

Танец – это язык нашего сердца.

Пословица индейцев хопи

Я люблю мужа. А еще люблю танцы. Однако жизнь научила меня, начиная со дня нашей свадьбы (а было это больше сорока лет назад), что мой муж и танцы несовместимы. Мы просто не могли танцевать вместе. Будто обе ноги – левые.

Поэтому, когда наш сын объявил, что женится, я знала, что надо что-то делать. Я не собиралась опозориться, когда нас попросят станцевать. Поэтому сделала то, что казалось мне самым простым и быстрым выходом из сложившейся ситуации, – записалась на уроки танцев.

Мой муж негодовал. Он считал невозможным попадать в ритм, делать повороты и чувствовать музыку одновременно.

– Просто включи многозадачный режим, – посоветовала я.

Женщинам это проще. Например, гладить белье и помогать сыну с домашней работой. Готовить и говорить по телефону. Вполне естественно.

– Я всегда концентрируюсь на одной задаче, – сказал на это муж. – По одной задаче за раз.

– Ну и ладно, – ответила я. – Делай одну вещь – танцуй.

Он еще посопротивлялся, но с приближением свадьбы пришлось согласиться.

Наш учитель танцев показал основные шаги, но предупредил, что надо тренироваться, иначе мы забудем все уже к следующему уроку. Конечно, он был прав, потому что, приехав тем же вечером домой, мы уже с трудом

могли припомнить все, что он говорил и показывал.

И где нам было тренироваться? В доме не было подходящего пола и пространства. Кабинет был слишком мал, гостиная слишком заставлена. Поэтому мы выбрали кухню. Пришлось только отодвинуть стулья и стол к одной стене. И хоть кухня не давала места для размаха, она в целом подходила больше всего.

Было нелегко. Учитель ясно дал понять, что у мужчины и женщины разные роли: мужчина ведет, а женщина следует за ним. Однако, учитывая мою неиссякаемую энергию и упрямство мужа, эти роли, хоть и не слишком отрепетированные, периодически менялись. Я принималась вести в танце, когда казалось, что муж теряется, и это раздражало обоих. Через некоторое время мы уже лучше чувствовали слабые и сильные стороны друг друга и начинали подстраиваться. Наши шаги стали более уверенными, мы перестали смотреть на пол, расслабляясь и ступая в нужные места, вместо того чтобы долго удивляться, что наступаем друг другу на ноги.

Чем больше мы практиковались, тем лучше получалось. Поэтому мы еще усилили свои тренировки. Заметили мы и кое-что еще. Что-то появилось между нами – в хорошем смысле. Мы будто заново узнавали друг друга. В танце мы принимали свои отличия и стали менее критично относиться друг к другу в других вещах. Когда мы держались за руки, готовясь танцевать, то чувствовали себя словно школьники перед первым свиданием. Мы больше смеялись и не так расстраивались, когда ошибались. Начали мы с движений, которые показал учитель, а теперь уже придумывали свои! Это было здорово.

Мы станцевали на свадьбе сына и, к нашему общему удивлению, не стали бросать занятия. Теперь на вечеринках или даже на кухне мы танцуем. Я даже могу определить, когда мужу хочется сделать круг по кухне. Его глаза загораются. Мне нравится его улыбка, когда мы правильно делаем все шаги и заканчиваем вместе. И еще больше нравится его смех, когда получается наоборот.

Свадьба стала поводом, чтобы начать танцевать, и это помогло вспомнить, как нам хорошо вместе.

Танцы сделали нас счастливее, к нам вернулось ощущение близости. Теперь мы чаще обнимаемся, целуемся, наслаждаемся чем-то вместе. Может быть, это просто эндорфины после танцев. В конце концов, это аэробные упражнения, и именно они помогают вырабатывать гормон радости.

В общем, свадьба стала поводом, чтобы начать танцевать, а в результате мы получили больше, чем просто полезные упражнения. Это помогло вспомнить, как нам хорошо вместе. И мы продолжаем танцевать на кухне в объятиях друг друга. Наши взгляды пересекаются, и любовь вспыхивает с новой силой.

Ферида Вольф

Глава 6. Сохранить любовь

*Успешный брак – это когда вы влюбляетесь
много раз, но всегда в одного и того же человека.*

Германи Грир

Судьба в пустыне

*Все говорят, что влюбляемся мы всего один
раз, но это неправда, всякий раз, как слышу твой
голос, влюбляюсь снова и снова.*

Неизвестный автор

– Мы перестали делать всякие милые глупости, – хныкала я, жалуясь своему верному и любящему мужу Илэну.

Поэтому Илэн стал забрасывать меня электронными сообщениями и флайерами, предлагающими всевозможные варианты «побега на выходные». «Романтичный маленький домик в деревенской глуши с джакузи», – кричал один из флаеров. «Посетите Коста-Рику», – соблазнял другой. Но, увидев объявление о «полуночной прогулке в пустыне» недалеко от Мертвого моря, я поняла, что наткнулась на идеальный вариант, сочетающий в себе и суровую природу, так любимую Илэном, и романтику, так необходимую мне. Мы купили билеты онлайн и поставили галочки в своих ежедневниках.

Мы живем в Израиле в 150 км от Мертвого моря. По мере отдаления от столицы дороги становятся все более узкими, извилистыми и плохо освещенными, и автомобильная поездка до нашей цели заняла бы не менее трех часов. В одну сторону. Из-за наших трех маленьких дочек эта «полуночная прогулка» в пустыне требовала куда более изощренной логистики, чем простая прогулка по парку.

В итоге, раскидав дочек по домам разнообразных друзей и родственников на ночь, мы направились на юг на наше randevu. На миг мы подумали, а что, если изменить программу, отклонившись от курса и забыв про пустыню, и заехать в Тель-Авив на романтический ужин при свечах (который, как заверил меня Илэн, обойдется нам дешевле, чем топливо, которое предстояло сжечь на дороге); но поскольку билеты на

«полуночную прогулку» уже были заказаны, мы чувствовали, что сама судьба направляет нас в пустыню.

В дороге мы слушали музыку, обсуждали произошедшее за неделю и наслаждались тишиной на заднем сиденье. Прибыв наконец к извилистой, как змея, тропке – она должна была привести нас к точке отправления на прогулку, – мы попали в пробку не меньше чем в городе в час пик. Нам удалось узнать от других водителей, что какой-то полуприцеп сложился, как перочинный ножик, где-то внизу на дороге и перекрыл движение. Я задумалась в тот момент: неужели жена того водителя тоже жаловалась мужу, что они давно не делали всяких милых глупостей, и не было ли это все ей справедливой наградой?

Илэн, никогда не покидавший дом без своего «кофейного набора» (специального ящика, куда входила маленькая газовая горелка, шесть стаканчиков, кофе, чай, сахар и непортящееся молоко), решил приготовить нам горячие напитки – в машине, – пока мы ждали. Пряный чай с корицей никогда не казался мне таким вкусным, как в тот раз. И тем не менее терпение наше подходило к концу после проведенных на одном месте вот уже сорока пяти минут в компании других водителей, вероятно, тоже любителей полуночных прогулок, которые выползали из своих машин и потихоньку собирались неподалеку. Так что мы решили изменить ход нашей судьбы. Илэн знал один замечательный общественный пляж (по случайному совпадению называвшийся Общественным пляжем), где мы, предусмотрительно закинувшие перед отъездом в машину купальники «на всякий случай», могли искупаться. Раздевалки были закрыты, поэтому мы сменили нашу походную одежду на купальники прямо на пляже! Ведомые луной, мы вошли в теплую, приятную воду Мертвого моря. Наша полуночная прогулка превратилась в полуночное купание.

Моя судьба не ждала меня в пустыне, она все эти 20 лет была рядом со мной.

Держась друг за друга, мы мягко качались в соленой воде под лунным небом, беседуя о философии, астрономии, истории, секретах хорошего брака и изменчивости судьбы. Мы обсуждали, как вернуть назад наши деньги за те неиспользованные билеты с ночной прогулкой в пустыне.

Затем, как раз около полуночи, мы с неохотой вылезли из воды, обмылись, переоделись и отправились в долгий обратный путь в город. Без каких-либо усилий или специальных приготовлений мы провели один из самых приятных вечеров, которые у нас когда-либо были. И я поняла, что, пожалуй, моя судьба не ждала меня в пустыне. Она все это время, все эти

двадцать лет, была рядом со мной.

Гейл Дэнис Ринот

Бегун

*Я хотела бы убежать от тебя, Но если бы
ты не пришел и не нашел меня... Я бы умерла.*

Ширли Бэсси, певица

Я бегун. Но бегун не в традиционном смысле этого слова. Я бегаю от любви. Она пугает меня до чертиков, и я не знаю почему. Есть нечто такое, что вселяет в меня страх, как ничто другое, когда речь идет о чувствах. Невозможно чувствовать себя хорошо без ощущения того, что это обязательно ранит. И так у меня было всегда.

Остается только гадать, как я стал таким. Может быть, здесь сыграло роль то, что отца постоянно не было дома, когда я рос. А возможно, это обыкновенная фобия, вызванная чем-то совершенно неприметным, о чем я и не помню уже. Или, может быть, это всего лишь симптом какой-то гораздо более серьезной ментальной болезни, которую я также готов признать, но при этом ничего с ней не делать. Принимать я могу, это да. А вот предпринимать какие-то действия, ну, это совсем другая история. Если отставить все это в сторону, проблема налицо – я бегун.

Мы все знаем, что самый верный способ избавиться от страха – это встретиться с ним лицом к лицу, и я здесь не исключение. Я даже был известен тем, что искал любви, иногда даже бегал за ней, но результаты всегда были одинаковы. Сценарий всегда один и тот же: находил кого-то, начинал отношения, позволял любви расцвести и, когда все начинало налаживаться, бежал, как река после весенних дождей. Как я уже сказал ранее, я бегун.

Станным образом, одна из моих самых больших надежд – это осесть наконец с кем-то, той самой, особенной. С женщиной, с которой чувствуешь себя как дома, просто потому что вы рядом. Женщиной, которая способна растопить твое сердце одним взглядом. Женщиной, которая понимает, что я бегун, и терпеливо ждет, когда я устану бегать и приму тот факт, который для нее уже давно не откровение: что любовь становится только лучше со временем.

И с «тем самым» человеком любовь может расцвести в нечто, что

выходит за рамки ваших самых диких фантазий.

Настоящая любовь, когда все идет своим чередом, куда более волшебная, чем любая самая волшебная сказка. Это суть жизни и все то, что заключает в себя наше существование как человеческих созданий. Все остальное – лишь дополнение.

Бегуны никогда не испытывают этой веры в любовь. Для них любовь – это восторг в начале и затем бесконечное предвкушение и ожидание чего-то. Бегунам помогают, но они жаждут помощи больше, чем любви, потому что не могут обойтись без одной, чтобы освободиться от другой.

Что-то случилось несколько лет назад, что навсегда изменило мою жизнь. Я встретил ее. Единственную. Любовь всей моей жизни. По крайней мере, на какой-то срок. Я имею в виду, во мне по-прежнему сидит этот бегун.

Кажется, она разглядела его во мне и время от времени позволяет мне бегать. Не привязывает к себе. Не ограничивает. Когда я возвращаюсь, она принимает меня, кормит и открывает свое сердце. Она прощает, но не забывает. И за это я ей благодарен. Мне необходимо постоянное напоминание, хотя она могла бы быть немножко помягче иногда. И потом снова, когда я ступаю за порог и смотрю в ее глаза, что, в общем, довольно просто, когда ты влюблен, я вижу боль, которую ей причиняю.

И этого достаточно, чтобы желать сбежать навсегда, потому что последнее, чего я хочу, – это причинять кому-либо боль. Особенно тому, кого я люблю так, как ее. Но, если бы я сбежал от нее и решил никогда больше не возвращаться – а я попытался это сделать однажды, – тогда бы мы проиграли оба.

Как видите, я кое-что узнал про побег от настоящей любви. И это невозможно. Она преследует, куда бы вы ни шли. Истинная любовь внутри вас. И она поглощает вас целиком. По крайней мере, так должно быть. В конце концов, это сама суть жизни.

Короче говоря, настоящая любовь делает надежду похожей на далекого родственника. Если надежда дает нам толчок, то любовь – наш величайший учитель.

Любовь может быть такой разной, но в конечном счете она то, чем ты позволяешь ей быть, а не то, что ты пытаешься сделать из нее.

С годами я бегая все меньше и меньше. Когда я убегаю, я не скитаюсь слишком далеко от дома, потому что в глубине души знаю, что тоже ее люблю. Она особенная. Она понимает этот мой ментальный недуг как никто другой. Она принимает меня таким, какой я есть. До определенной

степени, конечно. Я был бы разочарован, если бы она не хотела изменить меня, ну хоть немного. У меня действительно есть дефекты, которым не повредит мелкий ремонт.

На сегодняшний день мы постигли гармонию жизни. Я никогда не чувствовал такого прежде. Да черт возьми, я бы никогда в жизни не сказал такого, но ей как-то удается извлекать из меня подобные вещи. Любовь может быть такой разной, но в конечном счете она то, чем ты позволяешь ей быть, а не то, что ты пытаешься сделать из нее.

Теперь я живу для того, чтобы сделать ее счастливой, как она это делала уже столько раз для меня. Прошлое в прошлом, а будущее наверняка принесет еще немало сюрпризов. Но сейчас я счастлив быть там, где нахожусь. Я по-прежнему надеюсь на многое, но ничто из тех надежд не сравнится с любовью, которую я испытываю к этой женщине.

Она наполняет мое сердце радостью. Она дает мне новую надежду. Некуда бежать, когда ты нашел то место, куда так стремился, и это здорово. Потому что, хочу заметить, я уже устал бегать.

Джей Райлэнт

Идеальный мужчина

Даже для двух очень влюбленных людей жизнь полна испытаний. И как приятно обнаружить, что конфликт, с которым вы столкнулись, случается не только в ваших отношениях!

Мэрилин Макку, певица и актриса

Служба уборки отъезжала с дорожки перед домом, наши сосновые полы были чистыми и все еще влажными. Однако на зеркале в ванной комнате уже появились пятна в правом углу. Только один человек жил со мной в этом доме – мой замечательный муж, вот уже два месяца.

– Роб, ты не мог бы подойти сюда прямо сейчас? Хочу показать тебе кое-что.

Когда мне было тридцать четыре, этот на вид идеальный мужчина танцуя вошел в мою жизнь. Как менеджер из сферы здравоохранения, я собиралась посетить корпоративную вечеринку руководителей, которая проходила каждые полгода в роскошном «Пибоди Хотел». Той весенней ночью моя свита сидела на своих стульях как приклеенная, в то время как я

находилась на танцплощадке, отбивая ритм своими серебряными туфельками с открытым носком. Роб, тоже один из менеджеров, увлек меня за собой и показал, как танцевать под рок-н-ролл. В мгновение вечеринка ожила, и я, подчиняясь ритму блюза, кружилась в своем фиолетово-голубом платье с асимметричным подолом. Ночь пролетела незаметно, Роб и я не покидали танцплощадку до последнего номера, пока группа музыкантов не засобиралась.

– Это было весело, спасибо, – сказала я Робу, ловя ртом холодный воздух и подыскивая подходящие слова.

– Увидимся на работе, – ответил он и помахал на прощание.

Мои друзья и поклонники терпеливо ждали в фойе отеля. Никто не задал ни единого вопроса, а я ничего не стала объяснять. Без сомнения, это была лучшая корпоративная вечеринка в моей жизни. Я сказала себе, что, возможно, танцевала с «тем единственным» той ночью.

Несколько дней спустя Роб пригласил меня на наше официальное первое свидание – еще один вечер танцев. После почти двух лет ухаживаний я вышла замуж за моего персонального Фреда Астера^[24].

Я знала, что брак – это непросто, потому и откладывала этот момент до своих тридцати. Друзья по-доброму ругали меня, говоря: «Ты где-то застряла на пути к своему браку». Будучи единственным ребенком в семье, я имела свою собственную комнату, свою собственную одежду, свой собственный телефон и позже – свою собственную машину, свою собственную квартиру, свое собственное все.

С детства я имела «свое собственное все», а теперь, выйдя замуж, должна была всем делиться.

Теперь, выйдя замуж, я должна была всем делиться. Какие-нибудь ничтожнейшие ежедневные происшествия не вписывались в мой раз и навсегда заведенный распорядок, что приводило меня в полное расстройство. И тем не менее Роб терпеливо сносил все мои выкрутасы, проявляя такт и сочувствие. Он с легкостью мирился со всем, что выпадало на его долю, и был совершенной противоположностью мне в этом смысле. Раз за разом он сглаживал любые ситуации, снимая напряжение, которое вносила я в нашу жизнь.

Роб понимал, что женился на женщине, которая была одна всю свою жизнь. У меня все и всегда стояло на положенных местах и было спланировано исключительно для моего удобства. Комнаты сверкали первозданной чистотой, а немногочисленная посуда была убрана в кухонный шкафчик. Служба уборки ежемесячно отмывала дом, хотя он

никогда не был по-настоящему грязным.

Теперь нас было двое. Справедливости ради надо сказать, что Роб был чисто плотным, но, конечно, не так одержим порядком, как я. Как могло замужество поменять мою среду обитания так стремительно? Почему я нахожу носки под диваном, а грязную посуду в раковине? До свадьбы мои зеркала были безупречно чистыми и сверкающими. И вот теперь я вижу пятна на зеркале в ванной, а ведь не прошло и минуты после того, как служба уехала, оставив в доме следы своего волшебства.

– Дорогой, я хочу тебе кое-что показать, – повторила я.

Роб выпустил из рук пульт телевизора и легкой походкой зашагал в ванную. Я слегка повела подбородком вперед, застыв перед раковиной.

– Да?

– Видишь это зеркало?

– Да.

– Видишь отпечатки пальцев по всей поверхности этого чистого зеркала?

Роб подошел поближе, чтобы исследовать зеркало со всех сторон.

– Да.

– Ну, и чьи же это отпечатки по всей поверхности этого чистого зеркала?

Я требовала ответа. Он выдержал паузу и заглянул прямо мне в душу:

– Милая, это отпечатки мужчины, который любит тебя.

Я потеряла дар речи на несколько секунд. Все мое возмущение куда-то испарилось, когда я заглянула в его добрые карие глаза. Это был мужчина, который выбрал себе в жены капризную старую деву, брюзгу, не способную по-настоящему соединиться с любимым, отбросить свой эгоизм. Это был мужчина, который меня любил.

Роб дотянулся до полотенца, чтобы вытереть зеркало, но моя рука остановила его.

– Это прекрасные отпечатки пальцев! – ответила я. – Я просто обожаю эти отпечатки и мужчину, который оставил их.

Да, быть замужем – значит делиться. И да, еще много чего придется почистить. Может, дом и не будет больше таким идеальным и Роб по-прежнему будет игнорировать специальный шкафчик для ключей у двери. Но этот мужчина любил и принимал меня такой, какая я есть. И теперь у меня оставались эти уникальные отпечатки на зеркале как свидетельство того, что я вышла замуж за «единственного» и больше никогда не буду одна. Все было правильно: замужество – это всегда компромиссы, и для меня Роб был идеальным мужчиной.

Мэрилэйн Уэйд Кох

Мелочи имеют значение

Нельзя вспахать поле, ворочая землю лишь в мыслях.

Неизвестный автор

В прошлом году мой муж Боб и я перестали отмечать многие праздники, включая День святого Валентина. Мы были заняты, и никому из нас не хотелось выходить только для того, чтобы купить открытку или шоколад. Обычно к празднику я декорирую дом свечами и украшениями в виде сердечек, что было неизменным на протяжении вот уже более двадцати лет. Но в этот раз мне было все равно. Так что этот день настал и прошел, и единственное, чем он был отмечен, – это словами «Счастливого Дня Валентина» и поцелуем в щечку.

Мы с мужем перестали отмечать праздники, и вообще, выглядели как старая семейная пара, для которой эти мелочи уже не имеют значения.

Поедая за ужином омлет, я посмотрела на Боба и сказала:

– Мне плохо от того, что мы не сделали ничего особенного.

Ему тоже было плохо. Мы были похожи на двух людей, которые уже очень давно женаты, и эти мелочи больше не имеют для них значения.

Но они имеют.

После ужина мы уютно устроились, прижавшись друг к другу, и стали вспоминать прекрасные моменты нашей первой встречи.

Более тридцати лет назад я вела класс под названием «Жизнь после развода». Боб, симпатичный голубоглазый блондин, ничуть не изменившийся для меня и по сей день, тогда был студентом.

В то время я сходила с ума по одному парню по имени Майкл. Но мне вечно не везло по любовной части. Все потому, что меня тянуло к парням, которые панически боялись каких-либо обязательств. Я верила, что смогу изменить их. В итоге я поняла, что единственный человек, которому нужно меняться, – это я сама.

Майкл был «идеальным» – веселым, красивым и умным. Проблема была лишь в том, что он не был в меня влюблен.

Чем больше я общалась с Майклом, тем сложнее было его покорить. И я терпела неудачу за неудачей. С каждой неудачей я чувствовала себя все

менее желанной, что подрывало мою самооценку.

Все еще продолжая встречаться с Майклом, я стала зависать с Бобом. Но мы были просто приятелями. У нас была тяга к спорту – велосипедам, плаванию, походам. Я никогда не беспокоилась о том, что говорю или что в квартире бардак. С Майклом я ругала себя за все, что, как я думала, сказала не так. Все свои слова я пропускала через фильтр «Достаточно ли остроумно?», прежде чем сказать любую ерунду.

С Бобом не было никаких фильтров. Я никогда не чувствовала с ним неловкости. Мы доверяли друг другу самые сокровенные секреты и проводили уйму времени, просто забавляясь и смеясь. Если капелька горчицы падала мне на подбородок, меня это не волновало. Случись подобное с Майклом, я бы умерла на месте.

Так жаль, что я не была по уши влюблена в Боба.

Могу припомнить один важный момент, по воздействию сравнимый с землетрясением. Я была дома, ждала Боба. На мне были мешковатые шорты и серая футболка. Я надела это с первого раза не задумываясь, что было так не похоже на бесконечные примерки перед встречей с Майклом.

Мелочи имеют значение.

Тогда это потрясло меня. Это было оглушительное открытие. Я сказала себе вслух: «Что ты делаешь?» Именно в этот самый момент, как Дороти со своими туфельками^[25], я поняла, что тот, кого я искала, был рядом со мной все это время. Тот, кто любил меня такой, какая я есть, с макияжем или без, остроумной или нет. Другими словами, я нашла своего лучшего друга.

Я все еще могу вспомнить, как посмотрела на него тогда, сделала первый шаг. Я поцеловала его... ну, что было дальше, несложно догадаться.

Было страшно вот так вот развернуть свою жизнь с тропинки «которая-никуда-не-ведет» и понять, что действительно важно. Для меня истинная любовь означает быть друг другу лучшими друзьями.

И теперь, спустя столько лет совместной жизни, мы все еще лучшие друзья.

Но месяц назад мы поняли, что отношения не могут оставаться без движения. Они нуждаются в подпитке.

После Дня святого Валентина я достала украшения ко Дню святого Патрика и свечи. Боб пришел домой с тортом в форме сердца, его глаза светились от счастья. Вручая мне торт, Боб сказал:

– Каждый день с тобой – это День святого Валентина.

Я посмотрела на него и поцеловала... ну, и несложно догадаться, что было дальше.

Так мы пообещали друг другу, что впредь никогда не будем настолько заняты, чтобы не сходить за простой открыткой к празднику. Мелочи имеют значение.

Сарали Пирел

Контакт

Разница между попыткой и триумфом – в усилиях.

Неизвестный автор

Рэй и я скользим по полу бального зала под мелодию «Теннессийского вальса». Рэй очень красив в черной шелковой рубашке с открытым горлом и широких брюках цвета хаки. Он пахнет мускусным лосьоном после бритья, а его шаг мягок, когда он поднимает свою руку, чтобы покружить меня. Я смотрю в его ореховые глаза, и мое сердце замирает.

Я не чувствовала себя так уже давно. Только этим утром я жаловалась Энни, моему золотистому ретриверу, что второй брак вовсе не то, что о нем говорят. Слишком много сложностей с жильем, личными счетами, смешанными семьями и непосильными расходами. К тому же после десяти лет брака мы начинаем жить по шаблону, что скорее комфортно, чем романтично.

Рэй подхватывает меня и кружит снова, и мы еще раз встречаемся взглядами. Мой позвоночник, как ни странно, покалывает, разжигая воспоминания о минувших днях и первых поцелуях. Двигаясь под ритм музыки, я чувствую выпуклость бицепса Рэя под моей левой рукой и ощущаю тепло его тела, когда он близко притягивает меня во вращении.

По дороге домой мы говорим о том, как нам было хорошо. Мы соглашаемся, что контакт глазами был чем-то гораздо большим, чем сам танец, чем-то, что сблизило нас по-настоящему. Мы клянемся смотреть с любовью друг на друга чаще. Глаза в глаза.

Насколько непросто это может быть?

На следующее утро я устанавливаю декорации. Заливаю водой два роскошных красных цветка рододендрона в миске и ставлю ее на середину стола, затем включаю мягкий джаз. Мы делаем вегетарианский омлет и

садимся друг напротив друга.

– Мило, – говорит Рэй, но даже не смотрит в мою сторону. Он дотягивается до утренней газеты, она лежит как раз слева от цветов.

– Контакт взглядов?

– Верно. – Он откладывает газету в сторону и смотрит на меня, улыбаясь своей сказочной и чуть искривленной улыбкой, которая волнует меня и после десяти лет совместной жизни. Я улыбаюсь в ответ и посылаю ему воздушный поцелуй.

Затем мы берем вилки и начинаем жадно есть. Омлет восхитительный. Я разделалась уже с третьей своего, когда вспоминаю о Рэе и смотрю на него снова.

Он читает спортивную рубрику.

Я вздыхаю и беру первую страницу.

Споласкивая с посуды остатки завтрака и загружая ее в посудомойку, я приглашаю Рэя поболтать несколько минут в гостиной, прежде чем мы разойдемся по своим домашним офисам. И мы непременно будем не отрываясь смотреть друг на друга, пока разговариваем.

Рэй вытирает сковороду, откладывает ее и усаживается в мягкое кресло, в поле зрения нет ни одной газеты.

Я направляюсь к дивану напротив, думая о том, что скажу ему, как хорош наш палисадник перед домом с тех пор, как он обрезал последние нарциссы и вычистил прошлогодние сорняки из папоротников. Не успеваю сделать и трех шагов, как Наоми, наш маленький черный котенок, перебегает мне дорогу. Своим резким мяуканьем она напоминает мне, что я забыла накормить ее завтраком. Я возвращаюсь в кухню и наполняю ее миску кошачьим кормом. И раз уж я этим занимаюсь, наполняю миску и нашей собаки Энни кормом, добавляю витамины, аминокислоты и две полные ложечки китайских трав от артрита.

Проходя мимо телефонного столика по пути к дивану, я замечаю, что кнопка на автоответчике мигает красным. Это займет всего минуту – проверить сообщения. Одно для Рэя. Я поворачиваюсь, чтобы вручить ему телефон.

Его нет в кресле.

Волна вины накрывает меня. Я прогоняю ее. Когда он ушел: когда я кормила животных или когда слушала сообщения? Он, вероятно, сейчас в своем офисе, оплачивает счета. Я, видимо, тоже пойду поработаю над рассказом.

Я за своим компьютером, пальцы летают над клавиатурой, когда ко мне заглядывает Рэй.

– Прости, я не дождался, – говорит он робко. – Не хочешь поговорить сейчас?

– Это была моя вина. Еще одна попытка?

Я желаю сокровенной беседы, но именно в эту минуту у меня в голове идея, готовая выплеснуться на страницу. По опыту я знаю, что если сделаю перерыв, то потеряю ее.

Так проходит день. Мы оба поглощаем в спешке сделанные сэндвичи в своих кабинетах. В середине дня мы меняем тактику и выходим в сад, чтобы поработать бок о бок, занимаясь прополкой и обрезкой.

Когда настает час связать охапку веток, распластавшихся поперек тачки, я вижу возможность для романтической интерлюдии.

Я собираю ветки в руки, а он затягивает тугой узел. Мы лицом к лицу, и я ловлю его взгляд. Он подмигивает. Электрическая искра взбадривает меня.

– Привет, – говорю я, обдумывая возможность оставить этот сад для более интимной обстановки.

Но Рэй возвращается к своей работе, завязав аккуратный узелок. Я даже не достаиваюсь потного объятия.

Может, мы бы удержали взгляды друг друга, считая до десяти?

– Я упустил свой шанс в саду, не так ли? – спрашивает Рэй, приправляя куриные грудки для гриля, пока я мою листья шпината для салата. – Хочешь посмотреть кино после ужина?

По крайней мере, он думал обо всех наших упущенных возможностях. Смотреть кино – это обязательно находиться рядом, как и во время работы в саду, за исключением момента, когда мы связывали ветки. Все-таки мы будем вместе.

– Мне нужно десять минут, – говорю я, когда мы поели и убрали посуду. – Мне надо быстро прочесть кое-кого из моих критиков.

Я исчезаю в кабинете и бешено работаю. Один имейл за другим. Я понятия не имею, как долго Рэй простоял у моего стола, когда я осознала, что он здесь. Смотрю на часы. Как мог час пролететь так быстро?

– Морган Фримен, Хиллари Суонк. Ты мне рассказывала об этом кино. – Он пожимает плечами. – Ничего. Мы можем посмотреть в другой раз.

Закончив работу как можно скорей, иду искать Рэя. Нахожу его в спальне с горой подушек под спиной, он читает «А. Линкольн. Биография». Его вечерний ритуал перед тем, как выключить свет. Я снова все испортила. И мне бы хотелось, чтобы Рэй старался поусерднее тоже. Кто бы мог подумать, что простой контакт потребует столько сознательных

усилий?

В ванной я поднимаю ногу на столешницу, чтобы растянуть подколенное сухожилие, думая, что, может быть, мы попытаемся снова завтра. Или на следующей неделе. Или в следующем году. Включив электрическую зубную щетку, я чувствую, как руки Рэя обвивают мою талию.

Вот он, в зеркале.

В зеркале мы встречаемся взглядами.

Он поворачивает мое лицо к себе, и я таю в его руках. Да, мы на верном пути.

Саманта Дюклуа Уолтс

Бессонные ночи

Способность слышать – это одно из пяти наших чувств, но умение слушать – искусство.

Фрэнк Тайгер

Конечно, когда я смотрю на жизнь глазами человека солидного возраста и все возрастающей мудрости, я с готовностью признаю, что вышла замуж слишком рано. Мне едва исполнилось семнадцать, когда симпатичный молодой поклонник (мужчина на девять лет старше меня) вошел в мою жизнь.

Мы встретились теплым летним вечером. Хотя встречей как таковой это сложно назвать, скорее мы наблюдали друг за другом. Он и его друг сидели в дорожном кафе, посмеиваясь надо мной и моими подругами, пытающимися отделаться от парней, не вызывающих у нас никакого интереса. Пару дней спустя я снова встретила этого улыбчивого студента, и к концу лета малюсенькое семечко нашего романа пустило свой росток. Но вскоре он уехал в университет за пятьсот миль от нашего города, а я вернулась в школу.

Время шло. Мы писали друг другу письма. Он окончил университет и нашел работу, в то время как я отправилась в бизнес-колледж в другой штат. При случае нам удавалось встретиться на день или два, однако ни о какой свадьбе мы серьезно не заговаривали. Так прошло почти три года. К тому времени мы были вынуждены признать, что влюблены и, вероятно, уже достаточно взрослые, чтобы остепениться. О, как мало мы знали!

Мне едва исполнилось двадцать, а ему двадцать девять, когда мы поженились. Мы поселились в маленькой квартирке в нескольких часах езды от наших семей. Возможно, это было даже хорошо, так как мы были предоставлены сами себе и нам не к кому было обращаться в трудные времена. Мы были молоды, влюблены и непрактичны во всем, что касалось бытовой стороны совместной жизни. Например, мы жили не по средствам. Если где-то поблизости происходили какие-то события, мы обязательно были там, и не важно, сколько это стоило. Затем родился наш первый ребенок, а следом за ним и второй. Вот тут-то и началось настоящее выживание от зарплаты до зарплаты. Когда денежный вопрос стоял особо остро, я, привередливая по натуре, была вынуждена убирать за ним и за детьми, стирать в раковине белье, заниматься с беспокойными малышами и готовить еду из скудных наборов из бакалеи, в то время как он, уставший после долгого рабочего дня, просто плюхался в кресло и читал газету. Усталая и раздраженная, я обижалась на малейшие мелочи, но он не замечал или делал вид, что не замечает. Гнетущая атмосфера облюбовала нашу квартиру.

Мы решили наладить отношения и поклялись никогда впредь не ложиться спать со злобой и раздражением друг на друга.

Мы решили изменить ситуацию. Решение казалось достаточно простым. Мы поклялись никогда впредь не ложиться спать со злобой и раздражением друг на друга. Если что-то беспокоило нас, мы должны были проговорить это до того, как пойти спать.

Ведь это так просто, правда? Как бы не так! И вот почему. Когда страшно уставший человек уже готов лечь в постель, последнее, чего он желает, – это вести полуночные беседы по душам и изливать свои жалобы и обиды. Вот как обычно это происходит. Сначала в ход идут слезы, затем возмущенное отрицание всего и вся, потом еще больше слез, за которыми следуют извинения и уступки. Наконец, где-то ближе к рассвету, приходит раскаяние и прощение, а за ними самый приятный момент – засыпать, прижавшись друг к другу, пока не наступает сон где-то ближе к утру. Изнеможение и усталость в конце концов превращают кажущиеся громадными разногласия в ничтожные и ничего не значащие.

Правда заключается в том, что... решение никогда не ложиться спать озлобленными и раздраженными было верным. Мы провели множество бессонных ночей, но больше никогда не просыпались недовольными друг другом.

В этом году мы празднуем сорок седьмую годовщину совместной

жизни и все еще согласны с тем, что то простое решение, возможно, спасало наш брак не один раз. В те дни оно стало нашим Золотым Правилком и остается таковым и поныне. Выбрав гармоничные отношения, мы позволили вырасти новому, более глубокому чувству. Мы видели, как разрушаются браки из-за нанесенных ран и нерешенных споров. Но свой выбор мы сделали в пользу любви, пусть это и стоило нам крепкого ночного сна. Было ли этих ночей десять, или двадцать, или больше? Я потеряла им счет. Но, независимо от их количества, наши отношения того стоили и стоят и по сей день.

Джин Дэвидсон

Ценность хорошего мужа

*Любовь не стоит на месте, как камень, она
должна твориться, как хлеб, все время
возделываться, создаваться заново.*

Урсула К. Ле Гуин, писательница

Я одна из тех старомодных женщин, которым близка мысль о крепком браке. Моя мечта сидеть дома, вести хозяйство и подавать на стол ужин в конце концов стала реальностью. Черт подери! И как меня угораздило стать таким динозавром?

Пора моего расцвета совпала с одним из феминистических движений середины 60-х годов. Я видела безрадостный конец брака моих родителей, так что к своему первому курсу в колледже была среди тех яростных феминисток, что запрещали своим поклонникам открывать дверцу машины и поклялись растоптать всех мужчин на своем пути. Я обещала себе не выходить замуж, если только не стану совершеннейшей неудачницей в профессии к тридцати годам, что казалось в то время уже немислимой старостью.

К несчастью, я была верна своему обещанию не больше двух минут – в колледже я встретила парня и просто потеряла голову. Мы помолвились, когда мне было девятнадцать, и поженились два года спустя. Мы думали, что общие интересы помогут в достижении наших целей. Вместо этого между нами возникло бесконечное состязание и ревность. К середине 70-х, в муках переступая через свое «я», мы ожидали гораздо большего, чем двое заикленных на себе самих людей способны дать друг другу. Каждый из

нас пошел своей дорогой.

Другим парням были присущи черты, так ненавистные женщинам: безответственность, безликость, уклончивость и бьющий через край мачизм. С ними было весело и таким легко было сказать «пока». Но всякий раз близость оставляла во мне чувство опустошения. Это было похоже на то, как если бы я отдала частичку себя, которую уже никогда не вернуть.

Вскоре я снова начала избегать свиданий, сосредоточившись на работе и заботе о себе. Но в конечном счете я стала увязать в мыслях о том, что рядом нет никого, с кем можно тушить свет по ночам или с кем приятно просыпаться по утрам; нет никого, с кем можно было бы разделить волнующие новости и смотреть поздние передачи по телевизору. Была ли я слабой? Я так не думаю. Одинокой? Ничего подобного. Это было просто осознание, что в будущем меня, вероятно, ждет куда больше, чем позволяло мне мое эго. Мне ужасно хотелось прикосновений, стабильности, привязанности, которой, как я думала, не существует больше в отношениях.

И именно в тот момент, когда казалось, что в моей жизни уже никого никогда не будет, появился Мистер Беж.

Мы встретились на дискотеке в одну из тех ночей, когда моя подруга Элли присматривала себе нового парня. Мы сразу заметили двух мужчин в шикарных костюмах, сидящих в баре. Внимание Элли привлек высокий, в черном костюме. Другой, пониже, в костюме бежевого цвета, показался мне более привлекательным, но каким-то угрюмым.

Поскольку Элли была слишком застенчивой, чтобы приблизиться к ним, а мне было совершенно все равно, так как я не собиралась ни с кем встречаться, то я направилась прямо туда и попросила Мистера Черный Костюм потанцевать с ней. Их отношения длились две недели. Я же до сих пор с Мистером Беж, вот уже почти тридцать лет.

Оказалось, что Мистер Беж – представившийся впоследствии как Джерри – сопровождал Мистера Черный Костюм по той же причине, что и я сопровождала Элли. Но он был решителен в своем противостоянии феминистской культуре. Он заставил меня полюбить открытые передо мной двери. Он любил наряжаться. Он был пунктуальным, надежным, финансово жизнеспособным, забавным, изобретательным и интересовался тем, что я делала. Растущие чувства вызывали во мне желание отплатить ему за доброту. И кроме всего прочего, он отлично танцевал диско.

Мы оба обожглись в предыдущем браке, а потому пошли по пути простого сожительства, что в то время уже повсюду было распространено. Шесть лет и одно расставание спустя он предложил выйти за него, и мы

пошли под венец.

Наш брак – это огромная работа, компромиссы, жертвы... и покорность – новое гадкое словечко – иногда. Бодаемся ли мы? Разумеется. В природе человека заложено желание найти свой путь и следовать по нему. Иногда я ненавижу решения, которые принимает он, иногда мы принимаем их вместе, а порой и вовсе это громадное облегчение – сбросить с себя ответственность. Мы уяснили, что настоящая любовь куда глубже, чем цветочки и бабочки при виде любимого лица или иступленные ежедневные попытки сделать другого человека счастливым. Иногда мы разочаровываем друг друга, потому что никто не идеален. Но намерение служить друг другу удерживает наши отношения от разрыва в трудные времена.

Я счастлива, что могу сказать и такое: присутствие Бога в нашем браке делает его долговечнее. Это ведет нас обоих к избавлению от «я» – и мы не теряем при этом своей идентичности, но учимся быть менее увлеченными собой и больше отдавать. Тактика наша такова, что мы всегда готовы к вызовам судьбы. Нужно быть смелым и идти на риск, чтобы сохранить любовь.

Шерил Янг

Завтрак и кино

Секрет любви в том, чтобы искать разнообразие жизни вместе и никогда не позволять струнам рутины омрачить мелодию вашего романа.

Неизвестный источник

Завтрак и кино. Как же все-таки это могло случиться?

Кажется, что в каждом втором выпуске любого женского журнала на планете есть статья о том, как сохранить брак. И лидирует среди советов в этих статьях напутствие о том, что непременно следует находить время для себя как для пары. Но если у вас есть маленькие дети, вы так же хорошо, как и я, знаете, что «время для себя» – это почти утопия.

Конечно, жизнь не всегда была такой. Возвращаясь в те дни, когда у нас еще не было детей, мы с женой вспоминаем, что часто гуляли вместе. Одним из самых любимых наших способов провести время был ужин и

поход в кино.

Затем появился ребенок, и все поменялось. Ни у кого из нас не было сил ходить куда-то по вечерам. Если ребенок спит, мы считали, это отличное время для обоих, чтобы тоже немножко вздремнуть.

Из-за всех этих советов в журнальных статьях мы стали беспокоиться о наших отношениях: если у нас нет «времени для себя», выходит, наш брак под угрозой.

Но из-за всех этих журнальных статей мы стали беспокоиться о наших отношениях. Если у нас нет «времени для себя», выходит, наш брак находится в зоне риска.

Так что мы время от времени собирались с силами, чтобы провести ночь вместе где-нибудь вне дома. Мы звонили няне и занимались тем, что всегда приносило нам столько удовольствия: ужинали и шли в кино.

Это было большой ошибкой. Если мы и не клевали носом во время ужина, то нам определенно было тяжело не заснуть во время фильма. И даже если нам удавалось оставаться в сознании, единственной темой для разговора в «наше драгоценное время» была наша дочь Сара, которая оставалась дома и делала то, что следовало бы сделать и нам: спала.

Вскоре мы осознали, что ужин и кино больше не для нас. Все это означало излишние траты на няню, отказ от полноценного ночного сна и разрушение размеренного течения жизни.

Но мы не хотели отказываться от самой идеи «нашего времени». В конце концов, множество авторов журналов (вероятно, одиноких и бездетных) подталкивали нас вперед, и мы не хотели разочаровывать их.

Так что мы придумали новый подход: нечто, что мы назвали «кино и ужин». Мы приглашали няню днем и отправлялись на дневной сеанс, за которым следовал ранний ужин в местной забегаловке. Этот вариант сработал на удивление хорошо.

Мы не только выиграли время для того, чтобы быть вместе, пока оба бодры и с ясным умом. В итоге мы оказывались дома к семи часам вечера, задолго до того, как начиналась личная жизнь самой няни.

Но вот когда наша дочь начала ходить, этот вариант уже не срабатывал так хорошо. У Сары были занятия по выходным и кое-какие обязанности. Или ей хотелось пообщаться с другими детьми. Или она просто желала провести больше времени с мамочкой и папочкой.

И, как следствие, мы забыли о «кино и ужине». Мы были поглощены семейными делами и занятиями с ребенком. И снова время для двоих спустилось почти на последнее место в списке наших приоритетов.

Однако мы не забывали о наших друзьях-писателях (может быть, садистах или разведенных). И вот мы нашли новую возможность.

Теперь, когда Сара ходила в школу и жизнь более-менее стабилизировалась, мы подумали, что, может, старый вариант с ужином и кино снова сработает. Оказалось, что нет.

И нашу жизнь уже вполне можно было назвать нормальной, оказалось, что, пока шло время и росла дочь, мы тоже стали старше. Мысль о том, чтобы лечь спать после десяти вечера, больше не казалась нам такой привлекательной.

И все же наверняка существовал еще какой-нибудь способ, чтобы все-таки найти время, которое мы можем проводить вместе. Согласно нашим друзьям-писателям (возможно, вполне обеспеченным, имеющим по две няни), наш брак напрямую зависел от решения этого вопроса. Должно было быть что-то, что мы могли бы делать на регулярной основе. Что-то, что позволило бы нам иметь то драгоценное «наше время» без лишних трат и с полноценным ночным отдыхом.

И вот, наконец, в этом году мы нашли превосходное решение проблемы с «нашим временем»: завтрак и кино. Пока Сара в школе, мы иногда проводим вместе и будний день. И что же мы делаем? Ну, вы догадались.

Мы идем куда-нибудь, где можем с удовольствием, не спеша позавтракать и поговорить. А завершается программа в местном кинотеатре, который как раз начинает показывать кино в десять или одиннадцать утра.

Мы выбираем первый сеанс подходящего для нас фильма, закидываем ноги на кресла впереди и два часа наслаждаемся непрерываемым просмотром. Частенько случается так, что весь зрительный зал принадлежит только нам двоим.

После того как кино заканчивается, у нас есть целый ворох вариантов. Мы можем пойти пообедать, или просто посидеть в каком-нибудь кафе, или послоняться в книжной лавке. Мы можем пройтись по магазинам, посмотреть еще одно кино или – мое любимое – пойти домой и немножко вздремнуть.

Мне кажется, что у этого варианта много преимуществ. Единственная потенциальная проблема, которую я вижу, – это то, что прочитавшие этот сюжет начнут делать то же самое, и рестораны, подающие завтрак, будут переполнены, а билеты на утренние сеансы в кино распроданы заранее. Хотя, впрочем, ладно, если это и случится, всегда есть завтрак навынос и кино напрокат.

Дэвид Мартин

Вечер среды

Подумай о своем счастье в настоящем.

Чарльз Диккенс, писатель

– Пока, малышки, – прощаюсь я, целуя двух своих девочек в церковном коридоре, прежде чем отправиться к машине. – Веселитесь.

Это вечер среды – вечер пения в церковном хоре моих дочерей. У меня есть два часа, и я, как подросток, изнемогаю от предвкушения.

– Где ты хочешь встретиться? – спросил меня муж за завтраком. – Сегодня среда, ты же знаешь.

Подъезжая к соседнему кафе, я обнаруживаю, что пою вместе с радио. Свободная от обычных рутинных дел, включая приготовление ужина (спасибо церковному хору за наггетсы и лапшу для моих детей, а также за изрядную порцию молитв и песен), я беззаботна и счастлива. Я припарковываю машину, затем выуживаю из сумочки блеск для губ. Глядя на себя в зеркало на солнцезащитном козырьке машины, я взбиваю волосы, пряча досадную седую прядь среди каштановых. Это глупо, я знаю: прихорашиваться и суетиться из-за какого-то ужина с мужем, с которым живешь уже тринадцать лет. Но, подходя к ресторану, я знаю, что оно того стоит.

– Ты прекрасно выглядишь, – улыбается мой возлюбленный, протягивая мне меню.

Следующий час мы наслаждаемся пиццей и салатом, обмениваемся новостями о домашних и рабочих делах, между делом отправляя в рот кусочки пепперони и сыра. Я больше не думаю о калориях – только не на этой пирушке! Мой взгляд прикован к стеклянной витрине, полной чизкейков и брауни.

– Хочешь десерт? – предлагаю я, удивляясь самой себе: какое падение!

Мой чизкейк – горка из шоколада и карамели, посыпанная орехами пекан, – сладкий, как сегодняшней вечер.

– Можно мне попробовать немножко? – спрашиваю, втыкая вилку в пирог с арахисовой пастой моего мужа.

После ужина мы засиживаемся за чашечкой орехового кофе. Я наполнена – вкусной едой, общением в хорошей компании и приятным осознанием того, что супруг по-прежнему мой лучший друг.

Бросив взгляд на часы, я замечаю:

– У нас есть еще полчаса, – надеюсь немного прогуляться или поглазеть на витрины.

Держась за руки, мы переходим улицу и входим в публичную библиотеку. Я иду напрямик в свой любимый отдел – нон-фикшн – и с чувством благодарности за свободное время внимательно читаю новейшие релизы, не беспокоясь о том, что кто-то потащит меня в детскую. Муж плюхается в кресло и расслабляется с газетой.

Полчаса пролетают как молния.

– Пора идти, – неохотно объявляю я, заглядывая поверх газеты мужа. В руках я держу стопку книг – напоминание о том, что должна вернуться сюда на следующей неделе.

– Я могу забрать девочек, если хочешь, – говорит муж. – Не торопись. Мы встретимся дома.

Я вздыхаю негромко, сожалея, что вечер подходит к концу. Дома все та же рутина: купание и укладывание в постель, сказки на ночь и упаковка обеда на завтра. Мне нравится быть матерью, но я не меньше люблю такие вот передышки.

Хотя браки и заключаются на небесах, поддерживать и сохранять их нужно здесь, на земле.

Несмотря на конфликты и разные обязанности (например, я участвую как родитель-помощник в церковном хоре), я делаю все, чтобы эти свидания с мужем продолжались. И, хотя мои девочки иногда ревнуют, когда слышат истории о чизкейках и пиццах, в глубине души я знаю, что они тоже получают пользу от этого. Уверенные в том, что мама и папа любят друг друга, они растут с сознанием того, что любовь может длиться вечно.

И хотя браки заключаются на небесах, полагаю, что поддержание и сохранение их происходит здесь, на земле.

Спасибо этому вечернему хору по средам, дающему возможность сохранить самые священные из уз.

Стефани Уосс

Романтика каждый день

Брак – это книга, первая глава которой написана поэзией, а остальные – прозой.

Беверли Николс, журналист

– Что было самым романтичным из того, что сделал ваш супруг? – спросил ведущий у трех пар.

Мы с мужем находились на свадьбе одного нашего друга, где началась *Игра Молодоженов*^[26].

– Не знаю, что бы я ответил на это, – наклонился и прошептал мне мой муж Скотт.

– О, брось, ты такой романтичный, – прошептала я в ответ и тут же забыла об этом случае; как раз в этот момент подавали ужин, и мы разговаривали и смеялись с другими гостями за столом.

Несколько дней спустя я заметила, что Скотт выглядит каким-то подавленным.

– О чем ты думаешь? – спросила я.

– Меня все еще беспокоит, что я не могу вспомнить ничего романтичного, что когда-либо делал для тебя, – ответил он.

Я напомнила Скотту о некоторых моментах, которые были романтичными, но ему не стало от этого легче.

Ложась спать в ту ночь, я стала размышлять на тему: «А что вообще такое романтика?» Большинство думает о выходных или каникулах, проведенных в каком-нибудь экзотическом месте. Ужин при свечах и цветы по особым случаям, вероятно, на вершине списка самых романтичных вещей. Но такие моменты настолько же прекрасны, насколько и редки, и незаметно располагаются где-то между бесчисленными повседневными заботами. Я мысленно листала книгу нашей совместной жизни. Может быть, настоящей романтики больше как раз в повседневной жизни, чем в этих особых моментах?

Романтика – это не столько ужин при свечах, сколько умение показать сотней различных способов, как ты любишь своего избранника, каждый божий день.

Может, романтика в том, что и после двадцати пяти лет брака и рождения трех детей Скотт все еще встречает меня со словами «Привет,

моя великолепная», хотя я с трудом узнаю себя в той молодой и прекрасной невесте в нашем свадебном альбоме. Может, романтика в каждодневных прогулках, когда мы разговариваем об обычных и важных событиях прошедшего дня и нашей совместной жизни. Может, она в том, как мы держимся за руки и показываем свою привязанность, игнорируя вопли нашей дочери-подростка: «Марш в комнату!»

Может, романтика в том, что Скотт помогал мне поверить в себя, когда я делилась с ним своей мечтой обучать детей с особыми потребностями. Мы были довольно ограничены в средствах в то время. И хотя это означало сокращение расходов на детские нужды в уже урезанном семейном бюджете, Скотт никогда не жаловался. На самом деле он всегда поддерживал меня, был моей опорой.

И он делал это снова и снова, как тогда, когда мне захотелось вернуться к обучению и получить докторскую степень. Я думала о том, что всегда ему рада, что даже поход в магазин становится чем-то особым просто потому, что рядом находится мужчина, которого я люблю так сильно.

– Может быть, – сказала я Скотту на следующий день, когда мы сидели всей семьей за ужином, – романтика – это не столько ужин при свечах время от времени или романтический уик-энд, сколько умение показать, сотней различных способов, как ты любишь меня, каждый божий день.

Сказав это, я дотянулась до него, обняла и поцеловала, услышав уже знакомое: «Марш в комнату!», заполнившее нашу маленькую кухню.

Дэб Стэнли

Разве не романтично?

Суть удовольствия в спонтанности.

Германи Грир

– Хочешь пообедать со мной двадцатого? – спросил Том.

Что-то в этой дате не давало мне покоя. Я бросила взгляд на календарь и выронила трубку. Тут же подняла ее. Звонок был слишком дорогим, чтобы тратить драгоценные минуты. Я приложила трубку к уху и с трудом смогла произнести только:

– А?

– Я спросил: пообедаем двадцатого?

– Но... но это же день, когда ты возвращаешься из Японии!

– Знаю, – засмеялся он. – Найми няню на выходные, и давай встретимся в Сан-Франциско. Я уже заказал тебе билет.

Теперь я держала телефон мертвой хваткой. Романтический уик-энд в другом городе! В Калифорнии! Ему не пришлось просить дважды. Наши первые каникулы за пять лет, когда мы будем одни, без мальчиков.

Когда я повесила трубку, мне казалось, будто я гуляю по облакам. Он уехал почти на две недели, и я чувствовала себя одинокой и перегруженной делами. Дом был в полном беспорядке, кухня без пола, холодильник в гостиной, а дамская комната находилась в фойе. Известие о его командировке в разгар ремонта внесло еще больше стресса в мою жизнь, и без того полную забот о доме и детях. Но вот теперь мы встречаемся в Сан-Франциско, только мы вдвоем на весь уик-энд, никаких детей, никаких домашних бедствий, требующих срочного решения, вообще никакого беспокойства, ну разве что выбрать место для ужина.

Тут я услышала сигнал школьного автобуса перед домом и осознала, что собиралась сделать тысячу вещей одновременно. Этим вечером я провела несколько часов на телефоне, звоня всем подряд, и не по одному разу, пока не выстроила все планы. Младшего сына, который ходил еще в детский сад, я собиралась на четверг и пятницу оставить у своей подруги. Старшему сыну, который был в начальной школе, хотелось провести четверг с моими родителями, живущими в двух кварталах от нас, так что утром он мог сесть на школьный автобус. В пятницу днем моя сестра намеревалась забрать его после школы и оставить у себя до воскресенья. Между тем родители должны были забрать младшего сына у подруги в субботу днем. И затем оба мальчика возвращались домой в воскресенье, чтобы провести остаток дня с няней. Устроив все эти встречи, я осталась буквально без сил, между тем был уже вторник, и через два дня нужно было уезжать. Я пробежалась по магазинам, купив кое-какую одежду, и сделала себе одну из самых ужасных стрижек в моей жизни.

В пятницу я встала в пять утра и поехала в аэропорт, чтобы сесть в самолет и улететь туда, где смогу почувствовать себя независимой и свободной и, конечно, вкусить романтики. Мне никогда не приходилось летать одной, и я нервничала и немного боялась. А прибыв в Калифорнию, я ощутила, как бешено колотится мое сердце, и в предвкушении встречи с мужем зашла в один из магазинчиков аэропорта, чтобы купить ему букет цветов.

Всего лишь двадцать минут ожидания, и вот мы уже вместе, обнимаемся и целуемся. Какое счастье – прижаться к любимому человеку после десяти дней разлуки! Мы так и не съели тот обед, ради которого все

это и затевалось. Вместо этого мы поехали в отель на пристани, смотрели с балкона на лающих и греющихся на солнышке тюленей и отдыхали несколько часов. Том, должно быть, был так счастлив видеть меня, что даже не заметил моей новой стрижки. Мы оба были такими уставшими, я из-за всей этой суеты с устройством детей, а он из-за долгого перелета через весь мир.

Но мы не поддались этой усталости, ведь у нас был лишь один уик-энд, чтобы насладиться Сан-Франциско. Мы сделали все, что обычно делают туристы: совершили тур по городу, прогулялись по Японскому саду, прошлись вверх и вниз по знаменитым покатым улицам, поужинали в местечке «Рыбацкая пристань», поплавали на лодке по бухте и под висячим мостом «Золотые ворота», купили сувениры и подарки детям.

Это было так романтично, мы как будто почувствовали себя моложе.

И все это продолжалось до самого отъезда в аэропорт. У Тома был билет в первый класс, а у меня, увы, нет. Мы надеялись поменять мой билет, но самолет был весь заполнен. Все, что нам удалось, – это найти для меня место прямо перед самой секцией первого класса.

Я сморгнула слезы. Мне не хотелось, чтобы Том видел, как я разочарована. Что это за финал нашего уик-энда – в разных секциях самолета.

После того как все уселись, Том подошел к мужчине, сидевшему рядом со мной, и спросил:

– Вы не хотели бы поменяться со мной местами, чтобы я смог сесть со своей женой?

Узнав, что место Тома в первом классе, парень тут же согласился. Только полный идиот мог отказаться от такого!

Бортпроводники не могли поверить. Том поменял свое место, только чтобы сесть рядом со мной. Они подходили к нам и говорили:

– Невероятно! Вы оставили место в первом классе, чтобы сесть с женой. Это так романтично!

На самом деле они были счастливы обслуживать нас весь полет. Мы получили наушники для кино бесплатно, они принесли нам по бокалу вина и даже десерт из первого класса.

Перед посадкой трое бортпроводников, один мужчина и две женщины, подошли к нам, чтобы поинтересоваться, как долго мы вместе. Я сказала, что двенадцать лет. После того как самолет приземлился, они вручили мне розовые гвоздики, а Тому бутылку шампанского.

– Даже после двенадцати лет... – сентиментально вздохали они. – Все потому, что вы по-настоящему романтичная пара.

По дороге домой я задумалась над их словами, потом взглянула на цветы и улыбнулась:

– Эти бортпроводники, они и не понимают, насколько правы. Я знаю, ты сел со мной, потому что я твоя жена. В конце концов, ты вынужден жить со мной всю оставшуюся жизнь.

Том рассмеялся и не стал ничего отрицать, но я знаю, что на самом деле он сел со мной, потому что хотел быть рядом. Какой бы ни была причина, об этом романтическом уик-энде я вспоминаю с нежностью и после очередных двенадцати лет, прожитых вместе.

Дина А. Ликок

Три простых слова

Для мира ты можешь быть просто каким-нибудь человеком, но для какого-нибудь человека ты можешь быть целым миром.

Неизвестный автор

Это был самый обычный зимний вечер, когда уже после многих лет замужества я поняла, как много значу для своего мужа. В тот особенный вечер он сказал мне три простых слова, отчего мое сердце учащенно забилося и затрепыхало в приступе эйфории – того чувства, что обычно мы припасаем для умиления щенком или новой влюбленности.

О, он часто говорил мне, что любит меня, никогда не забывал о годовщине нашей свадьбы или моем дне рождения и был очень деликатным во всем. Мы погрузились в комфортное существование без особых событий, без ожиданий чего-либо, без каких-либо драм, что меня в целом устраивало.

Он частенько работал допоздна, и ужин ждал его в духовке. А наши сыновья, поев и помывшись, растягивались на своих обычных местах где-то между камином и телевизором с нашими двумя собаками и двумя кошками.

Я была в подвале и перекладывала одежду из стиральной машины в сушилку, когда услышала, как открылась и закрылась входная дверь. Я была уже на верхних ступенях лестницы, когда он повесил свой плащ и внимательно обвел взглядом пространство от стены до стены, уставившись на весь «комплект» мальчишек и животных перед собой. И затем я

услышала, как он сказал три простых слова: «А где все?»

Джеки Флеминг

Глава 7. Уроки настоящей любви

Помните, что нет ошибок, а есть только уроки. Любите себя, доверяйте своему выбору, и все будет возможно.

Чери Картер-Скотт

Уроки танца

Танец – это скрытый язык души.

Марта Грэхэм, танцовщица и хореограф

Я узнала, что такое настоящая любовь, когда была очень маленькой. Каждую ночь, после того как меня укрывали одеялом и я получала свой поцелуй на ночь, я уже знала, что совсем скоро произойдет что-то волшебное. Мне было очень легко поверить в истинную любовь, ведь я сама была этому свидетелем ночь за ночью, я видела все своими глазами.

Шум в ванной комнате всегда будил меня вскоре после того, как я погружалась в сон. Через тонкие стены нашего дома я могла слышать, как бежит из душа вода. Каждый раз я слышала, как вода выключается и через несколько минут начинает шуметь фен. Запах пахучей пудры моей мамы проникал через стены, наполняя мою комнату своим ароматом. Я воображала, как моя мама сидит перед зеркалом и наносит макияж: вот она накладывает тени, подводит глаза, подкручивает и красит ресницы. И не то чтобы маме все это было нужно – она была естественно красива и становилась настоящей кинозвездой каждую ночь после того, как укладывала меня спать.

После того как заканчивался мамин ночной ритуал, я слышала, как открывается дверь и входит мой отец. Запах масла на его одежде перекрывал такой деликатный аромат маминых духов. Он входил, и они встречались в коридоре, повторяя один и тот же ритуал каждую ночь. Мама выходила из ванной в красивом платье, волосы мягко струились вокруг лица, ее каблуки сверкали от света гостиной. Вот отец берет мамины руки в свои и начинает ее кружить. Они улыбаются друг другу, и затем он идет в ванную. И снова слышен шум душа, и сильный запах мыла проникает сквозь стены и двери в мою комнату. Мягкая музыка заполняет

пространство.

И вот отец заканчивает приготовления в ванной и выходит одетым в свои лучшие слаксы и свежую рубашку. Смыты масло и сажа, покрывавшие его руки, лицо и одежду после долгого рабочего дня на нефтедобывающей установке. Он такой привлекательный и сильный. «Олд Спайс» пощекочет мне нос, пока я наблюдаю за ним. Мама встречает его в коридоре. Она подходит к нему, и они стоят какое-то мгновение, глядя друг на друга. Затем он нежно целует ее. Мама, как всегда, улыбнется и засмеется после этого поцелуя и возьмет отца под руку, ведя его в гостиную.

Иногда в гостиной музыка становилась громче, но не настолько, чтобы разбудить нас, детей. Из моего угла спальни не было видно, как они танцуют, но когда они приближались к коридору, я могла видеть их тени, танцующие на стене. Они танцевали медленно, не останавливаясь, иногда в тишине, иногда шепча что-то и смеясь. И каждую ночь я засыпала под это удивительное зрелище. Я никогда не задавалась вопросом, существует ли истинная любовь. Я видела ее каждую ночь – в танцующих тенях на стене.

Синтия Билик

Коричнево-белые бабочки

Истинная любовь приходит от Бога, а проявление чувств зависит от человеческих склонностей.

Филемон Лайда

Что вы делаете, когда огонь любви, вспыхнувший однажды ярким пламенем, превращается в тлеющие угольки? В самой глубине жарких джунглей Коста-Рики мой брак висел на волоске. Мы с мужем занимались миссионерской деятельностью в маленькой изолированной деревушке на побережье Тихого океана. Время, ответственность, забота о детях, разочарования и усталость уже сказывались не лучшим образом на наших отношениях.

Как организатор коротких миссионерских командировок, я вела богослужения для групп, оказывающих нам помощь со строительством в этом проекте. Мы всегда стремились создать атмосферу, которая позволила бы каждому увидеть Бога по-новому.

Что делать, когда огонь любви, вспыхнувший однажды ярким пламенем, превращается в тлеющие угольки?

И вот однажды я решила написать серию богослужений под названием «Шепот любви». Несмотря на все углубляющуюся рану в моем сердце, я хотела, чтобы эта группа знала, как сильно Господь любит их. Я вела эту группу, состоящую, как оказалось, большей частью из мужчин, по пути к Господу, неистово любящему своих чад.

Мы говорили о тех знаках, которые Бог посылает нам каждый день как напоминание о своей бесконечной любви. Так что мы смотрели и слушали. Кто-то находил их в пустоте безоблачного неба. Другие не могли устоять от восторга перед сверкающим звездным куполом. А некоторых сражала мощь и сила волнующегося моря. Более идеальных обстоятельств для обучения просто нельзя было придумать. Я смотрела вместе с ними на солнце, в то время как оно величественно опускалось за сапфировое море. Я побуждала их идти в горы и наблюдать танец деревьев под мелодию ветра. Они не без любопытства разглядывали замысловатое творение паука, обустривающего свое хрупкое жилище. Ведь за каждым из этих чудес скрывались слова вечной преданности.

Каждый день мы вели разговоры о величии природы и непостижимой силе божественной любви. Эти сильные мужчины были поистине увлечены процессом. Я не могла не думать о том, что, похоже, Бог забыл, что женщины – это существа, желающие романтических историй. Пришло время для прогулки с Богом, каждый получил возможность войти в джунгли вместе с НИМ. Почти все ушли с огромной надеждой на любовное послание в виде дикого ягуара или кричащей обезьяны.

Я отправилась в собственное путешествие с Создателем всего этого великолепия и любви в моей душе. Но тем не менее я не ощущала себя любимой. Пока все остальные были погружены в свои поиски, я чувствовала, что Бог был далеко и не ведал о моем ничтожном существовании. Я молилась: «Господи, покажи мне что-нибудь большое. Пожалуйста, порази меня. Мне необходимо знать, что ты заботишься и обо мне тоже». Я села на вершину холма, взирая на бирюзовый океан, и стала ждать. Ничего не произошло. Спустя несколько минут маленькая коричнево-белая бабочка спорхнула на траву рядом со мной.

Должна признаться, я была до крайности разочарована. «Ну же, Бог, – думала я, – неужели это все? Я имею в виду, это же тропические джунгли. Разве ты не слышал все те великие слова, что я говорила этим ребятам? И все, что я заслужила, – это маленькая уродливая моль? Пошли, по крайней

мере, что-то более разноцветное». Тем временем эта похожая на моль бабочка порхала вокруг меня, время от времени присаживаясь на траву и замирая, – непонятно с какой целью. И тут неожиданно, как будто кто-то позвал ее, она поднялась вверх и улетела. И я осталась с мучительной пустотой в сердце, с мыслью, что я упустила что-то великое. Уверенная, что Господь снесет меня с ног выражением своей любви, я на самом деле упустила то, что он пытался мне сказать.

Любовь не в ужине при свечах или изысканных сюрпризах, она в силе объятий, сжимающих меня каждую ночь.

Позже я использовала этот опыт для работы с другой группой, желая напомнить им, что любовные послания Господа могут иметь самую неприглядную упаковку. Как-то после прогулки с Господом одна женщина выбежала из леса прямо ко мне. Задыхаясь, она рассказала о своей встрече с Богом и о том, что он послал ей коричнево-белую бабочку, такую же, как и мне. Зная о моей истории, она решила рассмотреть бабочку поближе и дождалась, пока та не опустится на ветку и не раскроет свои скучные коричневые крылья. И то, что увидела эта женщина, я никогда не забуду. На тех уродливых коричневых крыльях был замысловатый рисунок из двух идеальной формы белых сердец. Этот знак во весь голос кричал о том, что иногда любовь не выказывает себя в чем-то большом, но она есть даже в незначительных и скучных моментах повседневной жизни.

Я до сих пор часто вспоминаю о той бабочке. В моем представлении это самая прекрасная из всех бабочек, которых я видела на Коста-Рике. Даже теперь я провожу параллель между ней и моим браком. Я ловлю себя на мысли, что порой обижаюсь на мужа. Я задаюсь вопросом: почему он перестал совершать романтические поступки? Почему он не обольщает меня, как делал это раньше? Но что я твердо уяснила, так это то, что глубочайшее выражение любви не в подаривании розами, не в ужине при свечах или изысканных сюрпризах. Любовь в силе объятий, сжимающих меня каждую ночь. Она в гамаке под лестницей в осеннюю пору. Она в непреодолимом желании поесть мексиканской еды в «Тако Белл» во время беременности и в полуночной прогулке до ресторана с любимым. Она в сердце, что остается преданным мне даже тогда, когда я совершенно не рада этому. Все эти коричнево-белые бабочки – самое полное выражение глубочайшей любви.

Мой брак прошел через джунгли и выжил. Он выжил, потому что я осознала, что он больше, чем просто роман, хотя и это немаловажно. Он выжил, потому что я начала присматриваться к малым проявлениям любви,

вместо того чтобы искать большие. И знаете что? Наши сердца снова зажглись!

Мелисса Хардинг

Сниттерфилд

Чем больше вы вкладываете в брак, тем ценнее он становится.

Эми Грант, певица

В июле 1984-го мой муж Билл и я наслаждались отпуском в Англии. Проезжая по северному побережью, мы увидели несколько дорожных знаков, указывающих на близлежащий город под названием Сниттерфилд^[27]. Мы посмеялись над этим названием, и в какой-то момент я сказала:

– Видимо, сюда тебя следует отправлять всякий раз, когда ты начинаешь хандрить.

С этого дня мы использовали слово «Сниттерфилд» как синоним плохого настроения.

В декабре 2006-го Билл в очередной раз переживал великую хандру. Я чувствовала себя некомфортно из-за его постоянных вспышек раздражения, частенько по ошибке направленных и на меня. Одним ранним утром я проснулась в слезах. Билл спросил меня, что случилось, и я призналась, как это непросто – каждую минуту быть готовой к тому, что у него испортится настроение. Я попросила мужа серьезно подумать над тем, что он может сделать, чтобы изменить свое поведение.

Внезапно Билл выскочил из постели со словами: «Я скоро вернусь!» Он исчез в своем кабинете и час спустя появился с распечатанным листом бумаги, который прикрепил на холодильник. Он объявил мне, что сделал таблицу для ведения счета Сниттерфилд.

– Что? – переспросила я.

Билл объяснил, что потребуется моя помощь, чтобы отслеживать его настроение.

– И как я могу это сделать?

– Ставь оценку в таблице в конце каждого дня. Ты же учитель, придумай систему оценивания.

– Ты это серьезно?

– Еще как!

В итоге я придумала следующие символы:

+ нет хандры

? чуть-чуть ворчит

– сильное ворчание

! спасайся кто может

В первую неделю эксперимента каждый день был помечен знаком +. За двадцать три года нашего брака я никогда не видела Билла таким уравновешенным и терпеливым по отношению к самому себе и ко мне. И поскольку он стал лучше контролировать себя, я расслабилась. Я едва могла поверить в произошедшее.

Время от времени Билл возвращался к своему прежнему поведению. Когда я ставила «?» в его таблице, он искренне сожалел, что оказался не на уровне, и извинялся.

В конце января я дала ему понять, насколько ценю предпринятые им попытки, и предложила оставить эту затею с подсчетом очков.

– Марти, ты даже не представляешь, как важно для меня смотреть в эту таблицу каждый день. Пожалуйста, продолжай, чтобы помочь мне улучшить результат.

Я подумала про себя: «Небольшая цена за такой огромный успех!» И так, мы продолжили использовать эту таблицу и в феврале, и в марте, и в апреле. Мы говорили об изменениях в его характере и о том, насколько счастливее стала наша жизнь.

Порой я чувствовала, как надвигается гроза, и начинала тихонько напевать на выдуманный мотив: «Знаешь ли дорогу в Сниттерфилд?..» Билл смеялся, и его настроение мгновенно менялось. В конце апреля я послала Биллу имейл с темой «Будущим туристам»:

«Мэр Сниттерфилда имеет честь сообщить всем желающим посетить город, что жители недавно проголосовали за изменение названия Сниттерфилд на Саммерфилд^[28]. Так что если вы планируете поехать в Сниттерфилд, имейте в виду: его больше на карте нет».

Билл громко смеялся, когда увидел это сообщение. Затем я сказала ему, что спустя четыре месяца решила уйти в отставку с позиции подсчитывателя его очков, так как моя работа больше не нужна.

И это конец истории. Возможно, мы нашли глупый способ, чтобы справиться с этой серьезной проблемой, но он сработал! Теперь, два года спустя, в нашей жизни (почти!) нет хандры, она полна любви и здорового юмора.

Кстати, в следующее путешествие в Англию мы планируем посетить настоящий Сниттерфилд, на самом деле прелестный городок с населением 1400 жителей. В нем есть церковь XIII века. А еще он считается родиной отца Шекспира. Оригинальное название местечка звучит как Снайтенфелд, что значит в переводе «птичий луг».

Марта Белкнэп

Состарившееся совершенство

*Если ты будешь жить сто лет, то я хочу
жить сто лет минус один день – не хочу
прожить и дня без тебя.*

Винни Пух

Просматривая свой старый выпускной альбом, я наткнулась на комментарий, оставленный одной из моих подруг. Она написала: «Желаю тебе встретить принца, высокого, красивого и богатого». В старших классах школы мы частенько собирались с подругами, чтобы потанцевать твист, а в перерывах поговорить о своем «идеале» в любви. В колледже, помимо уже имеющих широких плеч, узких бедер, густых волос и, конечно, обращения со мной так, будто я самое прекрасное создание на этой планете, в список атрибутов моего «идеала» были добавлены ум, сострадание и чувство юмора.

В свои шестьдесят я задаюсь вопросом: что же случилось с «идеальной любовью» моих юношеских мечтаний?

Теперь, став членом Американской ассоциации пенсионеров, я получаю журналы со свежими новостями о том, кто по-прежнему в паре и все еще обаятелен и подтянут в свои шестьдесят (сколько усилий, чтобы держать себя в форме, а в юности все происходит само собой). И я задаюсь вопросом: что же в самом деле случилось с «идеальной любовью» моих юношеских мечтаний?

В кресле рядом со мной объект моих мыслей. Он лежит с открытым ртом и храпит, будто поет в невидимом для меня хоре, его внушительный живот поднимается и опадает в такт с раскатами храпа. Вздох. Где я ошиблась? Я разглядываю реденькие волосы и складки вокруг глаз мужчины, с которым вот уже почти двадцать лет вместе. Куда делись узкие

бедра и что случилось с великолепными густыми золотистыми волосами и... Я останавливаюсь. «Вернись к своему списку, Линда, и взгляни еще раз». Здесь были другие атрибуты, сразу под всеми этими физическими параметрами. Я прохожусь по ним, оценивая один за другим.

1. Чувство юмора. Ах да, он всегда готов смеяться над моими шутками (даже если уже слышал их раньше), и в особенности над собой. Вот откуда взялись эти милые маленькие морщинки вокруг голубых глаз.

2. Сострадание. Он готов плакать над грустным фильмом, деля со мной салфетки. Он отдал бы свое сердце любому, кто страдает, особенно нашим детям. Мы вместе рыдали над нашим старым полосатым котом, когда должны были усыпить его.

3. Ум. Да, он определенно умный мужчина. Он построил свой бизнес с нуля и заслужил уважение работников и клиентов. И у него золотые руки, мы не тратим ни цента на починку различных мелких вещей. Этот человек знает тысячи способов использования проволоочных вешалок, из которых мастерит всякие штуковины для починки других штуковин.

4. Он обращается со мной как с самой прекрасной женщиной на свете. Хорошо, правда, сейчас я краснею и немало смущена. Он все еще делает мне комплементы и не стесняется говорить другим о том, какая я красивая и веселая. Он держит меня за руку, когда мы идем вместе. Он всегда целует меня, прежде чем уйти. Его не смущает моя расплывшаяся талия и частая смена настроения (увы, менопауза), он ни разу не жаловался. Он готов выслушать меня и обнять, когда мне это необходимо. И, эй, его плечи все еще достаточно широки, чтобы я могла выплакаться или положить на них свою голову. Он говорит, что любит меня.

5. Он готовит. И делает это куда лучше меня. У него есть семейные рецепты лазаньи, и при одной только мысли о них у меня текут слюнки. Когда мы соревнуемся, кто лучше приготовит куриный суп, он с легкостью выигрывает. Он владеет мастерством смешивать специи. О боже. Комок подступает к горлу. Скромность порой непросто проглотить. И мой список можно было бы продолжить. Ну и что, что он на какой-то дюйм выше меня? Он обожает, когда я ношу каблуки, увеличивающие мой рост на 5 или 10 дюймов. Я осматриваю своего мужчину снова.

Он поднимается с исключительно громким фырканьем, чтобы обнаружить, что я уставилась на него. У меня, должно быть, глупая усмешка, потому что он говорит:

– Ну ладно, что происходит? Что я натворил? Это было что-то неприличное?

Я улыбаюсь:

– Знаешь, я думала.

Он бросает на меня настороженный взгляд, который означает: «Ага, она снова думает, это ничем хорошим не кончится».

Я наклоняюсь и шепчу:

– Что скажешь, если я приглашу тебя на обед, я угощаю?

Его глаза сужаются:

– А, ну ладно, сколько это будет мне стоить?

Хм. Проглочу ли я это? Я наклоняюсь поближе:

– Нет. Давай просто назовем это обедом признательности – давно пора.

При этом он расплывается в широкой улыбке и говорит, что быстренько примет душ и переоденется.

Встав, он проходит мимо, легко и словно ненароком похлопывая меня по спине, так, как только он один умеет делать. Я хватаю его руку:

– Даже не думай прекращать.

Он останавливается и смотрит на меня:

– Не прекращать делать что?

Я чувствую, как краснею, и это не прилив.

– Ну, в общем, ты знаешь.

Он смотрит еще пристальнее и улыбается до ушей:

– Почему я вижу, что ты краснеешь. Женщина, ты все еще удивляешь меня. И что касается этого «ты знаешь», можешь на меня рассчитывать.

Я хихикаю и чувствую себя почти девчонкой. Да, все действительно так, как и должно быть. Минуточку, куда я положила тот одекolon, который он любит?

Линда Лири

Урок преданности

Любовь не знает законов. Она сама по себе высший закон.

Бозций, римский государственный деятель

После более полувека жизни в Нью-Джерси возможностей для встречи с чем-то новым и удивительным у меня было уже не так много, да и вообще события, когда все происходит, как в первый раз, казались безвозвратно ушедшими в прошлое. Но в 2007 году я пережила еще один «первый раз», посетив церемонию однополой свадьбы своей коллеги и ее

партнерши.

Во вторник коллега вручила мне самодельную, ярко раскрашенную открытку, приглашая меня на церемонию, назначенную на следующий день. Первое, о чем я подумала тогда, – это что обо мне вспомнили в последний момент, поэтому пробормотала что-то о своих планах и сомнениях по поводу принятия приглашения. Тем же вечером по дороге домой я вдруг вспомнила, что подписанный губернатором закон о браке между однополыми парами вступил в силу только в этот понедельник. Я не переставала думать о том, что этот новый закон значил для моей коллеги и ее партнерши: их двадцатилетние отношения были наконец узаконены. Наверняка они чувствовали громадное облегчение: этот новый закон позволял им обеспечить финансовую безопасность друг друга и детей и официально оформить отношения, хотя совершенно не было необходимости подтверждать их печатью в паспорте. Однако в реальности они явно имели право на эту печать.

За три дня с момента подачи заявления моей коллеге и ее партнерше предстояло переделать множество дел. Им нужно было разыскать подходящий молитвенный дом, который бы согласился провести церемонию, найти место для празднования события, напечатать приглашения, заказать основные блюда и торт, решить, что надеть... Я по-прежнему не могла понять этой спешки. Неужели они боялись, что закон будет внезапно аннулирован? Почему так важно быть в числе первых?

Я смогла изменить свои планы и очень рада, что сделала это. На самом деле это была настоящая свадьба. Улыбки на лицах этих женщин сияли ярче свечей, зажженных священником в знак скрепления их союза. Друзья и родные окружили их любовью и пониманием. Я тихонько посмеялась, увидев торт на их вечеринке, организованной после церемонии. У торта отсутствовали фигурки невесты и жениха, ключевого элемента традиционной американской свадьбы.

Брак – это институт, куда проще войти, чем выйти.

Мои чувства по поводу брака довольно противоречивы, да и может ли быть иначе после пережитого замужества и развода. Я полагаю, что брак – это институт, куда проще войти, чем выйти. После развода я встретила восхитительного мужчину, и наши отношения прошли проверку временем. Он попросил моей руки уже больше девяти лет назад и не оставляет своих попыток, а я раз за разом нахожу предлоги, почему у меня нет времени на свадебные приготовления. Дело не в том, что я не люблю его... Я знаю, что люблю. Я не могла объяснить свое внутренне сопротивление замужеству,

пока не задумалась о браке своей коллеги. Став свидетелем их нетрадиционного союза, я взглянула на собственные отношения, так похожие и в то же время чрезвычайно непохожие на их. В чем разница? Мой жених черный, я белая. Я спрашивала себя, была бы я столь непреклонна, если бы мы были одной расы? И я устыдилась собственного ответа – вероятно, нет.

В понедельник после свадьбы я остановилась у офиса моей коллеги, чтобы вручить подарок, который не успела купить до церемонии. Я хотела поблагодарить ее за то, что она дала мне возможность разделить с ней это радостное событие. Когда она высказывала некоторые мысли по поводу своих отношений, я отметила, что думаю о том, что она и ее партнерша невероятно смелые. Я рассказала ей о своих чувствах, о том, что не нашла в себе достаточно храбрости, чтобы выйти за мужчину, которого люблю. До этого разговора она почти ничего не знала о моей личной жизни, а теперь выказывала искреннюю заинтересованность. Я сказала ей, что, сравнивая наши отношения, поняла, что принимала как должное свое право выйти замуж, право, которое имела лишь потому, что, в отличие от нее, влюбилась в человека другого пола. Сопротивлялась ли я второму браку из страха, не желая публично демонстрировать отношения, которые не сочетались с теми маленькими фигурками, что сидят на вершине свадебного торта? Я осознала, что отказывала себе и своему жениху в счастье, которое было столь явным на их церемонии бракосочетания.

Я усвоила столько уроков за те две недели. Я поняла, что мой возлюбленный заслуживает моего согласия. Моя коллега стала мне хорошим другом. Пригласив меня на церемонию, она преподнесла мне громадный подарок, позволив увидеть, что я теряю, и задуматься над тем, как все исправить. И я поняла, что, если они с партнершей смогли спланировать всю церемонию за 72 часа, я, должно быть, тоже смогу организовать свадьбу не хуже в разумные сроки. Моя новая подруга и ее партнерша будут первыми в списке гостей... и наш торт, как и их, будет без этих маленьких фигурок на вершине.

Энн М. Шеридан

Больше чем красные розы

Любовь – это такое состояние, когда счастье другого человека необходимо для своего собственного.

Роберт Хайнлайн, писатель-фантаст

Как мужчина показывает женщине, что любит ее? Я привыкла думать, что он покупает ей дюжину красных роз и приглашает в уютный ресторан на берегу Уилламетт. Я серьезно пересмотрела свои взгляды.

Мой муж демонстрирует свою любовь, или по крайней мере немалую долю терпимости, деля со мной дом, устланный белыми коврами, огромную собаку, которую буквально притягивает как магнитом к грязевым лужам, когда бы она ни оказалась на улице, и деля нашу постель с котом, который любит заграбастать под себя все одеяла. Он работает в саду один, пока я иду в конюшню повидаться с моей любимой арабской кобылицей.

Я, в свою очередь, демонстрирую свою любовь, разделяя домашние обязанности, помогая ему управлять его коммерческой собственностью и открывая сердце его взрослым детям и их семьям.

В целом наша повседневная жизнь ладится, и мы довольно счастливо приближаемся к нашей десятой годовщине. Но бывают моменты, когда он убежден, что я люблю кошку Наоми, собаку Энни и лошадь Виду больше, чем его. Наоми, Энни и Вида стареют одновременно с нами – мной и Рэем. Если Наоми, восьмипудовая черная киска, начинает слишком стремительно терять вес, я трясусь над каждой гранулой корма, который она ест. Если Энни, девятипудовый золотой ретривер, начинает прихрамывать из-за артрита в передней правой лапе, я несусь с ней к ветеринару. Если у Виды, моей арабской кобылицы, понижают уши, когда я пускаю ее рысью, я откладываю все домашние дела и провожу дополнительное время в конюшне, массируя ее узловатые мышцы. В такие моменты наши отношения с Рэем становятся шероховатыми.

Я уже находилась в стадии беспокойства за свою кошку, а Рэй начинал чувствовать себя недолюбленным и недооцененным, когда моя лошадь неожиданно заболела, и так сильно, что я думала, что потеряю ее. Виду мучил страшный жар, стул был жидким, сердцебиение участилось почти вдвое, и при дыхании она издавала беспокойный свист. Кобылица так ослабла за несколько дней, что при осмотре ветеринаром дважды падала в обморок.

Я плакалась в жилетку Рэю, пока ждала результатов. Рэй не сходил с ума по лошадям, как я. В седьмом классе на дне рождения своего друга он прокатился верхом на лошади по имени Маленький Брык. И, хотя этот жеребец не брыкался и не вставал на дыбы, Рэй каждое мгновение ждал,

что тот полностью оправдывает свое имя, и страх глубоко засел в его мозгу. Он скорее съел бы стекло, чем пошел в конюшню со мной. Но его по-настоящему беспокоило, что я расстроена, и поэтому он часами слушал мою болтовню о Виде.

Я не могла думать ни о чем другом. Говорить ни о чем другом. Вида – это моя мечта, ставшая реальностью. Еще будучи ребенком, я откладывала каждый цент, чтобы потом оседлать электрическую лошадь в бакалейной лавке, и читала каждую книгу о лошадях в библиотеке. К сорока годам я наконец смогла купить собственную лошадь, а к пятидесяти – кататься на ней по пляжу. Я не могла потерять ее.

Анализ крови подтвердил, что у Виды серьезная инфекция – вероятнее всего, стафилококк. Ежедневное внутривенное введение антибиотиков было нашей единственной надеждой на спасение.

Я намеревалась делать уколы сама, чтобы уменьшить расходы на ветеринара, и запланировала встречу с врачом, чтобы научиться этому. Мое лицо, должно быть, было таким же белым, как отметина на лбу Виды, когда врач показал мне шприц, такой же длинный, как моя рука до локтя, и объяснил, чего следует избегать, чтобы не подвергать жизнь животного опасности.

Я пришла домой к Рэю, вся в ужасе, и от волнения болтала еще больше.

Он отложил книгу и бокал с вином, выслушал, что я говорила ему о своих чувствах, затем сказал по существу:

– Я помогу тебе.

Я бросилась в кресло, потеряв дар речи. Когда ко мне вернулся голос, я переспросила:

– Ты мне сможешь?

– Да, я могу.

– Мало того, что мы говорим о конюшне уже полчаса. Лошадь весит тысячу пудов. Игла длиной в фут, и нужно попасть в вену рядом с сердцем.

– Я сделаю это. Я когда-то делал уколы каждый день.

Уколы каждый день? Он никогда не говорил мне об этом. Я уставилась на него с сомнением. Как-то раз Рэй был в панике, когда ему пришлось смывать гравий с моего плеча после велосипедной аварии. А тут уколы.

– Почему ты делал сам уколы? – спросила я.

– Из-за моей аллергии.

У него действительно была аллергия, так что я предположила, что он и вправду мог делать себе уколы. Если так, может, он мог бы помочь мне с Видой. Я подтянула свое кресло ближе к нему.

– Сколько тебе было лет?

– Двенадцать.

Улыбка прорвалась сквозь мое волнение. Он делал себе уколы больше пятидесяти лет назад. Все это звучало в высшей степени уверенно и ужасно серьезно.

– Давай-ка посмотрим, правильно ли я поняла: ты делал себе уколы каждый день?

– Ну, в основном это делала мама.

Мою грудь распирало от сдерживаемого взрыва хохота.

– Ты делал себе уколы каждый день, за исключением тех дней, когда этим занималась твоя мама? Сколько уколов ты сделал себе на самом деле?

– Не знаю. По крайней мере один. Это больно.

Теперь меня корчило от смеха, и было непросто удержаться.

– Как долго это длилось?

– Пару недель.

Я встала из своего кресла, залезла к нему на колени и крепко обняла его.

– Ты бы действительно сделал это для меня, боясь лошадей, боясь игл?

– Да.

Он прижал меня к себе, и я положила голову ему на грудь. Наш разговор помог мне достаточно расслабиться, чтобы понять, что мне нужно было сделать для себя и для Виды. И хотя непросто было оплачивать ветеринара, он, по крайней мере, принимал кредитку. Мне по-прежнему было необходимо ходить в конюшню каждый день, но я уже беспокоилась о Виде гораздо меньше, так что мы могли говорить с Рэем о чем-то еще, по крайней мере какое-то время.

Теперь я знаю, как мужчина показывает женщине, что любит ее. Это куда больше, чем красные розы и ужины у реки. Он отказывается от своих собственных интересов, собирает всю свою храбрость и идет куда угодно, туда, где она больше всего нуждается в нем. Это настоящая любовь.

Саманта Дюклуа Уолтс

Сильнее вместе

Снежинки – одни из самых хрупких творений природы, однако посмотрите, на что они способны, когда слеплены вместе.

Фэй Сиверс

«Обещаю любить и заботиться о тебе в здоровье и болезни, в горе и в радости, пока смерть не разлучит нас». Как и большинство пар, Нолан и я произнесли эти клятвы в 1972 году, не сознавая, что приготовило для нашей семьи будущее.

– У вашего ребенка кистозный фиброз (муковисцидоз), и, вероятнее всего, он умрет до того, как ему исполнится тринадцать. Но не отчаивайтесь, ведь большинство детей с этим диагнозом не живут даже такой срок, – говорит нам молодой практикант.

Он быстро покидает кабинет с его тягостной больничной атмосферой. Эти новости не поддаются осознанию. Нашей драгоценной малышке всего только три месяца от роду... как доктор может говорить о ее смерти? Нолан и я ласкаем нашего ребенка и гадаем, что будущее приготовило для нашей малышки. Как долго проживет Ребекка? Невозможно удержать слез.

На следующий день социальный работник сообщает нам, что наше отношение к этой разрушительной болезни определит то, как Ребекка будет справляться с КФ. Также она предостерегает:

– Большинство пар, которые имеют детей с неизлечимыми болезнями, разводятся. Финансовое бремя и эмоциональный стресс только усугубляются.

Мы с Ноланом заверяем ее, что наш брак не развалится. Социальный работник говорит:

– Надеюсь, вы правы и не пополните статистику разводов.

Обезумевшие от этой информации, мы говорим о важности общения для сохранения нашего брака. Ежедневно Нолан и я обсуждаем все произошедшее и любое решение принимаем вместе. Наша решительность и обязательства помогут справиться с этой ужасной болезнью. Мы знаем, что вместе мы сильнее, чем врозь. Клятвы, которые мы дали друг другу на свадьбе пять лет назад, были о радости и горе. Это событие было, конечно, из разряда «горя». Мы настроены решительно, чтобы справиться с этим как пара, пообещавшая любить друг друга. У нас есть мощное оружие... молитва и вера в нашего всемогущего Господа.

Во время пребывания в больнице мы осознали последствия этой прогрессирующей болезни. Мы должны были провести ингаляционное лечение, чтобы предупредить закупорку легких. Доктора, медсестры и консультанты были готовы ответить на любые наши вопросы и помочь нам узнать больше об этой болезни. Но нам хотелось знать: «Что случится, если однажды мы заберем нашу малышку домой?»

Наконец, этот день настал, и мы покинули больницу. Дыхательный аппарат и многочисленные лекарства мы берем с собой. Мы намерены

наслаждаться обществом нашей дочери столько, сколько ей отпущено находиться в этом мире. Нолан и я верим, что сможем справиться с каждодневным стрессом, связанным с КФ, потому что у нас есть мы сами, наша любовь и сила друг друга.

Наша семья устанавливает распорядок жизни. Мы хотим, чтобы жизнь нашей дочери и двухлетнего сына Брайана была как можно естественней. Но каждый раз, когда кашель Ребекки повторяется, страх поглощает нас. Ответственность за ее здоровье чрезмерна.

Постоянная госпитализация на самом деле создает напряжение в наших отношениях. Иногда мы ощущаем себя на эмоциональных американских горках. Мы, как никогда, полны решимости и ценим каждое мгновение жизни. Поддерживать здоровье Ребекки – это всегда огромная работа. Мы знаем, что наш брак должен оставаться крепким. Поэтому мы решаем сознательно выделить время для разговоров друг с другом каждый вечер. Как только дети идут в постель, мы выключаем телевизор и разговариваем, делимся событиями, произошедшими за день. Мы обсуждаем и решаем проблемы, одну за другой. Наш дом – место спокойствия, принятия и любви.

Годы летят быстро. Ребекка поступает в начальную школу, где учителя обязуются принять ее болезнь. Это чрезвычайно тяжело для родителя – оставлять больного ребенка где бы то ни было, особенно на длительное время. Я ищу, чем бы заняться, пока Ребекка в школе. Муж предлагает поступить в колледж. И я делаю это. Пока мои дети в школе, я посещаю занятия, воплощая мечту всей своей жизни – преподавать. Часто я говорю Нолану:

– Не думаю, что справлюсь с колледжем и всеми домашними делами вдобавок к уходу за Ребеккой.

Мой муж непоколебим и всячески поддерживает меня. Нолан помогает обоим детям с уроками и проводит ингаляции Ребекке. Уложив детей спать, он помогает мне с моими занятиями, и иногда мы засиживаемся далеко за полночь.

И наши усилия окупаются! В конце концов моя мечта становится реальностью. Я – выпускница колледжа в возрасте сорока лет. Я принимаю приглашение преподавать в христианской школе, которую посещают мои дети, и меня берут на должность учителя второго класса.

Время от времени наша жизнь кажется почти нормальной. Ребекка удивляет нас своим стремлением к успеху. Она занимается спортом, танцует. Она борется с постоянной усталостью и хронической легочной инфекцией. Но, несмотря на все ее успехи, я часто опасуюсь, что прогнозы

доктора сбудутся. Неужели Ребекка скоро умрет?

К нашему удивлению, Ребекка перешагнула рубеж в тринадцать лет. У нашей дочери есть мечта стать преподавателем, и она хочет поступить в колледж после школы. Но, на нашу беду, у нее развился диабет – частое осложнение у пациентов с ее диагнозом. И теперь вдобавок к двум-трем часам ежедневных дыхательных процедур Ребекка должна контролировать уровень сахара в крови специальной диетой и инсулином. Разочарование очень велико! Нолан и я пытаемся справиться с новым несчастьем. Но наша чудесная дочь говорит:

– Это ерунда! Подумаешь, еще одна неприятность! Я научилась у вас обоих, что наша семья может справиться с чем угодно вместе. Мы любим друг друга, и мы команда! Ты и папа научили меня этому!

Наша команда, кажется, слишком часто оказывается перед очередным вызовом. Смерть моего дорогого отца переполнила чашу. Нолан помогает мне справиться с горем в это непростое для меня время. Мы гуляем, и я даю волю своим эмоциям. Мы вместе ходим на могилу и вспоминаем моего отца и то, как он повлиял на мою жизнь. Нолан и я справляемся с еще одной сложностью... два подростка. Мы счастливы и искренне радуемся хорошим отметкам, наградам и победам наших детей. Ребекка участвует в танцевальном концерте, играет в волейбольной команде и состоит в группе поддержки команды-победителя. Она получает национальную премию черлидеров. Брайан занимается футболом, бейсболом и выступает за колледж. Мы также сталкиваемся с такими неприятностями, как квитанции за превышение скорости двумя подростками или мелкие повреждения машины. Но мы переживаем этот подростковый период. Наш брак силен, ведь мы обязались братья за решение любой проблемы вместе и с любовью.

Наш сын даже подметил отличие нашей семьи от остальных. Брайан говорит: «У многих моих друзей родители развелись, думая, что это решит все их проблемы. Я знаю, что вы прилагаете много усилий, чтобы быть вместе. Я не представляю, как разделенная семья смогла бы справиться с такими проблемами, как КФ. Я ценю то, что наша семья близка к Богу и всегда все делает вместе как одна команда».

Наша дочь оканчивает школу и поступает в колледж с пылким намерением достичь еще больших успехов. Она оказывается в больнице каждые полгода. Наконец Ребекка на последнем курсе колледжа, но сдача экзаменов требует от нее физической выносливости, и на нее обрушивается пневмония. В свои двадцать три года она больнее, чем когда-либо. Страх потерять нашу любимую дочь преследует нас постоянно. Доктор был прав.

Стресс очень велик, когда в семье хронически больной ребенок. Тем не менее, когда Нолан и я молимся вместе, Господь помогает нам преодолеть этот страх.

После десяти дней госпитализации силы возвращаются к Ребекке, и ее легкие чистые. Ей удается попасть домой прямо к Рождеству. Удивительным образом она продолжает учиться в колледже. Происходит чудо! Ребекка становится выпускницей Университета Северного Техаса с ученой степенью по педагогике. В этот день слезы щедро текут из наших глаз, и мы восхищаемся талантами нашей дочери. Ребекка обнимает нас и говорит:

– Благодарю вас за поддержку, за то, что верили в меня, верили в то, что я могу достичь своей цели и получить степень.

Наша теория о том, что вместе мы сильнее, оказалась верной и год за годом выдерживала испытания! Мы благодарим Бога, что дал нам сил каждый день стойко переносить все последствия болезни нашей дочери. Стресс, страх, финансовые обязательства и даже разочарования с медицинской страховкой... мы можем вынести это вместе. Сейчас средняя продолжительность жизни взрослого с диагнозом КФ 30–35 лет. Однако мы встречали людей с этим диагнозом, которым было пятьдесят, и исследователи заявляют, что лечение этой болезни в будущем весьма реально. Мы верим, что наша дочь продолжит осуществлять свои мечты.

Теперь наш брак стал куда крепче, чем когда мы впервые давали друг другу клятвы верности. Причина проста: мы – команда!

Теперь наш брак стал куда крепче, чем когда мы впервые давали друг другу клятвы верности. Причина проста: мы любим друг друга, постоянно молимся, разговариваем ежедневно и сохраняем веру в Бога. Мы – команда! И после тридцати семи лет совместной жизни тот обет: «Я обещаю любить и заботиться о тебе в болезни и здравии, в горе и радости, пока смерть не разлучит нас» – все еще продолжает быть актуальным. Мы совершенно точно можем сказать: «Наш брак будет длиться в горе и в радости, пока смерть не разлучит нас, благодаря вере в нашего всемогущего Господа».

Мэрилин Филипс

Что угодно за бакс

Так просто потерять голову от любви, но

*непросто найти того, кто вернет ее.
Неизвестный автор*

Если бы существовало место под названием «Жизнь без источника дохода», я была бы королевой этой земли. Не могу сказать, что принимаю этот титул охотно, но у меня не раз была возможность научиться управлять домашним хозяйством, используя нестандартный подход и располагая минимальным бюджетом. За те короткие десять лет, что я замужем за своим королем, он терял работу четыре раза. Три раза мы сидели на мели почти год. Когда это случилось в четвертый раз, первыми словами, которые сорвались с моих губ, были: «Ты немедленно найдешь новую работу! Ты вернешься на службу через месяц!» Впрочем, едва ли я верила собственным словам, произнесенным с неестественной улыбкой.

В этот раз мы стали жертвами экономического кризиса, причем, как и многие другие. Мой муж был замещен молодым птенцом, уносившим домой жалованье вполовину меньше. Однако знание этого факта ничуть не облегчило нашу участь, и было непросто смириться с тем, что все свои финансовые мечты мы должны будем на время отложить в сторону. Мы были на грани того, чтобы выскользнуть из состояния процветания в режим выживания. Снова.

Следующие несколько дней остались в памяти размытыми и нечеткими. Не только потому, что мне было непросто смотреть сквозь слезы, но и потому, что я была ослеплена гневом. Я не могла смотреть ему в глаза, позволить какой-то телесный контакт. Я физически была неспособна обеспечить моему раненому мужчине то, в чем он нуждался больше всего. А нуждался он в том, чтобы любимая жена лелеяла его и подпитывала его уверенность в себе. Как мог он снова очутиться в таком положении, которое подвергало опасности его семью? Был ли он когда-нибудь настоящим добытчиком? Когда у меня последний раз была защита, которой я так страстно желала? И самый тяжелый вопрос: неужели я вышла замуж за неудачника?

Главная задача жены – быть группой поддержки номер один для своего мужа.

Я знала, что моя главная задача как жены – быть группой поддержки номер один для своего мужа, чтобы не позволить ни экономической депрессии, ни нашему удобному мягкому диванчику взять над ним верх. Некоторые пары помечали свои жизненные маршруты новыми детьми или

купленными домами. Наши вешки на жизненном пути были примерно такими: «Ах да, это было после твоего увольнения с фабрики мороженого, но до этого ты продавал все, что только можно». По крайней мере, наша морозилка была забита мороженым «Бэн энд Джерриз», помогая нам пережить тот неприятный период.

Терри никогда не увольнялся просто так или, точнее сказать, никогда не увольнялся просто. Когда я погружаюсь в детали истории его трудовой жизни, я сама начинаю сомневаться в истине, а ведь я была рядом. Если бы жена другого человека рассказала мне эту драматическую историю, я знаю, что не поверила бы ей. Как один человек может иметь такую длинную цепочку с историями о несправедливом обращении? Я начала убеждаться, что он не только заслужил это, но и сам навлекает на себя разные неприятности. Но потом я сделала шаг назад и взглянула на картину целиком. Я осознала нечто, что противоречило всякой логике. Если это не была вина Терри, вероятно, виноват был Бог? Если даже Господь не собирался помогать Терри с его карьерой, кто захочет нанять человека, который никогда не удерживается на работе более пары лет? На пике своего страха, что я, возможно, выбрала не того мужчину для замужества, я начала подозревать во всем работодателей. Какая бы компания ни наняла его, она не стоила того, чтобы там работать, а любая работа, которую ему предлагали, не стоила того, чтобы ее принимать.

Вау, я оказалась в некотором роде черлидером... Но должна признать, что была одновременно удивлена и горда тем, как Терри реагировал на ситуацию. Он снова возвращался к поиску работы, записывался в центры занятости и, не тратя напрасно времени, обновлял свое резюме. Он делал стрижку, отдавал свои костюмы в чистку и регистрировался для получения пособия по безработице. Он знал эти отработанные действия, шаги, которые нужно было сделать, и он их делал. Он даже пропускал свои обычные приемы антидепрессантов и не паялся с утра пораньше на рекламные ролики по телевидению. Если он мог справляться с этим как зрелый взрослый человек, то почему я не могла?

И, стоило лишь одному слову слететь с чьих-то губ по поводу очередного увольнения Терри, звонки сочувствия и любопытства начали приходиться со всей страны. Большинство из них были добрыми и подбадривающими. Некоторые – лишь слегка приправленными словами сожаления. Но один, движимый яростью, злобный звонок был от родственницы, нежно любящей меня. Она изрыгала обвинения и мучила меня обличающими вопросами. Как посмела она назвать моего мужа эгоистичным, обвиняя его в том, что семья не была его главным

приоритетом? Ну и что, что я думала то же самое про себя, но как она могла произнести такое вслух? Какая наглость. Оглядываясь назад, я на самом деле благодарна ей за неадекватное поведение, потому что это спровоцировало во мне ответную реакцию. И я вдруг заметила, как стало возвращаться то уважение, которое я когда-то к нему испытывала.

Всякий раз, когда кто-то звонил, становилось все легче хвастаться теми положительными шагами, которые предпринимал Терри, чтобы двигаться вперед. Каждый раз, вешая трубку, мне было все легче чувствовать к нему уважение. В итоге я стала тем самым черлидером, которого он жаждал и в котором нуждался для достижения успеха. Я подбадривала и поддерживала мужа во всех его попытках найти работу. Я участвовала в каждом его шаге на этом пути – начиная с подачи заявки и заканчивая собеседованием, – и это сделало поиск работы «нашим», карьерные цели «нашими».

Если бы наш последний год был шоу-игрой, я думаю, это было бы примерно так:

– Я, Боб Уомэк, ведущий программы «Что угодно за бакс»! Игра, которая вызывает на поединок вашу скромность, вопрошая: «А что ТЫ готов сделать за один бакс?» И наш первый участник – счастливый муж и отец двоих детей из красочного Колорадо! Добро пожаловать, Терри!

– Спасибо, Боб, я рад быть здесь.

– Как вы знаете, Терри, наша игра целиком посвящена тому, насколько вы готовы унизиться, чтобы заработать денег. Итак, участник номер один, что бы вы сделали за один бакс?

– Что угодно, Боб. Я готов сделать что угодно, чтобы позаботиться о своей семье. Я встану задолго до восхода солнца зимой и поеду на границу штата устанавливать картонные фигурки актеров «Сайнфелда» на территории колледжа, чтобы добыть еду на стол. Затем я возьму два ящика пива, три дюжины лакричных веревок и большую сумку, набитую арахисом, и буду разносить все это вверх и вниз по крутым ступенькам футбольного стадиона, бейсбольного стадиона, по площадке шоу родео и двум концертным павильонам, если только это поможет мне заплатить ипотеку. Я изучу исследования рынка о потребительских продуктах и политических течениях. Я буду тайным покупателем в сетях закусочных и парикмахерских. Боб, я даже оденусь шестифутовым гекконом и проеду по гоночному треку на гольфмобиле. Я сделаю что угодно за один бакс!

Реальный победитель этого шоу – я. Я выиграла главный приз: мужа, которым горжусь. Того, кто готов не только сделать что угодно за бакс, но и бороться за нашу любовь и нашу семью. Как я могу не уважать это?

Карен О'Киф

Дважды за жизнь

Прошлое позади нас, любовь впереди и вокруг нас.

Эмми Вудхул-Бах

«Мы не смогли его спасти», – с дрожью в голосе произнес доктор. Эти слова эхом отдавались в моей голове, когда я спускалась на этаж реанимации, отказываясь верить в случившееся. Моя родная душа, мой пятидесятишестилетний муж Сид, с которым мы прожили почти тридцать восемь лет, умер от внезапного сердечного приступа.

Справившись с первым шоком от его смерти, я прошла через многочисленные этапы горя, включая депрессию, гнев и смятение. Консультации психолога помогли невероятно, особенно в том, что касалось совершенно неожиданной для меня темы – чувства вины за собственное счастье.

Позднее встретив Тома и влюбившись в него, я ликовала и в то же время чувствовала какое-то замешательство. Как могла я полюбить кого-то кроме Сиды? Я чувствовала себя лгуньей. Я осознавала, что Сид был бы рад моему счастью, но сердцу принять этот факт было нелегко, и для этого требовалось много времени и усилий.

В конце концов мне помогло справиться с этим чувством вины осознание, что я по-настоящему удачливая женщина. Многим ни разу за всю жизнь не удается встретить настоящую любовь, мне же посчастливилось любить и быть любимой двумя прекрасными и такими разными мужчинами. Сид был идеален для молодой, наивной невесты, Том же подходил для шестидесятилетней, более уверенной в себе, независимой женщины, какой я стала с тех пор, как мой муж преждевременно умер.

Почти два года спустя после смерти Сиды Том и я посетили его могилу. Я была в объятиях мужчины, которого любила, рыдая по другому мужчине, которого тоже любила. Но как это ни странно, это не казалось таким уж невыносимым. Вокруг была полная тишина и покой. Мне было очень уютно в любящих объятиях Тома, но то, что я чувствовала, было чем-то гораздо большим.

В тот промозглый ноябрьский день ветер был таким же холодным, как и длинная бетонная скамья, величественно возвышающаяся рядом с семейным склепом. Вдруг легкий теплый ветерок поцеловал мне лицо и

приласкал волосы. Я знала, что это был Сид, говорящий мне, что он счастлив за меня и что он рядом, – эдакая улыбка издалека. В моем сердце навсегда останутся воспоминания о прошлой любви. Но у меня еще достаточно любви в сердце, чтобы поделиться ей с кем-то другим. Я чувствовала, как последние остатки вины утекают прочь и сливаются с пушистыми облаками над нами.

Я вздохнула и положила голову на плечо Тома. «Какая же я счастливая, – подумалось мне, – я испытала настоящую любовь дважды в жизни».

Мелинда Ричарз Лайонс

Чего ты не знаешь

Любите друг друга, и будете счастливы. Это так же легко, как и трудно.

Майкл Лениг, карикатурист

Когда ты молода и ничего не смыслишь в игре под названием жизнь и выбор спутника жизни – особенно если ты молодая глупая христианка и пытаешься повиноваться Богу, – тебе, чтобы выйти замуж, вероятно, достаточно того факта, что ты влюблена и твои гормоны взбесились. Год совместной жизни кажется невыносимо долгим, тринадцать лет представляются довольно смутно, а вся жизнь выглядит просто непостижимой.

Ты еще не знаешь, что эти тринадцать лет пройдут, не успеешь и глазом моргнуть.

Когда ты надеваешь белое платье и даешь клятву «...в горе и радости», ты не знаешь, насколько ужасным может быть это «горе». Ты не знаешь, как тяжело страдать три года от бесплодия, затем защищать свое решение усыновить ребенка перед людьми, которые считают, что тебе лучше потратить свои силы на лечение, и потом еще три года страдать послеродовой депрессией. Ты не знаешь, когда даешь обет «в богатстве и бедности», что значит настоящая бедность. Ты не знаешь, что те сто долларов, на которые ты жила в колледже, будут выглядеть как манна небесная после тринадцати месяцев безденежья.

Когда вы собираете вещи и переезжаете в ваш новый дом, ты не понимаешь, что та пара трусов, которые он, скомкав, кидает на пол, всегда

будет там и что посуда, которую он оставляет в раковине, – тоже. И даже несмотря на то, что ты не собиралась оглядываться ни на отца, ни на мать, ты вовлечешь их в ссору, чтобы доказать свою позицию, что посуду не следует оставлять в раковине, а трусы не должны валяться на полу, будто там им и место, если их намереваются надеть снова.

Ты не знаешь, что те соглашения, к которым вы пришли в первую неделю медового месяца, не будут выполнены, и не важно, насколько ты это ненавидишь, и не важно, сколько раз ты напоминаешь о них. Грязная посуда будет по-прежнему в раковине, а ржавчина – в туалете (пока свекровь не придет нас навестить).

Ты понятия не имеешь о том, что он по-прежнему будет хотеть тебя с этими складками на животе и отвисшими грудями. Ты не знаешь, как это прекрасно – смотреть в маленькие голубые глазки ребенка и видеть своего супруга. Ты не знаешь, что, глядя на темнокожее лицо своего сына, ты увидишь в нем своего мужа, потому что воспитание может обмануть природу. Ты не знаешь, что, когда в итоге забеременеешь после усыновления и родится белый ребенок, твой муж скажет, что ты обманула его, потому что его дети темнокожие.

Ты не знаешь, что, когда тебя посетит дикая мысль стать писателем или создать свою собственную компанию, твой супруг станет твоим самым лучшим другом. Ты не знаешь, что, даже когда твоя семья решит, что твой муж чокнутый, ты уцепишься за него еще крепче. Ты и не подозреваешь о том счастье, которое почувствуешь в этот момент.

Согласитесь, когда вы молоды и глупы, вы не понимаете, во что ввязываетесь.

Не понимаете.

Но я рада, что ввязалась.

Джеми Дриггерс

Он сделал меня королевой

*Любовь уж не любовь, когда меняет цвет в
малейшем измененье.*

Уильям Шекспир, поэт и драматург

Джин, мой жених, крепко прижимал меня к себе, когда мы выходили из кабинета врача.

– Ничего не случится с твоими глазами. – Он поднял мой подбородок кончиками пальцев и смахнул слезинку с моей щеки. – У нас впереди свадьба.

Я купалась в его нежности, но в моих мыслях все еще эхом отдавались слова доктора, сказанные несколькими минутами раньше. Он посветил ярким светом в мои расширенные зрачки и произнес:

– Хм... сетчатка повреждена.

Ладони у меня вспотели, а сердце бешено заколотилось.

– Вам нужно быть готовой, – сказал он. – Никто не знает, как долго еще вы будете видеть.

Я оперлась на Джина, на его сильные и нежные руки, пытаюсь избавиться от безрадостных мыслей. Ну же, на данный момент мое зрение в норме, я влюблена, и моя мечта о замужестве вот-вот станет реальностью.

Прошло несколько месяцев, и наконец наступил день моей свадьбы! Одетая в белое, я готовилась пройти по церковному коридору и встретить своего принца.

– Ты готова? – прошептал мой отец.

Я кивнула и положила свою дрожащую руку в его ладонь. Наши шаги были медленными, когда мы двигались по проходу между рядами под звуки королевской изысканной музыки. Украшения из свежих ярких цветов по сторонам создавали невидимый купол легкого аромата. Солнце сияло сквозь витражные окна, рисуя разноцветные фигуры на мраморном полу, добавляя волшебства этому моменту.

«В радости и горе...»

Настал день, когда я проснулась, и мир вокруг меня исчез.

Эти слова касались чего-то очень далекого, так казалось в тот счастливый момент, а мое сердце пьянело от мечты об этой «радости». Но девять лет спустя мой мир погас, пришел черед «горя» – слова, некогда сказанные офтальмологом, обернулись отрезвляющей правдой. Мое периферийное зрение стало ухудшаться, и происходило это очень быстро. Я села рядом с Джином на диван.

– Мне надо сказать тебе кое-что.

Он нажал кнопку на пульте, убавив звук телевизора, и повернулся ко мне:

– Что случилось?

– Я думаю, что не смогу больше водить. Что-то не так с моими глазами. Рассказ о том, что я часто натыкаюсь на детей и открытые двери шкафа,

и даже пропускаю ступеньки, не удивил его. Он знал это, как и я. Но разговор об этом сделал ситуацию до боли реальной.

С каждым месяцем мое поле зрения уменьшалось. Начались отчаянные поиски лечения и визиты к специалистам, но все ответы не давали нам надежды. Наши мучения все возрастали.

Пролетели еще несколько месяцев. Теперь я смотрела на мир словно сквозь замочную скважину. И потом настал этот день – я проснулась, и мир вокруг меня исчез. Горечь и гнев заполнили мои дни. Несправедливо, что это несчастье коснулось нас обоих. То, чего мы боялись, стало незваным гостем в нашем браке.

Каждый из нас принял это по-разному. Джин отдалился, а я сражалась с собственным отчаянием, осознавая, что не могу быть ни хорошей женой, ни матерью. Я чувствовала себя никчемной, нелюбимой и уродливой. Но трое наших маленьких сыновей не давали мне возможности опускать руки, постепенно я свыклась со своей участью и стала жить дальше.

Джин и я начали молиться вместе – не самая привычная для нас вещь, но мы были настойчивы.

– У нас все будет хорошо, – уверял он меня.

Домашние дела, с которыми прежде я справлялась с легкостью, теперь занимали вдвое больше времени. Но терпение Джина было непомерным. Разделение белья для стирки на белое и цветное было для меня невозможным. Однажды в спешке я выгрузила белье из корзины в стиральную машину. Вот тут-то я почувствовала все понимание Джина, когда он мягко пошутил, предложив немного отбеливателя для своей розовой футболки.

Блюда, которые я готовила, не соответствовали написанным рецептам. Вместо этого я добавляла ингредиенты по своему вкусу. К моему удовольствию, результат радовал и Джина, и наших маленьких сыновей.

Шли годы, переворачивая страницы нашей совместной жизни. Некоторые были окрашены болью потери нашего младшего сына, тогда как другие морщились от попытки поправить неожиданные финансовые неудачи. Но все страницы были бережно сложены вместе и обрамлены верой в силу Господа.

И, хотя я была не способна увидеть собственное отражение в зеркале, я видела отражение Бога в зеркале нашего брака. Едва уловимый, сладкий аромат одеколона Джина вселял в меня уверенность, когда мы, держась руки, молились об удачном дне, прежде чем он уходил на работу.

Однажды я прокомментировала:

– В этом ресторане ужасно холодно, правда?

И мгновение спустя ощутила легкий свитер на своих плечах. Джин быстро выскользнул из-за столика и достал его из машины. Он обернул его вокруг меня и запечатлел поцелуй на моей щеке.

– Принести тебе еще тарелку салата из бара? – спросил он в тот самый момент, когда я закончила то, что он принес мне в первый раз.

И это далеко не единичный случай, эту чуткость он проявляет и по сей день.

Как бы мне хотелось вернуть ему все то, что он подарил мне, – эту безусловную любовь. Как бы я желала иметь возможность сказать: «Не волнуйся, милый, оставайся дома и отдохни. Я обо всем позабочусь». Или, может быть, вот это: «Как насчет того, чтобы я почитала тебе что-нибудь для разнообразия?» Но этому никогда не суждено осуществиться.

Как-то раз, читая мне книгу, он на мгновение остановился. И тут я спросила:

– Ты когда-нибудь думал о том, что хотел бы жить с женщиной, которая видит? – Я никогда не спрашивала его об этом прежде, а теперь продолжила: – Тогда тебе не пришлось бы делать столько всего. Скажи мне правду.

И я затаила дыхание, ожидая его ответа.

Спустя несколько мгновений тишины я услышала, как он кладет свои очки на стол.

– Правда в том, что ты, вероятно, делаешь гораздо больше для меня, чем когда-либо делал для тебя я. Мы с тобой отличная команда на данный момент, и мы будем вместе до конца.

Лежа рядом со своим спящим мужем, я дотягиваюсь и нахожу его сильную руку. В спокойствии ночи мои мысли бешено мчатся. Слезы текут по щекам, пока благостное чувство благодарности не переполняет меня. Слушая звук ритмичного дыхания Джина, я вздыхаю с облегчением. Я восхищаюсь мужчиной, который заглянул далеко за пределы моего недостатка. Своей любовью и пониманием он сделал меня настоящей королевой.

Жанет Перез Эклес

Взболтать и смешать ^[29]

*Любовь, как землетрясение, –
непредсказуемая, немного пугающая, но, когда
самое страшное позади, ты понимаешь, как тебе*

на самом деле повезло.

Неизвестный источник

Нам с мужем был необходим этот отпуск на Большом острове на Гавайях. Работа на родине в Южной Калифорнии была изматывающей для нас обоих, и те часы, которые мы напрягались вне дома, означали, что у нас не было времени друг для друга. Ужины были быстрыми и на ходу, в выходные мы наверстывали то, что не успевали за неделю, выполняя бумажную работу и работая в саду, забывая о том, что такое поспать подольше и поздно встать, да что там – забывали просто обниматься. Я не могла припомнить, когда мы последний раз были вместе дольше, чем длится быстрый поцелуй в щеку.

Уже второе утро мы были на отдыхе, и, наконец, наша жизнь вошла в привычную колею. Мы предвкушали, как будем прогуливаться по острову, останавливаясь в маленьких магазинчиках по пути и обедая в местных ресторанчиках.

– Я пойду побреюсь, и потом ты можешь принять ванну, – сказал Роджер.

Я стояла у громадного окна – от пола до потолка – нашей комнаты на пятом этаже гостиницы.

– Хорошо, – ответила я.

Вдруг комната начала трястись. Окна затрещали, зеркало грохнулось на комод, пол задрожал.

– Землетрясение! – закричал Роджер.

– О боже мой! – завопила я.

– Уходим отсюда, быстро!

Я кинулась в его объятия, и он прижал меня к себе. Так крепко, что я едва могла дышать. Отель трясло так сильно, что не было никакой возможности выйти. Пол и стены двигались так явно, что мы не могли сделать ни шагу. Я все повторяла одно и то же, снова и снова «О боже мой», и сама удивлялась тому, сколько раз сказала это. Казалось, это будет длиться вечно. Я боялась, что что-нибудь упадет на нас сверху, или пол ускользнет из-под ног, или рассыплются стены. Все здание трясло так неистово, что казалось, оно вот-вот раскрошится на мелкие кусочки.

Мой муж одной рукой крепко прижимал меня к себе, а другой прикрывал мою голову. Я окаменела, но его сила действовала на меня успокаивающе. Наконец эта бешеная тряска прекратилась.

– Это был самый большой толчок, – сказал Роджер. – Пойдем на выход,

может последовать другой.

Мы сунули ноги в какую-то обувь, я схватила кошелек, а Роджер взял ключи от машины. Мы сбежали вниз по ступенькам и едва отошли шагов на двадцать пять от здания гостиницы, как все начало трястись снова. Мы со всех ног бросились к парковке.

– Что происходит? – спросила женщина из Миннесоты.

– Землетрясение, – ответил мужчина. – Первый толчок был, вероятно, больше шести баллов. Повторный был послабее.

– Мы на острове. Не поднимется ли вода и не затопит ли нас тут всех? – послышалось с другой стороны.

– Да, что насчет цунами?

Паника прокатилась в толпе. Менеджер отеля собрал всех.

– Мы рады, что вы все благополучно вышли из отеля и все в порядке. Оставайтесь здесь, пока отель будут проверять на наличие структурных повреждений. Мы дадим вам знать, когда вы сможете войти.

Роджер и я пошли к машине и включили радио. В новостях сообщали, что первый толчок оценивается в шесть с половиной баллов, следующий – в два с половиной. Эпицентр был всего в шести милях отсюда.

– Не удивительно, что это было так ужасно, – сказал Роджер. – Мы были практически в эпицентре.

В новостях также сказали, что цунами нам не грозило, но это не успокоило панику, поднимавшуюся вокруг нас.

– Вы, ребята, из Калифорнии, верно? – спросил какой-то мужчина с женой и двумя детьми, стоявший неподалеку. – Мы из Бостона. Произошло что-то ужасное или как?

– Да, это было довольно неприятно. Худшее, что с нами когда-либо случалось, – ответили мы.

– Вы уедете? Хотите уехать отсюда?

– Нет, мы останемся. Если говорят, что это безопасно, мы останемся.

Мы ждали на автостоянке и периодически включали радио, чтобы узнать новости. Аэропорты были закрыты, и отключена электроэнергия. Два часа спустя волна ужаса заполнила воздух. Люди бросились бежать от отеля по направлению к возвышенности. «Предупреждение о цунами! Займите высокие точки!»

Мы не слышали никаких новостей об опасности, но все же я начала нервничать.

– Может, нам пойти повыше? – спросила я Роджера.

– Они сказали, что опасности цунами нет. – Он взял мою руку и крепко сжал ее. – Все будет хорошо.

Позже нам всем позволили войти внутрь. Молоденькая девушка, неотступно следовавшая за родителями, говорила: «Мама думала, что мы все умрем». Я обняла ее. Она тихо плакала.

В тот день вышло солнце. Ветер раскачивал пальмы.

Отель организовал бесплатное барбекю для всех гостей. Мы сидели на улице с остальными, благодарные, что избежали этой природной катастрофы, которая часто заканчивается большими жертвами.

– Я так рада, что жива, – сказала я.

– Я тоже, – ответил Роджер. – Хочешь уехать, когда нам разрешат покинуть остров?

– Не думаю, а ты?

– У нас дома тоже такое случается, только мы оказываемся далеко от эпицентра. Мне хорошо здесь, если тебе хорошо.

– Пока мы вместе, мне хорошо.

Он дотянулся до моей руки и вытащил меня из кресла:

– Иди ко мне.

Я села рядом с ним, и он обнял меня.

– Я люблю тебя, – сказала я.

– И я тебя.

Мы остались даже после того, как снова заработали аэропорты и возобновились полеты. Многие места были заколочены и закрыты наглухо, но единственное, что случилось лично с нами во время этого землетрясения, – это встряска в наших душах. Жизнь порой коротка. Землетрясение может открыть глаза на этот факт. Мы вернулись домой из этой поездки с обновленным ощущением того, что действительно важно в жизни, и это точно были не часы, проводимые нами на работе, хотя мы и должны были трудиться, чтобы оплачивать счета. Что по-настоящему важно, так это уделять время друг другу. Сейчас мы проводим больше времени, обнимаясь, заботясь друг о друге и наслаждаясь тихими, спокойными мгновениями. Я бы не пожелала еще одного такого опыта, но тот, который был, действительно разбудил страсть в наших душах, снова разжег нашу любовь друг к другу.

Би Джей Тэйлор

На пути к вечности

Родственные души – это когда люди обнаруживают лучшее друг в друге. Они

несовершенны вообще, но совершенны друг для друга.

Неизвестный автор

Когда-то я думала, что любовь – это цветы и шоколад от симпатичного мужчины в элегантном смокинге, напевающего песни о любви. Я была уверена, что любить означает быть без ума от того, кто считает тебя самой прекрасной девушкой на свете. И я была счастлива найти именно это.

Родственная душа появилась в моей жизни, когда я не была уверена, что с ней делать. Я ощущала, что мне чего-то не хватает – того, что не могли обеспечить ни школа, ни работа, ни друзья. Когда я встретила Лэйна, как бы банально это ни звучало, что-то щелкнуло во мне, и я ощутила ту самую полноту.

Период ухаживания был коротким, но очень милым. Он водил меня в необычные рестораны и катал в карете по городу. Он готовил для меня лазанью и играл «Лунную сонату» на фортепиано. Мы часами говорили обо всем и ни о чем. Меня будоражило, когда я слышала его голос по телефону, и я считала часы до нашей следующей встречи.

Мы поженились холодным февральским днем, окруженные семьей и друзьями. Даже вечность не казалась достаточно длинной, чтобы провести ее с тем, кого я так любила, и я могу сказать не кривя душой, что в тот день я любила Лэйна всем сердцем. Я не могла представить, что можно любить сильнее, чем я.

Первые два года совместной жизни были веселыми. Конечно, были и шероховатости, но мы очень хорошо все улаживали, и время бежало быстро. Вскоре, однако, мы оба почувствовали, что чего-то недостает.

Этим «что-то» стали три прекрасных малыша, которые появились в последующие пять лет. Наша жизнь была радостной без них, но теперь она стала еще активней, еще более сумасшедшей и в то же время необычайно наполненной.

Постепенно я стала замечать, как в действительности мало любила его в тот холодный февральский день. Правда, я любила Лэйна всем сердцем, но что-то случилось на пути к вечности – мое сердце стремительно выросло.

Понимаете, мы пережили все, деля испытания на двоих. Мы видели, как умирали наши близкие в больницах, переживали финансовые трудности. Каждый день мы сталкивались с испытаниями, когда нужно было столько всего сделать за такой короткий срок.

Каждая беда, которую мы преодолевали – любая болезнь, ошибка и трагедия, – разбивала мое сердце. Самое забавное в этой истории с разбитыми сердцами то, что после исцеления любовью они становятся еще больше.

Теперь любовь для меня выглядит по-другому, и это не цветы и шоколад. Я просто потрясена, когда мой замечательный муж предлагает, например, убрать то, с чем я сама не справлюсь. Я польщена (и благодарна), что он находит меня красивой, даже когда я надеваю свой старый балахон и собираю волосы в хвост. И я нахожу его более привлекательным, когда он в халате поет колыбельные нашим детям, а не в смокинге песни о любви для меня.

Точно так же, как в день нашей свадьбы, я не могу представить, что могу любить его больше, чем люблю сейчас. Однако сейчас я мудрее, и я знаю, что жизнь предоставит мне бесчисленные возможности увеличить мою любовь к нему. И я готова к любым радостям и даже горестям, потому что они навсегда переплетены с радостями и горестями другого человека.

Неожиданно вечность кажется идеальным отрезком времени, которое можно провести с тем, без кого я не могу представить своей жизни.

Кимберли Б. Гэррет

Глава 8. И жили они долго и смешно...

*Смех – это самый быстрый способ
сократить дистанцию между двумя людьми.*

Виктор Борге, пианист и комик

Инструкция по применению мужа

*Почему женщина десять лет упорствует,
чтобы изменить привычки мужа, а потом
жалуется, что это не тот мужчина, за
которого она выходила замуж?*

Барбра Стрейзанд, певица

Поздравляем с приобретением вашего новенького мужа образца 2016 года. Вы выбрали лучшее, что может предложить современная биология в качестве спутника жизни. И поскольку ваш муж-2016 был создан на века, данное руководство поможет вам в эксплуатации и уходе, чтобы получить максимум от вашего мужчины.

Рекомендации по стирке. Несмотря на множество усовершенствований, внедренных в модель нынешнего года (как, например, автоматическое опускание туалетной седушки, ограниченные способности в уходе за ребенком), в ней все еще отсутствует опция автоматической стирки. Так что вам придется постоянно напоминать вашему мужу, чтобы он собирал свою грязную одежду, сортировал ее по цвету и стирал равномерными партиями. Некоторые владелицы справедливо полагают, что проще выполнять эти функции самостоятельно.

Рекомендации по одеванию. Большинство мужей выпускаются лишь с двумя типами гардероба – для работы и повседневный. Поэтому, пожалуйста, удостоверьтесь, что вы сможете поучаствовать в приобретении вашим мужем любой одежды, во избежание неприятных сюрпризов. Как и в предшествующие годы, муж-2016 имеет заранее установленные предпочтения в стиле, которые могут противоречить вашему вкусу. На сегодняшний день нам еще предстоит усовершенствовать модуль приемлемого «чувства цвета», хотя модель класса премиум включает опции делового стиля для каждодневного

использования. **ВНИМАНИЕ:** настоятельно рекомендуется мониторинг гардероба, особенно по выходным. Постоянный контакт мужа с мешковатыми балахонами и дырявыми футболками может аннулировать гарантию качества.

Рекомендации по готовке. Если вы выбрали модель класса премиум, вы можете рассчитывать, что ваш муж успешно будет справляться с приготовлением пищи самостоятельно в течение многих лет. Стандартная модель, однако, имеет немного навыков приготовления пищи и ограниченное количество рецептов. Пока вы не готовы вкладывать время, необходимое для тренировки вашего мужа в кулинарном искусстве, не ожидайте большего, чем поджаривание тостов и кипячение воды. Тем не менее все модели снабжены функцией приготовления барбекю на открытом воздухе.

Рекомендации по выслушиванию. Несмотря на годы исследований, мы все еще не в состоянии произвести мужа, способного по-настоящему выслушать женщину. Жены могут сколько угодно упрашивать своих супругов выслушать их и «выразить свои чувства», мы не даем гарантии, что вы достигнете каких-либо ощутимых результатов. Благодаря упорным усилиям некоторые потребители научили своих мужей принимать вполне удовлетворительную позу, имитирующую слушание.

Рекомендации по сохранению хорошей формы. Ваш муж-2016 имеет превосходную форму с правильными пропорциями. Тем не менее, чтобы поддерживать эту форму и пропорции, вам следует настаивать на строгом режиме ежедневных упражнений и здоровой диете. Неудачные попытки по поддержанию активности мужа и несбалансированное питание часто заканчиваются ленивым супругом с увеличенным объемом талии и отвисшим задом. **ВНИМАНИЕ:** не полагайтесь на домашние тренажеры и всегда тщательно нормируйте пиво, пиццу и чипсы.

Рекомендации по романтическим отношениям. Хотя способности мужа-2016 по выслушиванию ограничены, у него прекрасное зрение. Поэтому, чтобы активировать романтическую функцию, сделайте акцент на визуальном воздействии. Заумные беседы и эмоциональные навыки все еще недоступны для этой модели, хотя наши инженеры-генетики надеются получить усовершенствованный продукт к следующему тысячелетию.

ОГРАНИЧЕННАЯ ГАРАНТИЯ. Ваш муж-2016 защищен гарантией от незначительных производственных дефектов в течение девяноста дней. Если по каким-либо причинам вы решите отказаться от вашего мужа в течение этого периода, мы вернем полную стоимость, но только в том случае, если он будет возвращен в оригинальной комплектации. После

этого вы станете независимы.

Дэвид Мартин

Замужем за метросексуалом

Мы не можем по-настоящему любить того, с кем никогда не смеемся.

Агнес Репплайер, писательница и историк

Я по-прежнему отчетливо помню наше первое свидание с любимым. Он появился на моем пороге, одетый в черный шелковый костюм и элегантные туфли на шнуровке, и повел меня на концерт джазового пианиста. До этого я встречалась по большей части с типами, неряшливо одетыми в полинялые простые футболки, чьи музыкальные пристрастия не простирались дальше «Дайр Стрейтс» и Уорена Зивона. Так что это было, мягко говоря, непривычно – находиться рядом с мужчиной, который открыто поигрывал с кольцом на большом пальце и был известен тем, что покупал необычные косметические средства по уходу за лицом.

Со временем, однако (пятнадцать лет, если быть точной), мне удалось смириться с тем фактом, что я замужем за метросексуалом. Но, признаюсь, это было непросто.

Взять хотя бы недавний случай в магазине спорттоваров в Нью-Джерси, куда мы специально выбрались из Лондона, чтобы купить мужу новое снаряжение для силовой йоги.

– Что вы думаете? – спросил он владельца магазина, появляясь из примерочной в обтягивающих штанах для йоги.

Небольшой мускулистый мужчина неловко отвел взгляд:

– Я... ээ... я думаю, эти... что они для... эээ... женщин.

Даже для моего необычного мужа это было слишком, и впоследствии он приобрел менее подходящие мужские шорты размера М вместо женских размера L. Но не без критики в свой адрес всю следующую неделю.

– Они действительно сидели лучше, – настаивал он.

«Это из-за той удобной прокладки, что есть на женских штанах?» – хотела спросить я. Но промолчала.

Согласно Википедии, «метросексуал» – это «...неологизм, обычно используемый для обозначения гетеросексуальных мужчин, крайне озабоченных своей внешностью, чей стиль жизни демонстрирует

атрибуты, обычно наблюдаемые среди мужчин-геев». В самиздатовском духе Википедии позвольте мне предложить некоторые опытные данные, чтобы расширить это определение.

Первое: «крайняя озабоченность своей внешностью». Абсолютно так. Когда мы жили в Чикаго, мой муж даже имел персонального шопера-осведомителя. Этот мужчина – по-моему, его звали Оскар – постоянно оставлял сообщения для мужа с приглашениями на «Ночь мужчин» в местном гипермаркете «Маршал Филдс». Он неизменно приходил к нам домой во всех этих полосатых обтягивающих свитерах а-ля Уилл^[30] из комедии «Уилл и Грейс» (из-за чего порой я задавалась вопросом, был ли интерес Оскара к внешнему виду моего мужа только коммерческим). И да, на случай, если вам вдруг интересно, мой муж много экспериментировал с одеколонами (но он не токсикоман).

Второй элемент, определяющий метросексуала, – это вкус ко всему утонченному и изысканному. При первой встрече с моим отцом муж описывал вино как «напоминающее траву» (мой отец вырос в Ньюарке, и поэтому он куда ближе был знаком с «Пабст»,^[31] чем с пино нуар^[32]). Совсем недавно, когда мы пытались вспомнить название одного *шоколатье* в Париже, мой муж велел мне заглянуть в его закладки в браузере и поискать это имя в метке «Темный шоколад». Даже не стоит говорить, что дома мы пьем исключительно кофе эспresso. И разумеется, мы вместе слишком долго, чтобы меня могло удивить видео, которое он прислал мне недавно по электронной почте, где подробно рассказывалось о наилучшем способе вспенивать молоко. Я уже говорила про йогу?..

И наконец, метросексуал имеет признанную страсть к гаджетам. Машина для приготовления эспresso за \$1200 и пара измельчителей специй, вероятно, самые очевидные свидетельства этой его особенности в нашем доме. Мой муж всегда читает каталоги таких заведений, как «Левенжерс»^[33], делая нас счастливыми обладателями (перечислю только немного) этой волшебной штучки, которая удерживает ваш бублик, пока вы разрезаете его пополам... этой необходимейшей подставочки, что держит вашу газету таким образом, что вы можете читать одну колонку зараз... и этого миниатюрного бритвенного лезвия, которое поможет вам вырезать газетные заметки вместо ножниц. Когда мы разгружали наши сумки после очередного опустошения «Таргета»^[34], я совершенно не удивилась, обнаружив устройство, разделяющее пополам авокадо и идеально нарезающее его. Потому что никогда не знаешь, когда может понадобиться одна из таких штучек...

Безусловно, имеются и некоторые преимущества жизни с мужем, который – выражаясь на родном наречии моей страны – не ужасно «туп». Во-первых, у меня есть свой собственный консультант по стилю. Хорошо заточенное европейское чувство стиля означает: что бы я ни надела, это становится предметом его критических замечаний.

– Тебе действительно не следует носить завышенную талию, – заметит он, когда я буду спускаться в шортах, которые закрывают пупок на сантиметр.

Или:

– О, нет! Баклажанный цвет определенно не твой.

И хотя я, признаться, частенько не выношу подобных комментариев, он неизменно оказывается прав. Думаю, я единственная женщина – среди наших знакомых, – которая покупает бюстгальтеры со своим мужем.

Во-вторых, я постигла несколько действительно полезных навыков по ходу нашей совместной жизни. В прошлом имея скромненькую кофемашину, теперь я могу готовить эспрессо на самой лучшей из них. В таком городе, как Лондон, где капучино может обойтись в пять баксов, способность конкурировать с лучшими бариста на Хай-стрит весьма окупается. И сколько людей вы знаете, которые могут идеально располовинить и нарезать авокадо всего одним плавным движением?

Наконец, какой другой мужчина согласился бы смотреть со мной все эти фильмы производства «Мерчант энд Айвори»^[35].

По большей части, однако, я получаю удовольствие от тех нюансов, что связаны с вызывающей метросексуальностью моего мужа. Юнг как-то превосходно сказал, что все мужчины скрывают внутреннюю женщину в своем бессознательном. Мне нравится думать, что мои дети только выиграют от того, что их отец куда более близок, чем обычный мужчина, со своей внутренней женщиной. Мой сын, в частности, знает, что это совершенно нормально – играть на скрипке и любить музеи и что нет необходимости отказываться от этих увлечений только потому, что ему также нравится футбол. И в нашем мире, с его самыми разными стереотипами, основанными на гендерных различиях, – порой имеющими глубокие последствия для государственной политики – я счастлива иметь мужа, который с легкостью игнорирует любые навязанные ярлыки. В конце концов, как это здорово, что и после пятнадцати лет брака – даже несмотря на те штаны для йоги – я по-прежнему ловлю себя на том, что согласна с одним практикантом из моего офиса, который однажды сообщил мне по секрету, что мой муж «очень даже ничего».

Не желаете ли чашечку эспрессо?

Делия Ллойд

Долорес и яйца

Вы знаете, как они говорят: «Сын остается мне сыном, пока не женится, а дочь остается мне дочерью всю жизнь».

Стэнли Бэнкс, из фильма «Отец невесты»

Долорес была одна на кухне, готовила завтрак, когда я вошел и сел за стол. Мы обменялись вежливым, но осторожным «Доброе утро», и я стал наблюдать за ней, суевающейся у плиты. Она жарила яйца, и почему-то я заключил, что слезы, выступившие на ее глазах, были не от порезанного на омлет лука.

Со своей будущей тещей я встретился впервые прошлой ночью. Я недавно вернулся в Штаты, два с половиной года проскитавшись по Европе после окончания колледжа в 1971 году. Это было обычным делом в те времена, и я прибыл в ее дом, щеголяя типичными регалиями тех бродячих времен: волосы до плеч, пышная борода и абсолютное отсутствие каких-либо перспектив на будущее, за исключением женитьбы на единственной дочери Долорес – Денис, с которой мы встретились во время моих странствий. Эта новость предшествовала моему приезду, и я смог немедленно распознать, что моя наружность несколько не смягчила шока от этой весьма оригинальной новости.

Я наблюдал за ней, уставившейся на свою сковородку так, будто это был экран авиадиспетчера. Она пыталась скрыть слезы, но у нее не очень-то получалось.

– Эти слезы из-за меня, да? – спросил я.

Она кивнула утвердительно.

– Это потому что я женюсь на вашей дочери?

Ее подтверждение снова было незамедлительным.

– И вы боитесь, что я буду неспособен стать для нее хорошим мужем?

Ее не совсем охотный кивок подтвердил, что попадания было три из трех. Я восторгался ее честностью, параллельно думая о том, что ей бы чертовски хотелось сейчас отравить меня этими яйцами, не дав попробовать затем ни кусочка своей дочери.

С годами мое вступление в брак приобретало в глазах тещи куда

меньшее значение, чем принятие мной решений в рамках семейной жизни. Как, например, в тот раз, когда я впервые оставил свое место банковского служащего без поджидающей меня какой-либо другой работы. Побуждающим мотивом этого моего решения было третье вооруженное ограбление банка менее чем за год, и это казалось неубедительным оправданием по сравнению с тем фактом, что ее дочь подвергалась опасности остаться без средств к существованию. Или мое колебание по поводу детей. Или тот раз, когда я решил купить наш первый дом в Южной Филадельфии, что пока еще не намекало ей на «ответ» в том, демографическом смысле. Или в тот раз, когда я решил устроиться на работу далеко на севере штата Нью-Йорк, отправив таким образом в изгнание ее единственную любимую дочь и теперь еще внуков-близняшек в американскую Сибирь. К тому времени, я уверен, мои непрерывные обязательства по отношению к браку стали менее важными с ее точки зрения. Так что дом, который я купил там и который, по словам моего тестя, был «странной и уродливой развалюхой», вероятно, стал последней каплей, убеждающей Долорес в том, что я приношу с собой все только самое ужасное из перечисляемого в свадебных обетах новобрачных (то есть бедность, болезни и смерть).

Но наряду с тем, что Долорес не могла скрыть своих чувств по поводу меня (это был очень пристальный взгляд без единого слова, который она бросала на меня, будто на какой-то удаленный холм, на котором виднелся, вероятно, силуэт дерева), ей всегда удавалось быть тактичной. Во всех отношениях она вела себя как идеальная теща, никогда не вмешиваясь и не вторгаясь в семейные отношения своей дочери – ну, исключая разве что редкие тычки по поводу детей, которых я в конечном счете по-мужски помогал произвести на свет. После того как я сам стал отцом взрослых дочерей, я мог оглянуться назад и лучше понять, какой ходячей катастрофой я ей казался тогда. Я чертовски восхищаюсь ей. И она была лучшей бабушкой, какую вы только можете себе вообразить для своих детей.

Несколько лет спустя я согласился на переезд в более гостеприимную Атланту. И в это последнее наше пристанище, что смогла увидеть Долорес, еще будучи в живых, она приехала, чтобы навестить нас. Это был светлый, современный, в колониальном стиле дом с алюминиевым сайдингом и открытой террасой, которая выходила на частную площадку для игры в гольф. Это не было ни Южной Филадельфией, ни северным Нью-Йорком. Я признался как-то раз Долорес, что купил наконец дом, который ее дочь всегда считала домом мечты. Долорес метнула в меня такой узнаваемый

взгляд осуждения и уничтожения, но на этот раз сопровождала его словами.

– И давно пора! – воскликнула она с особым ударением, которое, казалось, отдалось эхом во всех тех прежних годах вплоть до той первой встречи на ее кухне.

Долорес скончалась в этом доме мечты своей дочери в один из визитов в Атланту. Возможно, она чувствовала, что ее работа по защите дочери была наконец завершена и она может доверить мне принимать правильные решения отныне и навсегда. С многих точек зрения Долорес ушла слишком рано, что же касается принятия мной верных решений, то с этой точки зрения ее уход был, пожалуй, самым преждевременным. Затем последовали два сомнительных перемещения на Средний Запад, прежде чем я сделал разумный ход и мы вернулись назад в Филадельфию. Но даже при всем этом был еще один поворот судьбы, который, я уверен, заставил бы ее сожалеть о решении не класть что-нибудь в те яйца, когда у нее был такой шанс.

Один друг однажды описал мое решение покинуть относительную безопасность корпоративного мира, чтобы стать писателем и посвятить этому делу все свое время, как «отважное и глупое». Это решение все еще балансирует туда-сюда между полюсами отваги и глупости. После десяти лет работы у меня все еще бывают такие дни, когда я нервно шагаю по дому, ожидая прихода чека среди других электронных писем в моем ящике – денег, которые необходимы для оплаты счетов. Клянусь, в такие моменты я явственно чувствую, как моя теща переворачивается в гробу. Это заставляет меня думать, что каким-то образом она незримо присутствует в нашей семье, предостерегая меня от куда более глупых решений.

В качестве предосторожности, однако, я настаиваю на том, чтобы самому себе готовить яйца по сей день. Потому что иногда дочь Долорес, которая с годами трансформировала этот холодный пристальный взгляд матери в нечто, что может быть описано как «Этот Взгляд», выдвигает предположение о том, что это, вероятно, была мудрая школа, научившая меня тому, как действовать решительно.

Рэйд Шампань

Больше чем слова

Разве мы не два тома одной книги?

Марселина Деборд-Вальмор, поэтесса

На прошлой неделе мой муж Боб и я отмечали нашу двадцать пятую годовщину свадьбы. Я думаю, что одна из причин, почему наш брак до сих пор жив, – это то, что мы так хорошо умеем разговаривать без слов.

Недавно мы были на утреннем приеме, где один неприятнейший человек разглагольствовал о политике. Боб и я сели за стол лицом к лицу. Лишь взглянув друг на друга, мы заговорили: «Фу... фу...» Мы продолжали этот разговор, однако ни один из нас не произнес ни слова вслух.

«Мы можем идти?» – спросил Боб взглядом, который был мне очень хорошо знаком.

Я налила ему немного вина. Это значило: «Еще нет».

«Давай уберемся отсюда», – умолял он меня глазами.

Я села с ним рядом. «Я думаю, думаю!» – сказала я молча.

Я и мой муж Боб отлично умеем разговаривать без слов, и это одна из причин, почему наш брак до сих пор жив.

Он кашлянул. Я взяла его за руку, что означало: «Не надо этих гриппозных штук. Все всегда знают, что ты хитришь».

Он стиснул мою руку. «Скажи, что у тебя проблемы по-женски, никто не спросит тебя ни о чем», – могла прочесть я в его жесте.

Я сжала его руку в ответ: «Я уже делала это в прошлом месяце. Если я скажу это еще раз, люди начнут думать, что я больна».

Он дотронулся до своей верхней губы, что говорило мне: «У тебя на лице какая-то белая дрянь прилипла».

Я смахнула это и кивнула молча: «Спасибо».

Я нервничала на вечеринках. Ну ладно, я нервничала везде. Но на одной праздничной встрече писателей я заставила себя заговорить с женщиной, к которой в обычной обстановке страшно боялась приблизиться. К счастью, Боб был рядом. И наш молчаливый разговор действительно много значил для меня.

– Мне понравились ваши рассказы, – сказала я ей.

В этот момент Боб был сзади меня и мог видеть, что моя блузка задралась, открыв не только бархатные брюки, но и колготки, торчавшие из-под них. Это было не очень мило.

Он подошел ко мне вплотную, украдкой делая быстрые движения глазами в направлении моих колготок.

«Не здесь, – сказала я без слов. – Ты спятил, что ли?»

Он положил руку мне на талию, посмотрел на мое озадаченное лицо и быстро поправил блузку. Я благодарно ему улыбнулась.

«Ты не проверишь мои волосы, не застрял ли там случайно кусочек туалетной бумаги? – услышал он мои мысли. – В прошлом году такой кусочек был на моей голове. Я до сих пор не могу сообразить, как он там оказался».

Он посмотрел на меня сверху.

«Ты такая простодушная. Я люблю это в тебе», – подумал он.

«Я вовсе не простодушная», – беззвучно ответила я, намазывая пальцами на крекер сыр бри.

И вот вечером, накануне нашей двадцать пятой годовщины, я получила из Индианы дюжину пончиков «Криспи Крим» для Боба. Их не продают в том месте, где мы живем.

Это сразило его. Но вы только представьте, что придумал он. Он сделал своими руками вышивку со словами нашей любимой песни: «I'll be loving you... always»^[36]. Это была самая красивая вышивка, какую только можно вообразить.

Но знаете что? Если бы на ней не было слов, я бы догадалась, что он хотел мне сказать. И когда речь идет о том, что позволяет нам сохранить отношения, я думаю, что именно вот ЭТО. Взаимочувствование. Теплота Боба, когда я чем-то напугана ночью. Прыжок в его объятия, когда историю, которую я написала, приняли в издательстве. Объятие «не сдавайся», когда следующие десять историй были отвергнуты. Пожатие плечами «ничего страшного», когда я чертовски сконфужена, потому что на вечеринке сказала что-то, чего не должна была говорить, или наоборот, не сказала, что должна была сказать.

Молчаливая беседа – она вмещает в себя больше, чем могут выразить любые слова.

Молчаливая беседа. Могу поспорить, что мы все делаем это десятки раз за день. Но когда мы с любимым человеком, ничего важнее этих моментов не существует. Потому что они вмещают в себя больше, чем могут выразить любые слова.

Сарали Пирел

«Одно из тех утр»

Цветы вырастают из темноты.

Корита Кент, монахиня и художница

Раздражающий визг будильника вытащил меня из сладких сновидений. Я вытянул руки из-под одеяла, чтобы выключить его. Мои неуклюжие пальцы нащупали кнопку «подремать», нажали, но тут же отскочили, ощутив ледяной пластик.

– О нет, – простонал я, – только не снова!

Перекатившись на бок, я натянул одеяло повыше на плечи, прижался к жене Кэрол, повернувшись к ней лицом, и осторожно поцеловал ее. Радио щелкнуло, и утренний ведущий с местной радиостанции подтвердил мои опасения. Накануне вечером температура в Ориллие упала до рекордных тридцати градусов ниже нуля. Это было «одно из тех утр».

Будучи новобрачными, Кэрол и я столкнулись с множеством испытаний, и не последним из них была жизнь в старом доме на Среднем Севере Канады. Одной из самых тяжелых оказалась первая зима. Была середина февраля 1970 года, и я преподавал в близлежащем городке. Мы страстно желали перебраться в сердце «коттеджной страны» Онтарио, как и большинство молодых пар. Кэрол и я имели далеко идущие планы и при этом были весьма ограничены в деньгах. Тем не менее нам удалось наскрести первоначальный взнос, и накануне рождественских каникул мы покинули нашу удобную квартиру в городе и въехали в очень старый домик на берегу озера Коучичин.

И хотя летом наш новый домик был полон идиллии, зимой он превращался в изолированное от всего мира, непригодное для жилья место. Мы смогли устроить туалет на улице и душ, но условия по-прежнему были спартанскими. Крошечный камин и темпераментная керосиновая плитка были нашими единственными источниками тепла, и в доме не было изоляции, так что замерзшие трубы и канализация были обычным делом и вечным источником проблем в нашем замерзшем жилище. Мы гордились собой, что нам удастся все это преодолеть. Снарядившись в арктические сапоги и сплошные зимние комбинезоны, мы провели ту первую зиму, перелопатив тонны снега, нарубив целый лес дров и используя фен для размораживания водопроводных труб в по-настоящему холодные дни. Наша любовь крепла, когда мы вместе вступали в ежедневную борьбу с суровым сельским бытом. Однако оказалось, что то утро принесло нам самое тяжелое испытание.

Мы проснулись в морозилке! Тридцатиградусный мороз превратил керосин в печке в желе, отрезав течение горячего по теплопроводу, и я уже знал, что наш водопровод тоже, должно быть, замерз. Это мог бы быть идеальный день, чтобы не выбираться из постели. Но, как преподаватель на испытательном сроке, я был обязан идти в школу.

Я протестировал температуру, выдохнув на постельное покрывало и с ужасом наблюдая за тем, как паровое облако поднимается к потолку. Взяв себя в руки, я сбросил одеяло и ступил на пол. Ледяной холод линолеума обжигал мои голые ноги, пока я, как начинающий йог, ходящий по раскаленным углям, протанцовывал свой путь к коридору и обогревателю. Я открыл резервный бак, чиркнул спичкой, и, слава богу, пламя занялось.

К счастью, трубы в ванной не разорвались, и после некоторых осторожных манипуляций с феном горячая вода заструилась из водопровода. С благодарностью в мыслях разместившись в прекрасной теплоте воды, я услышал какой-то глухой шум из передней комнаты. Должно быть, это Кэрол встала, чтобы начать свою повседневную работу по дому. После отогрева кранов на кухне она оставляла их открытыми, чтобы вода прочистила систему труб, а затем шла орудовать своим надежным топориком, чтобы наколоть щепок для камина.

«Какая команда!» – думал я, лежа в ванне, не подозревая о драме, разворачивающейся на кухне.

Несмотря на то что краны на кухне были разморожены, трубы раковины все еще оставались замерзшими, не позволяя стечь воде. Вскоре раковина переполнилась, и вода начала выплескиваться на суперледяную поверхность линолеума. В этот момент Кэрол отвлеклась от своего дела, в ту самую секунду, когда топорик опускался вниз. Пронзительный крик боли наполнил арктический воздух дома.

Возбужденный, я выскочил из ванны, вода лилась с моего тела, когда я спешил спасти ее. Когда я достиг передней комнаты, то столкнулся с ужасающей сценой.

Моя любимая сидела напротив камина, левая рука была зажата в правой, кровь сочилась сквозь пальцы и капала в топку.

Она плакала:

– Я отрубила себе палец! Я отрубила себе палец!

Сосредоточившись на Кэрол, я совсем упустил из виду опасность, которая поджидала меня самого, и решительно зашагал голым и неподготовленным по скользкому ледяному полу кухни. И когда я меньше всего этого ожидал, мои ноги стали скользить и я грохнулся на пол, ударившись головой, а затем прокатился по комнате и врезался в стену. К тому моменту, когда моя голова прояснилась, Кэрол поминутно то плакала от боли, то смеялась надо мной.

Было по-прежнему очевидно, что требуется немедленная медицинская помощь. Кэрол была уже одета, так что я завернул ее руку в импровизированную повязку из полотенца и поспешно натянул свой

сплошной комбинезон для поездки в город. Слава богу, нагреватель блока цилиндров сохранил в нашем верном «шевроле» тепло, достаточное, чтобы завестись. Однако все остальное в машине, включая обогреватель, было наглухо замерзшим. Нет проблем! Я вел машину, Кэрол орудовала скребком для окна невредимой рукой, и так миля за милей на просевших шинах мы тащились по сельской дороге, пока наконец не добрались до городской больницы.

Медсестра тут же проводила Кэрол в процедурный кабинет, оставив меня заполнять бумаги. Желая достать бумажник, я схватил бегунок молнии на своем сплошном зимнем комбинезоне и потянул вниз, расстегнув его до пупка. «Упс!» Под ним я был абсолютно голым.

Пока дежурный в регистратуре справлялся со смущением, я быстренько застегнулся и стал вспоминать необходимую информацию по памяти.

Появилась медсестра и пригласила меня в процедурную. Кэрол очень повезло! Доктор объяснил, что, несмотря на временную потерю чувствительности кончика пальца, кость не повреждена. Ноготь отрастет, и рана затянется! После нескольких швов, наложения повязки и звонка моему понимающему начальнику в школу мы направились домой.

Наша любовь встретила немало вызовов, и трудности лишь укрепили ее.

Дома я разжег камин и сделал кофе. И спокойно сидя у огня, глядя друг на друга поверх края дымящихся кружек, Кэрол и я тихонько улыбались. Хотя были изрядно побиты и изранены. Мы пили друг за друга, потягивая маленькими глоточками кофе, тихо поздравляли себя с еще одним пережитым приключением.

Наша любовь встретила еще немало вызовов, прежде чем мы подошли к своей первой годовщине и преодолели гораздо больше в последующие годы. Трудности укрепили наши отношения, и теперь, сорок лет спустя, когда завывают зимние ветры и сильно падает температура в Онтарио, мы пьем друг за друга наш утренний кофе в Аризоне, благодарные, что нам больше не придется пережить «одно из тех утр».

Джон Форрест

Разбитая фара

Смех – это солнце, оно прогоняет зиму с человеческого лица.

Виктор Гюго, писатель

Спустя три года после свадьбы у меня диагностировали третью стадию рака груди. С самого начала мой муж был рядом. Он записывал меня на приемы, организовывал процедуры и всегда дарил мне нежность и любовь. Это была не просто забота хорошего парня. Он был моим невоспетым героем, и я очень сильно любила его.

Он возил меня от одного доктора к другому, никогда не жалуясь. Он смеялся и плакал со мной и был преданнее любого Лесси. Я не знаю, что бы я делала без него.

После второй химиотерапии тонкие безжизненные волоски стали сыпаться с моей головы, поэтому он предложил мне побриться. Он пожужжал машинкой по бокам и затем остановился, чтобы сделать снимок моего ирокеза, прежде чем завершить работу.

Он протянул мне зеркало и сказал:

– Улыбнитесь, мистер Ти^[37].

– Очень смешно.

Когда мы только начали встречаться, нам обоим нравилась песня «Forever and Ever»^[38] Рэнди Трэвиса. Слова подходили как нельзя лучше: там он поет о том, что он влюблен не в ее волосы, и, если они выпадут, он все равно будет любить ее. И он любил.

После шести месяцев химиотерапии хирург провел частичное удаление молочной железы. Из-за огромных повязок я понятия не имела, как выглядят мои надрезы.

Когда мы направились к доктору для снятия швов, муж прочитал беспокойство в моих глазах. Он уверил меня с самого начала: единственное, что имеет значение, – это то, что я выиграла битву с раком, так что мы сможем состариться вместе. Но сможет ли он теперь почувствовать ко мне то же самое, что и прежде?

– Дорогая, не беспокойся, – сказал он. – Все будет хорошо.

Когда назвали мое имя, он предложил пойти со мной. Не уверенная в собственной реакции, я пообещала, что справлюсь сама. Доктор снял последние остатки марли, и я была в шоке от того, какой ущерб причинен моей груди.

Но доктор был доволен своей работой.

– Выглядит отлично, – произнес он.

Легко ему говорить.

Мой муж подпрыгнул, когда я вошла в комнату ожидания, и спросил:

– Все в порядке?

Я кивнула, но в глубине души по-прежнему переживала, как он отреагирует, когда увидит мое тело. Мы попытались начать разговор, но молчание оказалось лучше.

Единственное, что имело значение, – битва с раком была выиграна, и мы могли состариться вместе.

Вернувшись домой, я помчалась напрямик в спальню, чтобы хорошенько рассмотреть все в зеркало. Вскоре мой муж незаметно вошел и нежно обнял меня. Затем он посмотрел вниз и начал смеяться, но мне было не до смеха.

– Родная, ты напоминаешь мою старушку «шевроле».

– Что это значит? – спросила я.

– Одна из твоих фар направлена не в ту сторону.

Глянув вниз, я обнаружила, что он прав. Удаление четверти груди дало интересный эффект – она была приподнята вверх, и выходило, что одна грудь указывала на север, а другая, благодаря силе притяжения, – на юг. Его раскатистый смех заполнил комнату. Он объяснил, что они с братом брали свою старую развалюху, когда хотели поохотиться на енотов. Поврежденная фара светила вверх на деревья и гарантировала успешную охоту.

Он пытался сдерживаться, но широкая улыбка расплывалась по всей физиономии. Когда я сама разразилась смехом, ему пришлось поддерживать меня, чтобы не упасть, и мы хохотали до колик в животе.

Когда мы наконец наохотались, он сказал:

– Шкурки сейчас, должно быть, стоят куда дороже.

Не теряя зря времени, я спросила:

– Когда поедem охотиться?

Я была готова идти дальше по жизни рядом со своим любимым.

Элис Е. Мушани

Лорель Розенберг, Шварц Розенберг, Шварц Розенберг

Что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет.

Уильям Шекспир, поэт и драматург

В настоящий момент я Лорель Розенберг. До этого я была Лорель Шварц. А до этого я была Лорель Розенберг, и поверите вы или нет, но еще раньше я была Лорель Шварц... и до того мое имя при рождении, или, как обычно его называют, мое «первое» имя было Лорель Розенберг. Каждая смена имени была отмечена разными мужчинами. Вероятно, здесь могли бы сказать, что я прошла полный цикл или даже цикл в квадрате.

Когда я была молоденькой девушкой и слушала Джонни Матиса, я мечтала найти Прекрасного принца и выйти за него замуж. Такие имена, как Фрэнки Авалон, Рики Нельсон, Стив Маккуин, Бобби Дарин, Нил Даймонд, Пол Маккартни и даже Элвис Пресли, плясали и искрились в моем воображении. Я представляла свое имя как миссис «Любое из этих имен» на блокноте для рисования и украшала его по краям сердечками и бабочками. Это было чистой романтикой. И ни в одной своей фантазии я не могла вообразить свое будущее как бесконечное чередование одинаковых имен.

Я искренне верю в то, что «чип любви», вживленный в меня при рождении... был запрограммирован на атаки исключительно Розенбергов и Шварцей. Он, должно быть, был у меня в позвоночнике, потому что я никогда не видела, как они подходили ко мне... пока они не завладели моим сердцем и я не выходила за них замуж.

И о чудо! Я уходила в плавание семейной жизни без забот, снова, и снова, и снова. Хорошо, что у меня не было морской болезни.

Некоторые женщины охотнее берут фамилию мужа, когда им не нравится их собственная. Это не мой случай. Для меня это одно и то же, только лишь без одинаковых ДНК и родственных связей. Однако эта вечно преследующая меня путаница обрушилась на меня и многих, кто перешел мою дорожку.

Давайте начнем с узаконивания моей личности. Вы имеете понятие о том, сколько документов нужно заполнить, чтобы сменить фамилию? Одному богу известно, сколько раз я должна была звонить, писать и говорить, чтобы произвести эти изменения. Я забочусь о том, чтобы выражать свои мысли ясно. Но тогда это было похоже на разыгрывание «Кто на первой базе»^[39]. Беседы обычно проходили так: «Какая ваша девичья фамилия? Какая фамилия мужа? Нет, вы сказали, что это ваша девичья фамилия...» И чем больше я повторяла правильное имя, тем дольше это продолжалось, пока я сама не переставала быть уверенной в том, кто я. Мне возвращали бланки, потому что я якобы ошиблась в написании собственного имени. С другого конца столов или конторок на меня обрушивались недвусмысленные взгляды недоверия и все остальные

прелести, начиная с подмигиваний и усмешек и заканчивая здоровым смехом. Я прошла через эти пытки со всеми своими документами, начиная с социальной страховки, водительских прав, кредитных карт, которых у меня было много, паспорта, страховки недвижимости – формы, формы, формы и еще больше форм – и заканчивая коммунальными счетами и т. д. и т. п. В общей сложности выходило приблизительно пятьдесят документов, которые менялись четыре раза, что равняется по крайней мере двумстам документам за всю мою жизнь... и это еще не конец... я имею намерение выйти замуж снова «в один прекрасный день».

И вдобавок ко всему, я множу количество монограмм на моих полотенцах и белье. Шикарные банные полотенца из мягкого египетского хлопка и изящные атласные простыни, прошитые белым кружевом... Если бы я имела хоть малейшее понятие о будущем, я бы сохранила их для подходящего имени. Мое серебро высшей пробы оставалось со мной дольше, чем любой из мужчин. К счастью, оно никогда не подвергалось гравировке, иначе вся фактура давно бы истерлась.

Что касается моих личных украшений, я осторожна с тем, когда и что надеваю, и особое внимание я уделяю кольцам. Хотя все же на одном изысканном ужине мой (на тот момент) супруг обратил внимание на то, что на мне было не «наше» обручальное кольцо. Я быстро попросила еще бокал шампанского.

Почта создает дополнительные проблемы. Некоторые знакомые, друзья и коллеги не всегда в курсе, что я сменила фамилию, а уж почтальоны и подавно сдаются в попытке разобраться, что к чему. Особенный праздник у них случается на Рождество, когда приходят многочисленные открытки.

Я уже не говорю о моем смущении, когда на какой-нибудь вечеринке по случаю Дня благодарения я откликаюсь и на Розенберг, и на Шварц, едва осознавая, что в настоящий момент я не та. В этом возрасте вполне нормально, что женщина может забыть, сколько ей лет, но забыть свое имя?... Люди начинают беспокоиться за меня.

Поскольку можно менять написание фамилии и я уже пробовала использовать в своей дефис, остается только вариант, когда соединяются обе фамилии. Пожалуйста, Шварцберг-Розенварц или как вам будет угодно.

Теперь мне бы хотелось рассказать о тех периодах жизни между браками, когда я имела официальный статус «в разводе», еще один ярлык или имя. Так что, помимо этого ярлыка, представьте мое замешательство по поводу того, какую фамилию использовать.

Не желаю показаться старомодной, но вы ведь помните те времена,

когда при получении багажа проверяли личность его хозяина? Я была задержана в аэропорту и устроила сцену, в то время как некоторые пассажиры ворчали по поводу задержки, а некоторые весело посмеивались над случившимся. Каким-то образом отрывной талон моего багажа исчез во время транзита, а кожаная бирка на моем чемодане имела надпись «Шварц», тогда как имя в билете было – догадайтесь какое? Розенберг! Так что я должна была показывать документы, удостоверяющие личность, и объяснять все снова и снова, очень медленно и несколькими служащим по порядку.

Я не игрок по натуре. Вероятность сойтись с кем-то с такой же фамилией высока... выйти замуж очень высока... в случае со мной эта вероятность просто зашкаливает, превышая все возможные пределы. Хотите заключить пари?

С момента моего последнего замужества было еще четыре Шварца, один Шварцштайн и Розенберг, которые галантно пытались завоевать мое расположение. А, чуть не забыла, был еще один джентльмен Розенберг из Техаса.

Даже с помощью профессионалов мой «чип любви», кажется, никак не извлечь, так что я пылко прошу всех Смитов, Джонсов, Кеннеди... ПОЖАЛУЙСТА, выступите из шеренги ВПЕРЕД!!!!

Или, возможно, муж номер четыре возьмет мою фамилию.

А пока «Да пребудет с вами Розенберг-Шварц», а с меня хватит!

Лорель Розенберг

Домашняя романтика

Лишь две вещи необходимы, чтобы ваша жена была счастлива. Одна – это позволить ей думать, что у нее есть свой собственный путь, и другая – позволить ей иметь его.

Линдон Б. Джонсон, 36-й президент США

В своих бесконечных попытках построить мост между лингвистической пропастью двух полов я думал, что совершенно четко понимаю это слово – «романтичный». В конце концов, насколько сложно определить это слово?

«Романтичной» может быть прогулка в лунную ночь по пляжу, взявшись за руки. Или спокойный ужин при зажженных свечах на две

персоны в какой-нибудь необычной загородной гостинице. Или позднее шампанское под светом зажженного фонаря на заднем дворе.

Что бы ни означало слово «романтичный», я знал, что это должно происходить непременно ночью, включать мою жену и что-то «зажженное». Даже ночь в походе с зажженным фонариком в палатке можно квалифицировать, по моей системе, как романтичную.

Но, очевидно, «романтичный» имеет куда более емкий и мистический смысл, если только словарь моей жены хоть в какой-то степени поддается определению.

Не один раз Шерил предлагала мне совершить некоторую работу с применением определенных усилий и с непременным условием, что мы сделаем это вместе. Что-то типа вскопать сад или собрать мебель из ИКЕА. Предлагая что-либо подобное, она неизменно заключала: «Это очень романтично».

Сначала я думал, что она шутит. В конце концов, потение, кряхтение и дикий шум во время работы молотком, пилой или лопатой не казались мне романтикой, разве что, конечно, это не включало некоторые возбуждающие элементы сексуальной ролевой игры.

Но теперь я убежден, что моя жена именно это и имеет в виду, когда говорит, что совместная работа по дому будет романтичной.

Недавно Шерил намекнула мне, что яблоня в нашем саду отчаянно нуждается в подрезке. Несмотря на то что это был первый день моего отпуска, я по дурости предложил взять напрокат цепную пилу и подрезать ветки.

– Да, – сказала Шерил, радостно подпрыгнув от моего предложения, – это будет романтично!

Так что мы направились к магазину инструментов, где нашли цепную пилу и масло для нее. Поскольку аренда предоставлялась на четыре часа, единственное, о чем я думал, – это взять пилу домой и сделать всю работу настолько быстро, насколько это возможно. Шерил тем временем, казалось, наслаждается романтичностью момента.

Для нашего романтического времяпрепровождения я надел рабочие сапоги, старые штаны, красную фланелевую рубашку и пару перчаток. На мой взгляд, это, без сомнения, был самый нестандартный сексапильный наряд, какой я когда-либо надевал, за исключением, пожалуй, моего садового ансамбля, отличающегося резиновыми сапогами и идиотской шляпой. Но для Шерил в тот момент, по всей видимости, я походил на рыцаря в сияющих доспехах.

Четыре часа спустя мы обрезали две большие ветки с нашей яблони и

несколько поменьше с соседней березы. Связали вязанку веток, собрали два мешка листьев, оставили яблоки на обочине, чтобы потом их подобрать, и доставили небольшую охапку превосходной древесины соседям для их камина.

В конце нашего дня мучений я был весь потный и уставший. Годы назад, возможно, я и счел бы это занятие подходящим под описание романтической встречи. Но, поскольку этот раз включал еще и цепную пилу с лестницей, было сложно найти романтику в только что выполненной работе.

Однако Шерил по-прежнему упорствовала, что эта будничная работа была очень романтической. Поскольку дело происходило до захода солнца и не было никакого дополнительного освещения (за исключением солнечного света, отражающегося от моего мокрого от пота лба), я просто отчаялся понять, как это возможно. Для меня единственным признаком, соответствующим поистине романтическому моменту, казалось, было то, что я надевал защиту до и мне нужно было принять душ после завершения работы. Но я, определенно, не получил того удовлетворения, которое обычно испытываю от романтической встречи.

Однако после того дня в саду я думаю, что теперь лучше понимаю значение слова «романтический». Это не обязательно должно происходить ночью при неярком освещении. По всей видимости, для этого подойдет любое время суток и мы непременно должны заниматься этим вдвоем.

Как я теперь понимаю, «романтическое» просто предполагает близость и совершение совместных действий. Так что совет для всех мужей: в следующий раз, когда вы захотите сразить свою жену наповал, забудьте об этих конфетах, цветах, ужинах и танцах. Все, что вам нужно сделать, – это сказать: «Дорогая, давай почистим вместе выгребную яму». Это звучит как нечто, требующее от вас усилий, но поверьте, это будет сладкой музыкой для ее ушей.

Дэвид Мартин

Детектив

Кто угодно может влюбиться, но только по-настоящему влюбленные могут быть глупыми.

Роуз Фрэнкен

Это действительно правда, что влюбленные буквально знают мысли друг друга и могут заглядывать в... ох... в вазочки для мороженого друг друга. Это утверждение стало невероятно реальным для меня всего за несколько дней до нашей двадцать второй годовщины совместной жизни.

Где-то в одиннадцать утра в доме раздался телефонный звонок. Это был мой муж Гарри, звонивший, чтобы просто узнать, как у меня дела.

– Привет, – ответила я.

– Что ты делаешь?

– О, да ничего, – сказала я, – у меня легкий завтрак, и одновременно я работаю на компьютере.

– Ну... и как то кофейное мороженое, что я купил? – спросил он.

Могу поклясться, я практически видела, как он улыбается.

– Что? – спросила я невинно.

– Я спросил, нравится ли тебе мороженое, которое ты ешь?

Я остолбенела. Просто остолбенела. Я покрутила головой вокруг, посмотрела назад в окно, пытаюсь увидеть что-то, с помощью чего он мог меня видеть. У меня помутилось в голове. Откуда, черт побери, он знал, что я ем мороженое?? Я НИКОГДА не была фанатом мороженого... особенно по утрам. Плюс он знает, что я пытаюсь сидеть на диете... снова.

Прилагая невероятные усилия, чтобы оставаться серьезной, я спросила:

– С чего ты взял, что я ем кофейное мороженое?

Гарри посмеивался:

– Ух... ну, по нескольким причинам. Первая – это то, что ты сказала «у меня легкий завтрак» с каким-то чувством вины в голосе. – И, прежде чем продолжить, он сымитировал, как это было. – Второе... язык у тебя, должно быть, немного замерз, потому что ты говорила чуть заторможенно.

Теперь уже я не могла сдержать смеха.

А он продолжал:

– К тому же я специально надломил упаковку с кофейным мороженым прошлой ночью, а это практически то же самое, что оставить дорожку кокаина на барной стойке для наркомана. Ты не могла его не съесть.

Мы долго смеялись вместе, прежде чем он спросил меня:

– Что случилось?

– Что ты имеешь в виду? – спросила я, все еще смеясь.

– Что-то явно должно было случиться, если ты ешь мороженое до обеда, – произнес он сочувственно.

И вдруг я почувствовала прилив любви к этому человеку на другом конце провода. Он знал меня достаточно хорошо, чтобы распознать, когда я тревожусь, и помочь посмеяться над самой собой. Какое замечательное

свидетельство близости после двадцати двух лет, проведенных вместе!

В тот самый момент я подумала, сколько бы нам ни было отпущено – еще один год или пятьдесят лет вместе, – я никогда не перестану любить своего мужа.

Элизабет Шмейдлер

Глава 9. Подарки от чистого сердца

Не может подарок быть слишком мал, чтоб не подарить, или слишком прост, чтобы не принять, если он упакован в заботу и перевязан любовью.

Л. О. Бэйрд

22, и будет еще больше

Прикоснувшись к любви, всякий становится поэтом.

Платон, древнегреческий философ

На двадцать вторую годовщину нашей свадьбы мне пришла в голову дикая идея. Я решил написать своей жене Шейле двадцать два стихотворения, чтобы выразить всю мою любовь к ней. Не будучи поэтом, я понятия не имел, во что ввязываюсь. Также я решил, что устрою ей сюрприз, организовав праздничную вечеринку, чем застану ее врасплох; в конце концов, вы когда-нибудь слышали о сюрпризе на двадцать вторую годовщину свадьбы?

Я начал готовиться за несколько месяцев, сочиняя стихи и договариваясь кое с какими друзьями жены. У одного из них был свой бизнес, связанный с типографией, а другой изготавливал вещи ручной работы и делал рисунки. Так что я, заручившись их поддержкой, заказал открытки для каждого из двадцати двух стихотворений. Знал бы я, сколько усилий потребуются для изготовления этих двадцати двух карточек для двадцати двух стихотворений о моей любви к жене, я, вероятно, придумал бы что-нибудь другое. Тем не менее к тому времени, как идеи для стихов были практически исчерпаны, я уже оказался на финишной прямой, так что продолжил эту непростую для меня работу.

Я также придумал, что на вечеринке будет двадцать один ее друг и каждый вручит ей открытку со стихами и розу. И затем я прочту двадцать второе стихотворение наизусть перед всеми гостями.

Наши друзья вызвались устроить вечеринку в своем доме. Вопрос был в том, как заманить туда Шейлу, не вызывая никаких подозрений, и не

испортить сюрприз. Я сказал ей, что для нашей годовщины закажу столик в каком-нибудь хорошем ресторане, поэтому ей не надо ничего планировать.

Но мне предстояло решить еще один немаловажный вопрос: какое стихотворение я буду читать жене перед всеми ее друзьями? Руководствуясь мужской логикой, я решил, что какой-нибудь стих покороче будет оптимальным вариантом, однако мое сердце тянулось к особому стихотворению, описывавшему наше знакомство. Я всегда верил, что наша встреча была predetermined свыше и здесь не обошлось без божественного вмешательства – об этом я и написал стихотворение. Я не мог избавиться от мысли, что именно его мне предстоит выучить наизусть. Проблема была в том, что оно состояло из девятнадцати строк. Мне придется потрудиться, чтобы его запомнить, – и время уже на исходе!

Наконец, в день вечеринки я договорился с хозяином дома о звонке, чтобы устроить нашу ловушку. Он позвонил в точно условленный момент и попросил вернуть книгу. В присутствии жены я сказал ему, что мы собираемся на ужин и можем заскочить к нему по пути. И мы могли ехать напрямиком на вечеринку без каких-либо подозрений.

Когда мы остановились у дома, я предложил Шейле пройтись со мной до двери и заодно поздороваться, чтобы не показаться невоспитанными нашим друзьям.

Мы проделали наш путь вверх по ступенькам и внутрь дома. И здесь Шейлу ждал сюрприз. У нас был сумасшедший праздник. Каждый из друзей Шейлы подарил ей открытку и розу. Затем встал я и прочел все девятнадцать строк стихотворения под названием «Чистое везение». Я отчаянно желал сделать это хорошо – и сделал!

Это было пять лет назад, и я все еще могу прочесть наизусть те девятнадцать строк.

Дэн Деврэ

Предсмертный подарок

*Есть земля жизни и земля смерти, а мост
между ними – любовь.*

Торнтон Уайлдер, драматург

Как гром среди ясного неба прозвучала его фраза:

– Знаешь, я думаю, самое время взять того щенка, которого ты так долго хотела.

Он сидел в кресле-качалке, завернутый в пушистый плед. Я переместилась на кухню, так что он мог быть рядом со мной, пока я готовила еду. Его темные волосы стали серебристыми, его голос потерял свою чистоту, и искорки поблекли в его темно-карих глазах, в которых я видела любовь на протяжении всех сорока восьми лет. Я знала: ему известно, что осталось не так много месяцев до окончательной победы рака, когда химиотерапия уже будет не в силах помочь.

Несколько лет я умоляла его завести щенка, но ответ всегда был один и тот же:

– Не раньше, чем ты выйдешь на пенсию, потому что ночью я намерен спать, а не слушать его скулеж!

Теперь я перестала работать, но не потому что пришел пенсионный возраст, а потому что должна была находиться дома, чтобы заботиться о нем, пока он сражался с монстром, притаившимся в его костном мозге.

На следующий день мы поехали в Вест-Рок-Кеннелс и взяли прелестного щенка породы ши-тцу, самого здоровенького на вид из помета. Несколько дней я сосредоточенно выбирала идеальное имя для этого милого маленького друга. Любимчик? Фриц? Пиддлз? По рекомендации сестры я в конце концов остановилась на Скоши, что на японском означало «маленький». И в то время как моя душа мертвела вместе с моим уходящим из жизни мужем, Скоши давал крохотное зернышко радости, заставляющее меня жить дальше.

Шокирующий диагноз свалился на нас летом 2002 года. Во время стандартного медосмотра в нашей местной клинике терапевт заметил необычный маркер в белке крови мужа и направил нас к специалисту для дальнейшего наблюдения, ни разу не упомянув это ужасное слово на букву «р». Когда мы подъехали к зданию профцентра в Роббинсдэйл, штат Миннесота, наши сердца бешено заколотились, так как мы прочитали слова, написанные заглавными буквами над входом: «Онкологический центр Хэмфри». После сдачи анализов и консультации с онкологом все подтвердилось. У мужа была множественная миелома – специфический термин для рака костного мозга, который считается одним из самых сложных случаев онкологии для лечения.

Шли месяцы, у нас было много разговоров на тему его грядущего ухода, и он сделал список важных вещей, которые мне следует знать, когда его уже не будет рядом. Успокоив свои мысли, я уверила его, что со мной все будет хорошо и ему не следует беспокоиться.

Однажды в октябре 2005 года визит в клинику для забора крови показал, что его грудная полость наполнена жидкостью и его было необходимо госпитализировать. Доктор планировал удалить жидкость на следующее утро и посоветовал мне пойти домой и немного отдохнуть. Сон не шел. Я молилась и просила Бога за мужа, моего лучшего друга и возлюбленного на протяжении стольких лет, умоляя избавить его от этих страданий.

На следующее утро я помчалась в больницу и нашла его необычайно рассеянным. Я напомнила, кто приходил к нему в последние дни – внук Уильям, сын Брюс, невестка Джери, священник Тим. Затем он как-то странно посмотрел на меня и сказал:

– О, Мардж, у меня так кружится голова, так кружится!

Он потерял сознание, и я, как безумная, выбежала в коридор, чтобы позвать на помощь медсестру. В течение нескольких минут некогда полный жизни мужчина, которого я любила еще школьницей, лежал спокойный и молчаливый, тогда как я опустила голову на его грудь и рыдала. Неизбежный день настал.

Я была сильной и твердой в течение недели, планируя все необходимые поминальные мероприятия. Наши уже взрослые дети пришли, чтобы быть со мной. Вместе мы выбрали музыку, которую он любил, цветы, чтобы украсить его гроб, и составили список друзей. В последний раз я взглянула на дорогое, такое знакомое лицо, мне хотелось лечь рядом с ним и отправиться на вечный покой. Но я приветствовала друзей и родственников с улыбкой. Я с гордостью наблюдала, как наши дети превозносили его, внучки читали его любимые места из Библии, и семеро внуков несли его в семейный склеп, чтобы положить рядом с матерью, отцом и бабушкой с дедушкой, где однажды и я, наконец, лягу рядом с ним, и мы снова будем вместе.

Разбрасывая ногами жухлые дубовые листья, я гуляла по дорожкам сада в предвечернее время и взывала к небу:

– Где ты? Ты видишь меня? Знаешь ли ты, что мое сердце разбито?

Мой муж наконец был свободен от боли и страданий, но я никогда не думала, что одиночество может ранить так сильно. Когда я гуляла, Скоши доверчиво смотрел на меня и ждал, сидя на кухонном окне. День за днем, устав от слез, я входила к радостному, извивающемуся, приветливо махающему хвостиком Скоши, который нуждался в моем внимании.

Друзья звонили мне время от времени, чтобы спросить, как у меня дела. Я всегда отвечала, привирая:

– О, я в порядке. Это тяжело, конечно, но я держусь.

Забавно, как нам хочется, чтобы все думали, что мы можем справиться с ситуацией, которая совершенно парализует и не оставляет надежды. Я продолжала посещать церковь, свое единственное убежище, но, когда я пела прекрасные молитвенные песни, слезы неизбежно подступали и уже скоро струились по моим щекам. Я чувствовала потребность в разрушении тех вещей, которые когда-то были наполнены для меня смыслом, но теперь перестали что-либо значить. Находясь в комнате, я намеревалась сбросить все книги с полок и раскидать их по сторонам. Направляясь утром в гардеробную, я хотела сорвать всю одежду с вешалок и потоптаться по ней.

Я чувствовала, что мои дети начинают беспокоиться, особенно дочь, которая стала звонить мне каждый вечер, чтобы просто поболтать или предложить что-нибудь.

– Мам, может, тебе сходить на прием к терапевту и спросить про употребление антидепрессантов?

Мам, я беспокоюсь за тебя.

Мам, ты не думала обратиться к психологу? Запиши номер, этот хороший.

Большую часть времени мне хотелось лежать в постели, повернувшись лицом к стене, и никогда больше не вставать. Когда я лежала вот так в один из декабрьских темных дней 2005 года, Скоши, свернувшийся комочком у меня под боком, начал шевелиться. Он вытянулся, встал и взобрался ко мне на подушку. Когда он лизнул мою щеку, я наконец осознала, что мне нужна помощь. Я схватила в объятия эту драгоценную маленькую собачку, последний подарок любви от моего спутника жизни, и бормотала «Спасибо, мой любимый Гордон!» в маленькое пушистое тело Скоши. Еще раз, даже после смерти, он сумел мне помочь. Скоши улыбнулся мне, как умеют это делать ши-тцу. И затем, собрав всю свою смелость, я смогла взять себя в руки. Я подняла трубку и набрала номер.

Маргарет М. Марти

Лучшие друзья

Друг любит во все времена.

Книга Притчей Соломоновых, 17:17

Я безнадежный романтик. Но мой муж Майк, вероятно, самый

неромантичный парень, какого я когда-либо знала. Будучи совсем юной, я воображала себя замужем за парнем, который держит мою руку в своей во время прогулки, изливает на меня всю свою любовь и наслаждается долгими беседами об особых чувствах и разных философских вещах.

Думаю, с тех пор как мы поженились, Майк коснулся моей руки всего один раз. Он лежал на больничной койке, ожидая операции и тревожась, что может умереть. Но это не в счет!

Объятий я удостаивалась, когда он хотел приобрести новую машину, графитовую теннисную ракетку за триста баксов или поехать на игру в гольф со своими друзьями.

Что касается философских разговоров – забудьте про это. Я даже не пыталась.

И, когда дело доходит до романтического особого языка, после моих слов «Я люблю тебя» его типичный ответ такой: «Как и я, детка» или такой: «И я тебя, малышка». Весьма душевно.

Думаю, Майк был вдохновителем того анекдота о женщине, которая сказала мужу на их годовщину: «Милый, мы женаты вот уже сорок лет, и с момента нашей свадьбы ты никогда не говорил, что любишь меня». На что муж ответил: «Я сказал это однажды, и, если что-нибудь изменится, я дам тебе знать».

Но есть между нами какая-то химия и единоподушие – как, например, в те моменты, когда он говорит или делает что-то бестолковое, чтобы рассмешить меня, и я так хохочу, что у меня начинают болеть бока, я не могу дышать и вынуждена умолять его остановиться. Или когда случается что-то напоминающее нам о прошлом и мы говорим одно и то же одновременно, а другие просто не догадываются, о чем речь. Или когда играет прекрасная музыка и он смотрит на меня со слезами на глазах и вытирает мои мокрые щеки, зная, что наши сердца слились в одно в этот волшебный миг.

Майк говорит, что я его лучший друг. Я полагаю, что это куда важнее, чем множество романтических словечек, публичное выражение чувств и все прочие мои фантазии.

И я знаю наверняка, что он любит меня. После операции на спине доктор сказал, что мне не следует пользоваться пылесосом по крайней мере год. Сейчас, двадцать девять лет спустя, Майк все еще продолжает пылесосить вместо меня.

– Это может навредить твоей спине, – говорит он.

Он никогда не жаловался и не обвинял меня в подкупе доктора. И если это не любовь, то тогда я не знаю, что это!

Кэй Коннер Плишка

Флакончик духов

Расту со мной! Лучшее еще придет.

Роберт Браунинг, поэт и драматург

Этот флакончик стоит на моей полочке в ванной рядом с расческой и щеткой. Теперь он на три четверти пуст. «Казак от Джин д'Элбрэт», – гласит этикетка, ее голубой цвет изрядно полинял за сорок лет.

Теперь я использую свой особый парфюм очень экономно и только по важным случаям, потому что его нечем будет заменить, когда последние драгоценные капли будут использованы.

Это моя вторая бутылочка с особым ароматом. Предыдущую... очень маленькую... Джек подарил мне на нашу первую годовщину свадьбы.

Я слышала шум глушителя нашего старенького красно-коричневого «форда» и хруст изношенных шин на гравии дорожки. В ту среду, много лет назад, муж вернулся домой из медицинской школы очень рано. Остановившись на мгновение, чтобы вдохнуть аромат пирога, который я поставила остывать на кухонный подоконник, он вручил мне маленький бумажный сверток.

– С годовщиной тебя, дорогая! Я принес кое-что особенное.

– Особенное и дорогое, я полагаю! На пакете написано, что это куплено в «Сюзанне». Ты же знаешь, что мы не можем себе ничего позволить в этом магазине.

– Я не могу позволить НЕ подарить что-то особенное самой прекрасной жене на свете. Особенно той, что испекла такой восхитительно пахнущий десерт для нашего праздничного ужина. – Его руки обвили мою талию, и он развязал завязки на моем фартуке. – А теперь иди сюда, сядь и открой мой подарок.

Он повел меня в единственную комнату в нашей крохотной квартирке и усадил на старый потертый диван.

Мои руки дрожали, когда я доставала маленький сверток из пакета. Подарок был искусно упакован в золотую фольгу и перевязан черной бархатной ленточкой, и я колебалась в нерешительности, боясь испортить эту красоту.

– Открой его, милая, открой.

– Но мы же договорились экономить деньги на твое обучение и не

покупать ничего друг другу, – протестовала я мягко и нерешительно.

– Открой его, дорогая, – настаивал Джек.

Прекрасная обертка упала, обнажив флакончик французских духов. Я знала, что это, должно быть, очень дорого. Я поднесла его к носу и вдохнула самый деликатный аромат, какой я когда-либо могла вообразить.

– О, Джек! Это восхитительно! Я больше никогда не буду использовать другие парфюмы, пока жива.

Посмотрев вниз на свои выцветшие синие джинсы и некрасивые, драные теннисные туфли, я изумилась, буду ли я достойна вообще когда-нибудь этого великолепного аромата. Я буду стараться.

Я использовала свои драгоценные духи осторожно и скупно в те первые годы нашей совместной жизни. Даже после того как Джек окончил медицинскую школу и последующую практику и наша жизнь стала в финансовом отношении гораздо проще, я по-прежнему была экономной. Даже когда у меня был большой новый диван в большом новом доме и пятеро детей, наполнивших этот дом, я продолжала ревниво оберегать мое хрупкое сокровище, символ любви молодого мужа.

И затем, в один прекрасный день, наш трехлетний Джим выпил мои драгоценные духи.

Тот день был довольно мрачным из-за сумрака и дождя. Новый щенок не давал мне уснуть полночи своим воем и лаем. И я только что заглянула в холодильник, обнаружив, что у нас закончилось молоко. Я пошла в спальню, чтобы взять кошелек и ключи от машины, и тут обнаружила, что Джим выпил мои духи! Все доказательства были налицо. Он сидел на полу, держа пустую бутылочку, его губы были влажными, и личико кривилось от чего-то неприятного.

– Джек, приезжай скорей, – выла я. – Могут духи причинить какой-нибудь вред ребенку? Джим только что выпил остатки моего «Казака»!

– Там в основном спирт, дорогая, – успокаивал меня Джек. – Но мы отвезем его в «Скорую помощь», просто чтобы удостовериться.

Маленький Джим был в порядке, и мое беспокойство за ребенка улеглось, сменившись оплакиванием пустой бутылочки из-под духов.

– Не волнуйся, родная. Мы достанем другую.

Несколько недель спустя Джек пришел домой с элегантно упакованным свертком... на этот раз с гораздо большей бутылочкой моего любимого аромата.

– Прости, это заняло какое-то время. Леди в «Сюзанне» пришлось заказывать их в Канзас-Сити. Они не продают больше их в таком количестве.

И, хотя наша жизнь наладилась и беспокойство по поводу платы за обучение или машины с шумным глушителем было далеко позади, я ценила свою новую бутылочку духов не меньше, чем раньше, и использовала их с бережливостью, граничащей с расчетливостью. Однажды, когда бутылка была наполовину пуста, я подумала, что лучше купить следующую уже сейчас. Вероятно, достать их теперь будет еще сложнее, чем несколько лет назад.

Молодая девушка за прилавком в «Сюзанне» искривила рот в улыбке, которую, я уверена, она считала доброжелательной, и сказала:

– «Казак»? У нас уже давно нет этих духов. На самом деле я даже не думаю, что производитель Джин д'Элбрэт еще существует. Однако у нас есть другие прекрасные ароматы для женщины вашего возраста.

– А мисс Сюзанна здесь? Возможно, она знает, как заказать их. Она доставала их для меня... из Канзаса, если я не ошибаюсь.

– Это, должно быть, было давно. Мисс Сюзанна умерла пять лет назад. Владельцем магазина теперь является ее сын Джордж.

Время бежало так быстро. Однажды я взглянула на бутылочку с парфюмом: там почти ничего не осталось. Я была так бережлива все эти годы. Джим и его братишки и сестрички сейчас уже взрослые. Он успешный адвокат и больше не пьет духи. Он перешел на более изощренные напитки. Волосы Джека поседели. Он ходит на рыбалку и проводит время в Интернете – и так бы и покупал по сей день духи «Казак» в большой бутылке для меня, если бы их еще производили. Думаю, он все еще достаточно сумасшедший, чтобы считать меня самой красивой женой на свете.

Моя бутылочка духов не на три четверти пуста. Она полна на одну четверть. Возможно, если я буду очень экономной... я смогу ими пользоваться до конца моих дней.

Тони Сомерс

Ненормальные

...любовь не знает своей глубины до часа разлуки.

Халиль Джебран, философ, поэт и художник

Брак моей бабушки и дедушки по линии матери был весьма нестандартным для пожилой пары. Они часто кричали друг на друга или извергали оскорбления по любому малейшему поводу, касающемуся каких-то обыденных дел. Я помню, что, еще будучи ребенком, удивлялась, почему они до сих пор вместе. Временами они были как кошка с собакой и вовсе не походили на большинство пар пенсионного возраста, наслаждающихся своими золотыми годами.

Однако казалось, что они все равно не могут друг без друга обойтись. Она не водила машину, а он не умел готовить. Он ежедневно был у нее на посылках. Она постоянно отправляла его найти идеальный перец или особенную вырезку стейка. Если он приходил с чем-то, хоть немного отличающимся от того, что она заказывала, то становился жертвой совершенно дикого разноса. Она практически все дни проводила на кухне. При входе в дом всегда можно было ощутить невероятный запах чего-то готовящегося. Она делала свежие бисквиты, и толченую картошку с подливкой, и любой торт или пирог, который только возможно вообразить. В каждый визит можно было попробовать что-то особенное. Люди заходили к ней ежедневно, чтобы угоститься и поболтать.

Казалось, он счастлив быть водителем и мальчиком на побегушках. Он выходил из дома четыре или пять раз за день. Он говорил, что любит покой и тишину.

Они трудились вместе на Рождество, делая ее фирменные торты на подарки. Каждый год у всех был апельсиновый слоеный торт, пряный торт и фруктовый торт от моих бабушки и дедушки. Фруктовые торты были поводом для многочисленных споров и оскорблений в процессе приготовления. Со стороны это выглядело даже забавно.

– Ты что, слепой? Это не тот сорт корицы, за которым я тебя посылала!

– Разумеется, я слепой, иначе не женился бы на тебе!

Несколько дней и множество ссор спустя все торты были доставлены по назначению. Я не помню, чтобы ела фруктовые торты, но они были любимыми у моего деда. Их делали про запас и ели их еще долго после того, как Рождество заканчивалось. Он ел фруктовый торт на полдник с кофе или закусывал им перед сном, запивая молоком. Она говорила, что у него будут проблемы с пищеварением из-за столь позднего приема пищи, а он съедал еще кусок, назло.

Моя бабушка умерла весной на пятьдесят третьем году их совместной жизни. Мой дедушка был совершенно потерян без нее. Все, что он видел или слышал, напоминало ему о ней. Ничего из того, что он ел, не было похоже на ее стряпню, и он больше был не в состоянии съесть ни кусочка.

Ее день рождения был вскоре после похорон, затем была встреча всей семьи, День матери... все эти дни она любила. Каждый из этих дней, впервые проведенный без нее, был почти невыносим для деда.

По мере приближения Рождества моя кузина и я испытывали ужас при мысли, что он один в доме, зная, что прежде в это время они готовили свои особые торты. Мы решили привнести новую традицию в его жизнь. Мы пекли торты, а он помогал их украшать и доставлять. Он автоматически выполнял свою работу. В доме, определенно, ощущалось отсутствие бабушки, и было очевидно, что он очень скучает по ней.

Даже несмотря на то, что дедушка с бабушкой в действительности не делали ничего особенного наутро после рождественской ночи, я не могла вынести мысли, что он будет один. Я решила во что бы то ни стало появиться там настолько рано, насколько у меня получится. Когда я вошла через заднюю дверь на кухню, я увидела его поглощающим фруктовый торт на завтрак. Я спросила, где он достал его, втайне надеясь, что мне не предложат попробовать.

Он посмотрел на меня глазами, полными слез, и сказал:

– Это последний торт, который испекла твоя бабушка. Она положила его в морозилку в прошлом году, и я не трогал его. И я так рад, что не сделал этого, потому что сейчас она все еще со мной на Рождество.

Годы, прожитые моим дедушкой после смерти бабушки, открыли мне глаза на их истинные отношения. Он весь отдался памяти о ней, и я поняла, что их брак был больше чем просто зависимость друг от друга. Они были вместе, потому что хотели этого. Они любили друг друга.

Дэна Мэй

Мой особенный ангел

*Возможно, они и не звезды, а скорее
отверстия в небе, откуда любовь наших ушедших
близких льется на нас и светит нам, давая
понять, что они счастливы.*

По мотивам одной эскимосской легенды

День, когда я вышла замуж за любовь моего детства, был самым счастливым в моей жизни. Мы дружили с третьего класса и всегда знали, что однажды поженимся и создадим семью. Наши мечты стали

реальностью.

На протяжении следующих трех лет мы жили как в сказке. Наша любовь была безмерной, и мы относились друг к другу с уважением, добротой и сочувствием. Мы никогда не думали о себе в первую очередь, а всегда о своей второй половинке. Не было ничего такого, что бы каждый из нас не сделал для другого.

Мы редко разлучались. У нас были общие интересы, и мы были самой подходящей компанией друг для друга. Мы ходили в магазин, взявшись за руки, иногда просто чтобы купить буханку хлеба. Помимо того что мы были мужем и женой, мы были любовниками и лучшими друзьями.

После трех лет брака я обнаружила, что беременна. Мы оба были счастливы. Мы часами гуляли по магазинам, выбирая одежду, мебель и необходимые вещи для нового члена нашей семьи.

Наша дочь родилась в погожий солнечный день в феврале. На наш район обрушился сильнейший снегопад за неделю до этого, и все вокруг было белым и прекрасным. Казалось, в этом есть некое знамение. Что у нашей семьи будет светлое будущее.

Следующие десять месяцев мы лелеяли нашу дочь, наблюдали, как она растет, учится ходить и говорить свои первые слова. Душа моего мужа парила, когда она первый раз посмотрела на него своими огромными карими глазами и произнесла: «Папа». Мир до этого момента никогда не был столь прекрасным.

Рождество было огромной радостью. Мы одели Мишель в красный костюм и шапку Санты и, счастливые, наблюдали за тем, как загорались глаза дочери при виде ее первой рождественской елки. Мы легли спать позже обычного, вспоминая все радостные моменты того дня. Мы были на вершине счастья и знали, что впереди у нас еще не одно Рождество.

Рано утром в канун Нового года мой мир рухнул. Я проснулась от того, что мой муж сидел на краю постели, сдавив свою грудь и плача от боли. Прежде чем я сбросила одеяло и кинулась к нему, он начал кричать. Он встал, оттолкнул меня в сторону и, шатаясь, пошел в гостиную. Я бросилась за ним, страх сковал меня, когда я снова и снова спрашивала его, в чем дело. Он не отвечал. Его крики рикошетом отлетали от стен маленькой комнаты и почти оглушили меня. Вдруг он упал лицом на деревянный пол. Затем... тишина.

Эта мертвая тишина, казалось, заполнила комнату даже больше, чем его крики еще секунду назад. Я пробралась к телефону и позвонила в «Скорую». Казалось, прошла вечность, прежде чем они приехали. Позже я узнала, что на самом деле они приехали меньше чем через четыре минуты.

Позвонив в «Скорую», я упала на колени рядом с мужем. Я потрясла его за плечи, перевернула на спину и стала звать по имени, слезы катились по моему лицу и падали на него. Ответа не было. Когда «Скорая» с ревущей сиреной въехала на нашу дорожку, я уже знала, что он мертв.

Следующие несколько дней были кошмаром. Я делала все необходимые похоронные приготовления и стояла у гроба, пожимая руки и принимая соболезнования семьи и друзей. Я не испытывала совершенно никаких эмоций. Было ощущение, что я превратилась в камень.

На кладбище отец стоял около меня. Он положил руку мне на плечо, стараясь утешить и поддержать. Я знала, что он страдает. Они прекрасно ладили с моим мужем. Но я не могла в свою очередь утешить его. Когда начали опускать гроб в могилу, я зарыдала, это был глубокий раздирающий рев, который, казалось, разорвет мою душу на части. Я полагала, что моя жизнь кончена. Я потеряла не просто мужа, я потеряла своего любимого и лучшего друга. И все это произошло в один миг. Я прильнула к груди отца, а он гладил мои волосы своей натруженной рукой и тихонько говорил слова утешения. Я помню, как в тот момент я недоумевала, как может мир быть таким жестоким.

В следующие несколько недель горе поглотило меня. Я была зла на мужа, что он оставил меня, зла на Бога, что забрал его, и зла на весь мир вообще. У меня не было ни малейшей надежды, не было возможности отрицать случившееся, ведь муж умер на моих глазах.

Три недели я почти не спала. Всякий раз, когда я засыпала, крики мужа настигали меня. Затем я просыпалась, надеясь, что это всего лишь дурной сон, и меня всю трясло. Я не могла есть, и мне хотелось умереть вместе с ним.

Все это время я жила у родителей, отказываясь переступить порог собственного дома. Для меня невыносимой была мысль о том, чтобы войти в спальню, где умер муж, и я боялась, что ее стены все еще хранят крики боли. Я не обращала внимания на дочь, закрывалась в своей бывшей детской, где просиживала часами, и оставалась глуха к просьбам матери выйти и побыть с семьей. Хотя никаких суицидальных склонностей прежде за мной не замечалось, в те дни я могла думать лишь о смерти мужа и сожалеть, что не ушла с ним. Эти мысли были верным знаком того, что я могу сделать что-то подобное.

Спустя месяц отец мне сказал, что я должна или вернуться в свой дом, или расторгнуть договор о съеме. Я понимала его логику, но даже близко не хотела подходить к тому дому. Я написала уведомление о том, что хочу прекратить аренду, попросила отца доставить этот документ по

назначению и просто умоляла его продать все из дома, за исключением некоторых личных вещей и памятных безделушек. Сначала отец запротестовал, но в конце концов смягчился и уступил. Он считал, что я должна встретиться со своими страхами лицом к лицу, чтобы продолжать жить дальше. И снова я отказалась.

Отец назначил встречу с продавцом подержанной мебели и сразу после первого дня рождения моей дочери поехал в наш бывший дом, чтобы все уладить. Казалось, он отсутствовал целую вечность, и мое воображение разыгралось. Может, что-то случилось с ним? В том состоянии душевного опустошения мне казалось, что дом проклят.

Услышав въезжающий во двор грузовик отца, я вздохнула с облегчением. Все напоминания той жуткой ночи теперь навсегда уйдут прочь. Я больше никогда не переступлю порог того дома.

Отец выглядел изможденным и уставшим. Он снял пальто и шляпу, повесил их на вешалку, достал небольшой пакет из кармана и протянул мне. Он сказал, что нашел его в почтовом ящике возле дома.

На конверте был адрес ювелирного магазина, где мы с мужем покупали обручальные кольца. Я разорвала конверт, стгорая от любопытства, что же было внутри. Высыпав содержимое, я нашла подвеску с ангелом на превосходнейшей золотой цепочке. В одно из крылышек ангела были искусно вставлены три камушка. Аметист – камень дочери, синий сапфир для меня и изумруд для моего мужа. Я посмотрела на отца. Он пожал плечами. Было очевидно, что он здесь ни при чем.

В этот момент я поняла, что в конверте что-то осталось. Письмо внутри было адресовано моему ушедшему мужу. Это было письмо-извинение, в котором говорилось, что, хотя они обещали доставку к Рождеству, произошла задержка, и они частично возмещали таким образом принесенные неудобства. Чек был приложен к написанной от руки записке моего мужа. Там было следующее: «Когда будешь надевать этого прекрасного ангела, всегда знай, что я рядом».

Прочитав это, я словно почувствовала присутствие мужа и практически увидела, как он улыбается. Я застегнула цепочку на шее, зная, что он будет рядом со мной всегда, указывая мне путь и помогая одной воспитывать нашу дочь. Меня окутал покой, и в тот момент я поняла, что ради него и дочери я должна взять себя в руки и продолжать жить.

К счастью для меня, отец проигнорировал все мои просьбы. Мебель по-прежнему оставалась в доме, где мы с мужем жили с того самого дня, как поженились. Уведомление, которое я попросила отправить отца, все еще лежало в его кармане.

На следующий же день мы с Мишель поехали домой. Я приняла решение последовать своей давней мечте и стать писателем. Осенью я записалась на писательские курсы. Спустя годы мои работы наконец стали продаваться. Как гордился бы мной мой дорогой муж.

Скорбь не прошла мгновенно. Иногда я просыпалась в холодном поту, испуганная и одинокая. Когда это случалось, я сжимала в руке своего ангела и легонько терла его. Всегда после этого меня окутывал покой, и я погружалась в глубокий сон.

Несколько лет назад я потеряла своего ангела. Сначала мое сердце было разбито. Но потом я поняла, что больше нет нужды зависеть от него, чтобы получить покой и утешение. Единственное, чего я желала, – это чтобы ангел принес покой и утешение человеку, нашедшему его. Он всегда останется моим особенным ангелом, и я никогда не забуду этого подарка, посланного мне мужем с небес. Поистине это был подарок любви.

Мэри М. Элворд

Последняя валентинка

*Любовная игра никогда не прекращается по
причине темноты.*

Том Мэссон

В тот вечер (накануне Дня святого Валентина) я по обыкновению смотрела на безрадостную картину, открывавшуюся из маленького окошка больничной палаты, вот уже в тысячный раз желая увидеть хоть что-то новое, какой-нибудь знак надежды, манящей из-за невидимого горизонта. Вместо этого все, что я могла видеть, был слабый свет над машинами и бетонное покрытие парковки. Казалось, что и внутри свет вот-вот погаснет, смягчая на время стерильную обстановку, в которой теперь находился мой отец.

Я повернулась к его кровати. Папа дышал спокойно, как будто не желая никого потревожить, поддерживая то благородное достоинство, которое так соответствовало его одинокой натуре. Я успокоилась, он выглядел расслабленным. Эта болезнь, скрытая и медленная, продолжалась уже так долго, что люди больше не присылали цветы или открытки. Они больше не знали, что говорить, и их интерес, как свет в этой комнате, просто постепенно погас.

Я была молода и еще не привыкла к часам ожидания, столь знакомым тем, кто беспомощно наблюдает за неизлечимо больным любимым человеком. Мой рассудок возвращался в более счастливые времена, и я, как на пленке, просматривала воспоминания об отце. На каждой картине он был с моей матерью. Он дарил ей цветы, и она хлопала в ладоши и мурлыкала своим сладким голосом с южным акцентом: «О, Дэйв! Это так мило!» Затем мягкий поцелуй на его щеке, и вот он уже краснеет от удовольствия. Она хранила его открытки в старой деревянной коробке, которая после долгих лет совместной жизни была переполнена настолько, что больше не могла нормально закрываться.

А сейчас моя мать, никогда прежде не оставлявшая его, находилась дома, пытаясь выспаться, в чем так отчаянно нуждалась. Без нее тишина в этой комнате была какой-то зловещей и пугающей. Повисшее в воздухе невидимое, но ощущаемое горе будто поджидало нас. Молитвы с просьбами о его выздоровлении казались бесполезными и неблагоразумными. Господи, почему мой отец медленно умирает, мучаясь от боли? Я закрыла глаза и тихо шептала, обращаясь к ним обоим: «Отец... Отец...»

Медсестра энергично вошла в палату, разрушая тишину важной деловитостью. Затем с привычной интонацией, но странной и не к месту оживленностью пропела:

– Как наш пациент?

Я отвернулась от окна и улыбнулась, но не ответила, естественно. Держа податливое запястье отца и измеряя его слабый пульс, она о чем-то щебетала. Слушая вполовину уха, я скользнула в кресло в углу комнаты и посмотрела оттуда на окно. Уже темно. Ничего не видно.

Мгновение спустя осколки ее слов вытащили меня из оцепенения и задумчивости.

– Завтра... День святого Валентина... Вы уже купили валентинки?

Магазин подарков был открыт еще час, и она сказала, что если я хочу, то могу сбежать и купить несколько открыток, а она будет рада посидеть с отцом, пока я не вернусь. В первый раз я взглянула на нее и увидела мягкий розовый свитер, молодые руки, держащие старые руки моего отца. Я благодарно кивнула и поспешила к лифту.

В магазине подарков я уставилась на ряды открыток. Взяла некоторые с надписью «Для моего отца», и неожиданно слезы заскользили по моему лицу. Почему я должна покупать ему валентинку, когда он может просто не дожить до этого дня? Почему вообще его должен заботить этот День святого Валентина?

Я возвращала их на полку, когда мой взгляд задержался на одной с надписью «Моей жене на День святого Валентина». Я вспомнила те открытки из старой коробки матери – свидетельство их почти сорока лет совместной жизни – и затем без раздумий о невозможности того, что я собиралась сделать, купила эту открытку и поспешила обратно в палату отца.

После того как ушла медсестра, я перегнулась над кроватью, слушая его слабое дыхание, и прошептала:

– Папочка, тебе нужно сделать еще кое-что. Пожалуйста, папочка. Всего одну только вещь.

Ответа не было.

Я вставила ручку в его руку и положила раскрытую открытку на его грудь. Он не шевелился.

– Пожалуйста, папочка. Это для мамы. Валентинка. Ты никогда не забывал.

Ему, казалось, не было никакого дела до моей нужды, до моей детской просьбы, и он по-прежнему не двигался.

Я шагнула в сторону от кровати, испытывая чувство стыда, что попросила его о чем-то, чего он больше не мог сделать, и прошептала молитву о прощении к Богу, что повела себя как идиотка. Время ползло медленно. До рассвета была еще уйма времени. Я подвинула кресло ближе к кровати, опускаясь в него все глубже, и закрыла глаза. И заснула.

Последнее слово всегда будет за любовью.

Несколько часов спустя я проснулась от какого-то толчка, в первые секунды не понимая, где нахожусь, и наконец осознав, что сон срубил меня, когда я была рядом с отцом у его кровати. Я поднялась с кресла и потянулась, чтобы забрать ручку из его руки. Валентинка соскользнула вниз, и, потянувшись, чтобы достать ее, я увидела, как губы отца шевелятся. Я наклонилась вперед, но не могла расслышать его. На его лице был еле заметный, тончайший след улыбки. Рука, которая держала ручку, слегка двинулась. Я взяла открытку и посмотрела внутрь. Там нетвердыми буквами было выведено: «Люблю, Дэйв».

– Спасибо, папочка, – прошептала я. – Маме это понравится.

Отец поднял свои пальцы в виде благословения, и я обняла его хрупкое тело еще раз, прежде чем он впал в забытие.

Он умер три часа спустя, когда рассвет уже набирал силу и готов был пролиться на эту часть ожидающего мира. И когда моя мама вошла в комнату, она нашла возле подушки последнюю валентинку, чудесным

образом подписанную отцом, потому что последнее слово всегда будет за любовью.

Кэролин С. Маккинни

Идеальный подарок

*Если я и знаю, что такое любовь, то лишь
благодаря тебе.*

Герман Гессе, писатель и художник

Десять лет назад в приступе ярости мой бывший муж Дэвид уничтожил мои семейные корни, когда зажег спичку над фамильной ценностью – лоскутными покрывалами, которые передавались из поколения в поколение и достались мне от бабушки. Я стояла беспомощно рядом, пока свидетельство ее любви, смелости, веры в Бога и тяжелой работы пожирало пламя.

Всякий раз, когда мне было плохо и тоскливо, я доставала эти лоскутные сокровища, аккуратно сложенные в ее кедровом сундуке, и закутывалась в них, чтобы ощутить поддержку и тепло, которые они источали. Они всегда давали мне смелость посмотреть в лицо моим страхам и встретить будущее с надеждой. Эти покрывала высвобождали из памяти теплые воспоминания, ведь сшиты они были из моих стареньких платьев. Они уносили меня назад, в то время простых радостей, когда я уютно сворачивалась калачиком под этими стегаными одеялами на деревенской кровати с пологом, а бабушка читала мне сказки на ночь. Я чувствовала, что укрыта Всемогущим, ведь бабушка говорила мне, что в каждом стежке была молитва, которой Господь благословит меня, и сохранит, и пошлет мне ангелов, которые всегда будут рядом.

Дэвид сжег даже бабушкины пальцы, с помощью которых я собиралась сделать лоскутные одеяла для двух моих дочек и будущих внуков.

Рассказывая своему парню Тодду о жестокости Дэвида, я не могла сдержать слезы при упоминании о бабушкиных покрывалах, которые потеряла навсегда. За последние семь лет, что мы встречались с Тоддом, он предлагал выйти за него много раз, и я постоянно отказывала, ощущая себя просто мастером отговорок. Во время одной ссоры Тодд спросил, почему я постоянно ему отказываю. Наконец я призналась, что после своего первого опыта больше не хочу думать о замужестве. Как я могу рисковать, ожидая,

что меня снова ранят? Как я могу научиться доверять кому-либо снова всем сердцем и какие ценные вещи у меня еще остались?

Сердечная доброта Тодда вернула мою веру в людей и дала мне смелость полюбить снова.

В один декабрьский день Тодд позвонил и сказал, что заедет ко мне, чтобы вручить подарок на день рождения и Рождество раньше срока. Едва ли я понимала тогда, что он нашел «идеальный подарок», который мог растопить лед в моем сердце и освободить меня от страхов.

Тодд прогнал меня из спальни, чтобы тщательно все подготовить. Затем он мягко взял мои руки в свои и тихо сказал:

– Прежде чем ты увидишь этот подарок, я хочу, чтобы ты кое-что поняла. Это вовсе не замена того, что ты однажды потеряла. Но, если ты сумеешь довериться мне, я надеюсь, что он расскажет о моем желании подарить тебе целый мир и наполнить твою жизнь счастьем.

Тодд открыл дверь, и я расплакалась и вскрикнула от радости при виде трех лоскутных одеял невероятной красоты, расстеленных на моей постели. Я была поражена, узнав, что Тодд может быть таким заботливым, терпеливым и сочувствующим, отдавая себя целиком, чтобы облегчить боль от моей утраты. Я не осознавала, насколько стала злой и ожесточенной, пока подарок любви не сломил защитные барьеры, возведенные в моей душе. Лоскутные одеяла и сердечная доброта и чуткость Тодда вернули мою веру в людей и дали мне смелость полюбить снова.

Джуди Фокс, записано со слов Джуди Ховард

Вечная любовь

*Любовь – это не только то, что чувствуешь.
Это то, что делаешь.*

*Дэвид Уилкерсон, евангелический
проповедник*

Мой зять Крис вертел в руках часы и постукивал пальцем по стеклу, пока дочь не обратила на него внимание. Он приехал, чтобы забрать ее после долгого рабочего дня, которому предшествовала короткая ночь, обычная для молодых родителей, и выглядел уставшим.

Хилари отвлеклась от маленькой дочки, которую усаживала в специальное детское кресло, и улыбнулась ему.

Крис зевнул и вытянул шею. Взяв кресло Эмили, он терпеливо ждал, пока Хилари не обнимет и не поблагодарит всех, кто пришел поздравить их с днем рождения малышки и принес подарки. Крис и Хилари были женаты чуть больше года, когда он стал постигать искусство ждать, ждать, ждать, и ждать, и ждать... Но после стольких лет ожидания любви эти минуты должны были показаться ему чистым счастьем. Наконец он помахал рукой и забрал жену и ребенка домой.

Я была счастлива за дочь. Хилари уже довольно намучилась. Ее первый брак был болезненным и коротким, счастье улетучилось куда-то уже через двадцать минут после завершения пышной свадебной церемонии.

Хилари много работала, чтобы вновь обрести уверенность в себе и равновесие, а затем в ее жизнь вошел Крис, и его любовь помогла завершить исцеление.

Моя тетушка и я приводили дом в порядок, когда она сказала:

– Синди, я действительно люблю Криса, но теперь я немного беспокоюсь.

Это озадачило меня.

– Что ты имеешь в виду?

– Разве ты не видела, как он вел себя, когда приехал? Едва вошел в дверь, как тут же стал подгонять Хилари, нервно барабанил по часам!

– Да он всегда так делает, – ответила я. – Разве это не мило?

Это озадачило ее, пока я не объяснила.

Когда Крис и Хилари поженились, церемония была очень скромной: присутствовали только самые близкие. После небольшого празднования Крис взял на руки свою жену и понес к машине. Когда они выпорхнули с церковной стоянки и направились к его дому, чтобы начать совместную жизнь, он почувствовал, что Хилари напряжена. По мере того как они отдалялись от церкви и приближались к тому месту, что теперь должно было стать их домом, ее опасения росли.

Крис потянулся и взял ее за руку. Они проехали так еще несколько минут, пока его будильник на часах не начал пищать.

Он оставил ее руку и стал стучать по часам.

– Ну что, Хилари, – сказал он, – мы женаты уже двадцать минут, и я все еще люблю тебя.

Он улыбнулся ей. Хилари нерешительно ответила ему улыбкой, и наступило облегчение. Крис подарил ей лучший свадебный подарок: уверения в доброте и любви.

И пять лет спустя он продолжает каждый день заверять ее в своей любви, которая теперь уже распространяется и на их дочь, и на двухлетнего сына.

И когда слова оказываются лишними или глубина чувств невыразима, он мягко стучит по своим часам – этому сокровенному свидетелю его вечной любви.

Синтия Хэмонд

Золотые звездочки

*Из всех падающих звезд, что я знаю, я никого
никогда не люблю, кроме тебя.*

Озма, «Страна Оз»

7 августа 1999 года я была на каникулах в Рэд-Лодж, штат Монтана, сидела на скамейке, наблюдая за парадом, когда моя жизнь круто изменилась раз и навсегда.

Это был солнечный теплый денек, и очень вероятно, что все население городка, насчитывающего чуть больше двух тысяч жителей, а также все туристы толпились на тротуарах. Город был наполнен возбуждением. Но я ничего этого не видела. Мои глаза были сфокусированы на чем-то другом. За моими солнечными очками было не разобрать, куда я на самом деле смотрю, особенно человеку, на которого я так беззастенчиво пялилась.

Среди всех людей, слоняющихся вокруг, мое внимание привлек мужчина, прошедший взад и вперед мимо меня уже по меньшей мере четыре раза. Сказать по правде, я заметила его еще несколько дней назад. Я шла по улице. Он сидел на веранде одного кафе в окружении людей, и они общались. Он только-только собирался отпить из чашки кофе, как вдруг мы встретились глазами. Я улыбнулась. Он немедленно опустил чашку и с улыбкой сказал: «Привет».

И вот теперь он снова был здесь. Уверена, не я одна наблюдала за этим высоким симпатичным мужчиной. Что раззадорило меня еще больше, так это ощущение, что он выглядел очень уверенным и довольным собой. Он был весьма интригующим.

Когда парад закончился, почти мгновенно люди исчезли, включая леди, которая сидела рядом со мной. Я подумала, что пора и мне уходить, но так как особо идти было некуда, я не тронулась с места. И тут он очутился прямо передо мной:

– Это твоя личная скамейка или сюда можно присесть?

Я ответила:

– Она не моя, садись.

С того момента, как он сел, мы стали непринужденно болтать, будто были старыми и близкими друзьями, которые просто очень давно не виделись. Говорят, что такое происходит, когда этого совсем не ищешь. Я не искала, и это произошло.

Будут ли эти отношения длиться до нашей смерти или закончатся завтра, я никогда не забуду этого человека.

Мы разговаривали часами напролет, каждый рассказывал свои истории из жизни. Эду было пятьдесят три, а мне сорок девять, так что нам было что рассказать друг другу.

Мы оба были предельно честны с самого начала: говорили о самых счастливых моментах и признавались в самых ужасных. Не было никакого осуждения. Никто из нас не был идеален, да мы и не собирались быть таковыми. Мы принимали друг друга такими, какие были на самом деле.

Пришлось к слову, и я рассказала ему о ситуации, в которой оказалась с одним мужчиной из прошлого. Я объясняла: то, что я хочу от отношений, это просто чтобы меня ценили. Ответ, который я получила, был таким:

– Тэна, у меня закончились все золотые звездочки^[40].

Через несколько дней после того, как я рассказала Эду об этом случае, он попросил меня достать кое-что из багажника его машины. К своему удивлению, я нашла там открытку, и, как только открыла ее, подул ветерок, и золотые звездочки разлетелись во все стороны. Он написал в открытке: «Ты больше никогда не будешь переживать о том, что тебя не ценят, и у меня всегда будет достаточно звездочек для тебя». Мое сердце весело подпрыгнуло, и слезы радости потекли по щекам.

Мы провели шесть восхитительных недель вместе, пока не закончились мои каникулы. Желая продлить это время, он предложил отвезти меня домой на машине. Неужели я предпочла бы лететь на самолете одна? Когда я села в машину, он попросил меня посмотреть назад. Я не могла поверить своим глазам: он купил ту самую скамейку, на которой мы познакомились. Теперь она стоит на моем заднем дворе, и это самое ценное мое имущество.

Это было десять лет назад. Будут ли эти отношения длиться до нашей смерти или закончатся завтра, я никогда не забуду его. Никто прежде не входил в мою жизнь так глубоко.

Он научил меня стольким вещам. Я могу находиться в отношениях и в то же время быть собой – сохранять свою индивидуальность. Кто знал, что такое возможно? Только не я.

Он верит в меня и не сомневается, что я могу все что угодно, о чем бы ни мечтала. Он подарил мне радость познать, что такое находиться рядом с лучшим другом. Я могу рассказывать ему все – не важно, глупо это или чересчур глубоко. Нет нужды скрывать свою неуверенность и страхи или успехи.

Нам весело вдвоем, играем ли мы в гольф, или гуляем по ночам, или просто зависаем дома. Вдобавок наша жизнь полна приключений, как, например, сплав по бурной реке вдвоем, нечто такое, о чем я и не помышляла раньше, – было слишком страшно.

Он любит меня, без того чтобы контролировать или как-то докучать. Я бы не променяла свою жизнь с ним ни на что на свете. Я уверена, что лучший подарок, который он мне сделал, – это возможность испытать всю глубину любви к другому человеку, всегда желая отдать больше, чем получить.

Тэна Бэт Томпсон

Секретный бульон

Любовь – это поэзия чувств.

Оноре де Бальзак, писатель

У меня и моего мужа Мэтта есть один секретный ночной ритуал. Это то, о чем не знают даже самые близкие друзья и родственники. Всем остальным мы, вероятно, кажемся обыкновенной супружеской парой среднего класса. Наша философия такова: что бы ни случилось между двумя взрослыми людьми, это нормально, если при этом никто не пострадал. Мы решили выйти через дверь черного хода и поделиться этим моментом нашей частной жизни. Наш секрет... Мэтт читает мне на ночь истории из книг серии *Куриный бульон для души*.

Для меня самый прекрасный звук на свете – это звук голоса Мэтта. Всякий раз, когда он поет в церкви, его сильный баритон расстилается над собравшимися в зале. После окончания службы дамы из нашей церкви часто хвалят его пение. Я уверена, что их пленяет это сочетание сильного голоса и какого-то мальчишеского задора в нем.

Еще встречаясь, мы с Мэттом частенько проводили вечер за чашечкой кофе, после того как я заканчивала работу в больнице. Мы сидели часами в нашем любимом местечке, держась за руки, делясь своими мечтами и планируя будущее. После этого он терпеливо ждал моего звонка, который давал ему понять, что я добралась до дома без происшествий. И затем мы проводили еще несколько часов вместе, болтая по телефону. Голос Мэтта был последним звуком, который я слышала, прежде чем погрузиться в сон. Это удивительно, как мало человеку нужно для отдыха, когда он влюблен.

Мэтт до сих пор иногда дразнит меня:

– Я женился на тебе, так что теперь могу немного поспать ночью.

Мэтт научился искусству чтения у своей матери, поскольку она читала каждому из своих девяти детей. Он продолжил эту традицию с нашими собственными детьми. Даниэль и Майкл обожали, когда он читал им сказки. Герои буквально соскакивали со страниц, когда он оживлял их, изменяя высоту или темп голоса. Я тоже любила слушать, как он читает, радуясь этим сокровенным моментам, когда мы вместе как семья. Постепенно, когда гнездышко опустело... я начала скучать по чтению Мэттом книжек.

На протяжении многих лет мы делили с Мэттом радости и горести жизни. Одним из самых серьезных бедствий было внезапное повреждение моей спины. Проблемы со спиной – это профессиональное заболевание у медсестер. Это чудовищные боли, кошмарное настроение и огромные траты. Мне пришлось пройти интенсивную терапию и реабилитацию. Мэтт был любящим и терпеливым и поддерживал меня на протяжении всего восстановительного периода.

Одной из самых больших проблем, которые я испытывала в то непростое время, была бессонница. Я перепробовала все известные на тот момент средства: регулярный режим сна, исключение из рациона кофеина, теплое молоко с мускатным орехом, ароматерапию с лавандой и расслабляющую музыку перед сном. На короткий период я прибегла к помощи снотворных таблеток. Но мне было ненавистно это вялое состояние на следующее утро, и я боялась впасть в зависимость от таблеток.

В одну особенно трудную ночь Мэтт предложил мне почитать книгу. Я была слишком уставшей, чтобы еще что-то воспринимать, но в то же время слишком беспокойной, чтобы заснуть. Естественным выбором в тот момент казалась книга *Куриный бульон для души*. В ней были собраны вдохновляющие истории о том, как медсестры влияли на жизнь своих пациентов или даже меняли ее кардинальным образом. Я слушала голос мужа, и это возвращало меня в те счастливые дни, когда мы болтали по телефону и когда он читал сказки детям. Я начинала чувствовать себя более расслабленной и после нескольких историй уже была в состоянии спокойно заснуть. Так начался наш ночной ритуал чтения Мэттом историй из книг серии *Куриный бульон для души*.

Дополнительным бонусом было то удовольствие, что мы оба получали от самих историй. Как только мы закончили одну книгу, тут же начали другую. Многие книги перечитывались не один раз. Другие мы давали

почитать нашим друзьям или членам семьи. Мы выбирали заголовки в соответствии с тем, что происходило на тот момент в нашей жизни. Время от времени какая-нибудь из историй заставляла голос Мэтта дрожать, и слезы катились по его щекам.

– Это была отличная...

– Знаешь... в один прекрасный день какая-нибудь из моих историй появится в книге *Куриный бульон для души*.

– Да, Лора, так и будет, и я прочту ее для тебя.

Лора Вишневски

Глава 10. Вечная любовь

*Мы любили любовью, которая была больше
чем любовь.*

Эдгар Аллан По, писатель

Ночной визит

*Там, где правит любовь, можно достичь
невозможного.*

Индийская народная мудрость

Я вынырнула из глубокого сна. Я была окутана теплом. Теплом Ховарда. Я могла чувствовать его, такого твердого, за моей спиной. Моя голова лежала, как на подушке, на его левой руке. Другая его рука находилась поверх меня, его огромная костистая рука держала мою, прижимая к груди.

– Х-Ховард? Я думала, ты умер, – сказала я.

– Не, я здесь. Спи давай, – прошептал он.

Он обнял меня еще крепче, и я снова заснула, не задавая больше вопросов, принимая.

Но я вспомнила, утром.

Я вспомнила то тепло, ту любовь, даже несмотря на то, что простыни позади меня были холодными.

Эвелин Л. Стрингхэм

Примечание автора: Ховард был моим мужем, ему было пятьдесят четыре. Он умер от рака мозга тремя месяцами раньше этого случая.

Девушка по соседству

*Любовь – это символ вечности. Она
уничтожает чувство времени, разрушает всю
память начала и все страхи конца.*

Неизвестный автор

Моего отца, никогда прежде не жаловавшегося на здоровье, сразила болезнь Паркинсона, и он стал медленно терять свои двигательные навыки и память. В те дни он стал рассказывать мне о девушке, которая живет по соседству и по-настоящему ему нравится.

Неделя за неделей он рассказывал мне о том, как сильно ему нравится эта девушка и как страстно он желает жениться на ней. Это продолжалось месяцами. Каждый раз, когда я видела отца, он говорил, что любит ее и собирается попросить ее руки.

Иногда он не помнил, кто я, или путал меня с сестрой. Он часто обращался к людям, которых на самом деле не было в комнате, или спрашивал меня, кто это со мной, когда я была одна.

Я не знала, как сообщить эти новости матери, новости о том, что после долгих лет совместной жизни отец влюблен в другую женщину. Я надеялась, что он выдумывает все это, пока однажды моя мать не рассказала мне (с улыбкой на лице), что отец попросил ее выйти за него замуж сегодня.

В одно мгновение все стало ясно. Моя мать жила в соседнем доме, когда они познакомились с отцом в 1945 году. Он ничего не придумал. Он переживал все это заново. Отец научил меня, что настоящая любовь никогда не кончается. Спасибо тебе, отец.

Джин Хэйл

Особые друзья, особая любовь

Каждый из нас – ангел только с одним крылом, и мы можем летать, лишь обнявшись друг с другом.

Лучано де Крещенцо, писатель и актер

История Луиса и Деб началась тридцать пять лет назад в желтом мини-автобусе, который возил их в школу и из школы. Это была специальная школа для детей с отклонениями в развитии. Деб была красавицей, с фарфоровой кожей и мягкими каштановыми волосами. Ее лицо было ясным и спокойным – полная противоположность живости моего брата, с его никогда не кончающимся и просто энциклопедическим разнообразием выражений на лице. Деб по большей части не говорила. Когда говорил Луис, это были запинаящиеся фразы, в которых он расставлял пунктуацию

своим особым образом, с помощью сигналов рукой. Тем не менее каким-то непостижимым образом они понимали друг друга.

На протяжении школьных лет они делили на двоих эти поездки в автобусе, и их обычный распорядок был предсказуемым. Луис выходил из автобуса и, взойдя на тротуар, кричал: «Пока, Деб!», провожая взглядом свою подругу, машущую ему рукой из окна, пока автобус не заворачивал за угол и не скрывался из вида. Когда подростковый возраст окропил Луиса и Деб волшебной пылью, их дружба переросла в нечто более романтическое. Деб жила неподалеку, и после школы Луис иногда прогуливался до ее дома. Вскоре он спросил, может ли она заходить к нам в воскресные дни. Обе матери были согласны, и Луис и Деб часто сидели за нашим обеденным столом, играя в бинго или тик-так-то или рисуя картинки на огромном куске белой бумаги цветными фломастерами. Они оба любили музыку, и Луис иногда ставил какую-нибудь из ее любимых записей на своем стерео. Я была их компаньонкой на этих воскресных встречах и частенько замечала, как они бросают друг на друга мечтательные взгляды поверх печенья и молока или миски теплого домашнего шоколадного пудинга.

С годами их дружба продолжала только крепнуть. В школе едва ли можно было увидеть одного без другого. Однако их счастьем вскоре пришел конец. Как-то Луис сообщил, что заметил табличку «Продается» на газоне перед домом Деб, когда проходил мимо в один из дней. Когда Деб привезли в следующее воскресенье, моя мать упомянула об этой табличке и услышала в ответ, что дом выставлен на продажу, а вся семья переезжает на юг, в регион с более мягким климатом. Деб же решили оставить в Нью-Йорке, где она будет жить в специальном пансионате, созданном одной местной организацией.

– Но она еще так молода, – сказала мама, шокированная новостью, – и вы уже помещаете ее туда одну?

– Ей двадцать один, – деловито объясняла мать Деб. – Пришло время жить самостоятельно.

Луису тоже исполнилось двадцать один, и осенью после окончания школы он планировал пойти на курсы мастеров. Это означало, что Луис и Деб оставалось лишь несколько последних школьных дней и восемь недель летнего лагеря вместе. Моя мать усадила перед собой Луиса.

– Деб уезжает, – объяснила она.

– Куда? – спросил Луис.

– Она поедет в пансионат, когда летний лагерь закончится.

– Нет.

– Да.

– Почему?

– Ее семья переезжает, и Деб нужно новое место.

– Но не мне, – сказал Луис, показывая на пол, – я остаюсь здесь.

– Да, ты можешь остаться здесь, но ты понимаешь, что Деб уезжает?

Луис посмотрел вниз и кивнул головой:

– Да.

В том летнем лагере Луиса и Деб никто не мог разделить. Они держались за руки в автобусе и позже, когда приехали в лагерь. Они держались за руки даже во время ланча, умудряясь управляться одной свободной рукой с сэндвичами и соком. Мать Деб сетовала, что, несмотря на прекрасную погоду, дочь была угрюмой, и, хотя Луис отмалчивался, моя мать не могла скрыть тревоги по поводу предстоящей разлуки.

Настал последний день в лагере. Друзья и родственники были приглашены на концерт, который готовили дети и их воспитатели. Как всегда, это было большое событие, и Деб участвовала в танцевальном номере с другими девочками, после чего Луис и его друзья представили вниманию публики очень бойкую композицию из мюзикла «Кордебалет». Затем директор лагеря вышел на сцену и объявил, что в этом году будет очень необычное финальное событие. Вожатый Луиса вышел из-за кулис, одетый в черный мусорный пакет и белый офисный воротничок поверх футболки и шорт. Луис последовал за ним, одетый в свою зеленую лагерную рубашку и импровизированную картонную шляпу. Затем зазвучала мелодия свадебного марша и вышла Деб, украшенная бумажной фатой, с букетом цветов из белой бумаги.

Вожатый обратился к публике:

– Всем здесь присутствующим известна эта особенная пара, и все знают, что они принадлежат друг другу. Властью, возложенной на меня, объявляю Луиса и Деб друзьями навечно. – Он поднял правую руку над их головами и обозначил благословение. – Живите долго и счастливо.

Луис встретился взглядом с группой поддержки и поклонился, тогда как Деб смотрела на него и мило улыбалась. Были сделаны мгновенные фото, и каждый участник шуточной свадьбы получил снимок в качестве сувенира на память.

Тем днем они ехали домой на автобусе вместе, как делали это вот уже более пятнадцати лет. Когда автобус доехал до остановки Луиса, он, возбужденный, сошел на тротуар, помахал и сказал свое «Пока, Деб!», а затем наблюдал за ее лицом, залитым слезами и впечатанным в окно автобуса, пока тот не скрылся из вида. Пройдут недели, прежде чем он

достанет тот полароидный снимок, потрясет головой и просто скажет: «Больше нет Деб».

Двадцать один год спустя в возрасте сорока двух лет Луис тоже переехал в пансионат. Хотя наша мама умерла четыре года назад, отец все еще содержал семейный дом, и Луис предпочитал проводить выходные с ним, чем оставаться в пансионате и участвовать в их занятиях. Однако в один из выходных дней персонал убедил Луиса не ездить домой и посетить ежемесячный танцевальный вечер в местной церкви, куда были приглашены и другие пансионаты.

В ту субботу в одиннадцать часов ночи я вздрогнула и проснулась от телефонного звонка. Я побежала на кухню, взяла трубку и, прежде чем успела сказать «Привет», услышала плачущего Луиса на другом конце провода.

– Я танцевал с Деб сегодня!

Он в деталях рассказал мне о вечере, и после этого звонка, когда я вернулась в свою постель, мое сердце выпрыгивало наружу.

Несколько дней спустя одна из сотрудниц, сопровождавших группу Луиса на танцы, сообщила мне детали этого воссоединения двух друзей. Встретившись взглядами, они побежали друг к другу через всю комнату, они хлопали в ладоши, смеялись и держались за руки весь оставшийся вечер.

– Клянусь, – говорила она, – я не видела ничего подобного, хотя почти двадцать лет работаю в этом месте.

Возможно, она и не видела ничего подобного, и все же чистую, невинную любовь между двумя особенными друзьями можно наблюдать каждую третью субботу месяца в зале церкви Святой Марии, где проводятся танцы. Просто спросите Луиса и Деб.

Моника А. Андерманн

Позволить уйти

Годы будут идти, а я буду идти рядом – в дремучих зеленых лесах, по песчаным берегам, – и когда наше время на земле иссякнет, то и на небесах ты будешь держать меня за руку.

Роберт Секстон, режиссер

Мои родители жили самостоятельно вплоть до того момента, когда шесть месяцев назад у моего отца обнаружилась сердечная недостаточность. У него был удар и сердечный приступ. Это случилось как раз в тот момент, когда обнаружилось, что болезнь Альцгеймера у мамы прогрессирует куда быстрее, чем мы предполагали. Оказалось, что отец долгое время просто покрывал ее.

И, поскольку здоровье отца продолжало ухудшаться, стало очевидным, что они не могут больше оставаться дома одни. Мы очень старались найти людей, которые могли бы все время быть рядом с ними и помогать в нужный момент. Последней каплей стал очередной приступ отца и его госпитализация, где он подхватил еще и инфекцию. Прислуга, которую мы нашли для них, ушла в тот самый момент, когда мы вернулись домой. Четыре месяца спустя после удара отца мы были вынуждены признать, что их с мамой необходимо поместить в специализированный пансионат. Нам повезло, что удалось разместить их вместе и даже в одной комнате.

Мама и папа освоились довольно неплохо, сиделки наладили особые отношения с отцом, который был одним из немногих пациентов без болезни Альцгеймера. Он шутил с ними, поддразнивал и просто завоевал их сердца. Вскоре мои родители стали любимцами этого пансионата. Мама не понимала, что отец болен, и все больше и больше путалась в происходящем. Сиделки отводили ее в комнату, когда она терялась, помогали справляться с ежедневными делами, которые уже не давались ей так легко, как раньше, и потому она не могла больше заверять отца, что все было в порядке. Хотя у родителей были отдельные кровати в комнате, маму постоянно находили спящей в постели отца во время утреннего обхода.

К несчастью, состояние отца ухудшалось. Не один раз семью вызывали в пансионат, но отцу каким-то образом удавалось справиться с любым кризисом. Мы уходили, качая головой, а сиделки извинялись за ложную тревогу. Я не могу передать вам, как много раз это случалось. Его ноги так отекали, что врачи даже планировали ампутацию, но сердце отца не было достаточно сильным, чтобы выдержать такую сложную операцию. Мы знали, что отец ни за что не оставит маму, пока это в его силах. Это был самый большой его страх, и он не единожды говорил всем своим шестерым детям о маме и о том, что с ней будет, когда его не станет. Мы старались заверить его, что всегда будем рядом и не оставим ее, но он по-прежнему не желал ее покидать. Они долгие годы делили друг с другом радости и беды, и со временем их отношения становились лишь крепче.

В конце концов отцу стало значительно хуже. Нас вызвали в пансионат.

Отец был очень слаб, ничего не ел и едва мог говорить. Во всяком случае, мама не понимала, что происходит. Она была занята своими обычными делами, проводила много времени в блуждании по коридорам, перекладывала вещи с места на место в шкафу и т. п. Это было равносильно тому, как если бы она просто не понимала, что отец находился рядом и был болен.

Это продолжалось следующие несколько дней. Состояние отца стабильно ухудшалось. Каждый из нас по очереди проводил у его постели большую часть времени, и каждый держал отца за руку и говорил с ним. Было невыносимо видеть, как он страдает, а он страшно мучился! В пансионате его держали на обезболивающих, и даже при этом он не чувствовал облегчения. На четвертый день я пошла на работу, планируя прямо из офиса отправиться к отцу. Где-то в полдень я вдруг почувствовала, что должна идти к нему прямо сейчас, в эту минуту. Я оставила работу, пошла в пансионат и нашла там свою сестру Джо. Она сказала, что ехала на работу, как вдруг почувствовала совершенно отчетливо, что хочет увидеть отца, поэтому развернула машину и направилась в пансионат. Джо и я провели день, прислушиваясь к неровному дыханию отца и разговаривая с ним. Сиделки приходили каждые два часа, чтобы поменять его положение и сделать все, что требуется. Он не открывал глаз и не говорил в течение последних четырех дней, не считая стонов боли.

Около пяти часов Джо нужно было уходить. Другая наша сестра должна была прийти в половину седьмого, так что я осталась ее ждать. Вскоре сиделки привели в комнату маму.

Я попросила:

– Сядь и поговори со мной, мама.

Она вошла, присела возле меня, и я приготовилась услышать то же, что слышала уже много раз. Вместо этого мама посмотрела на меня, затем на отца и сказала:

– Джек умирает, ведь так?

Я ответила, что он умирает и что он переполнен болью.

Мама сказала:

– Я не хочу, чтобы ему было больно.

Я предложила ей подойти поближе и сказать ему это самой, желая узнать, не изменится ли ситуация.

Внезапно эта пациентка с болезнью Альцгеймера снова стала моей мамой! Она подошла к отцу, взяла его за руку и начала говорить с ним.

– Джек, я так тебя люблю, ты был прекрасным мужем и отцом. У меня

так много воспоминаний о том, что мы делали вместе. Я не хочу, чтобы ты покидал меня, и я буду очень скучать, но еще больше я не хочу, чтобы ты страдал.

Мама говорила ему что-то еще около тридцати минут. В это время отец открыл глаза и неотрывно смотрел на нее.

Я знала в сердце, что Господь послал отцу особый подарок... мама позволила ему уйти.

Две сиделки присоединились к нам и встали рядом с постелью отца. Мы все трое плакали, глядя на это чудо! Мама не отпускала руку отца, целовала его и говорила с ним. Большая часть того, что она сказала, была понятна лишь ему одному. Это был сокровенный разговор между мужем и женой. В чем я действительно уверена, так это в том, что отцу очень нужно было услышать эти слова от человека, в котором он нуждался больше всего в те минуты.

Сиделка сообщила, что легкие отца быстро заполняются жидкостью, и, вероятно, стоило бы всех позвать. Я вышла из комнаты и поспешно обзвонила всех еще раз. В течение часа все были там. Мама вернулась в свое обычное состояние и не обращала никакого внимания на отца. Мы переодели ее в пижаму, она легла в постель и сразу заснула. Пару часов спустя ничего не изменилось. Мы все ушли домой, за исключением моей сестры Тэмми, оставшейся там на ночь.

Спустя час после того как мы разъехались, зазвонил телефон. Тэмми, всхлипывая, сообщила: «Отец ушел».

Я знала в сердце, что Господь послал отцу особый подарок... мама позволила ему уйти.

Тереза Келлер

Самый восхитительный отпуск

*Ведь смерть – это не что иное, как поворот
от времени к вечности.*

Уильям Пенн, колониальный деятель

Когда отцу поставили диагноз «рак легких последней стадии», путь, который он прошел, борясь со своим недугом, был нелегким. Но он ни на минуту не оставался один: Бог, семья и друзья были с ним на протяжении

всего этого периода. Химиотерапия могла бы, возможно, как-то замедлить распространение опухоли, но мы все знали, что эта болезнь чрезвычайно плохо поддается лечению, и прогноз о том, что ему осталось жить шесть месяцев, вполне мог стать реальностью.

Наблюдать за тем, как отец теряет волосы и страдает, было нестерпимо. Но помимо слез и боли было столько прекрасного, так много удивительных бесценных подарков, которыми мы – его семья и друзья – были осчастливлены. И пока месяцы складывались в года, мы все понимали, как ценен каждый день, проведенный с ним. Уроки, которые он преподавал нам тогда, останутся навсегда в моем сердце.

В течение последних двух с половиной лет отец учил меня надежде: тому, как бороться и когда сдаваться. Он учил меня вере. Не только вере в Бога, но также тому удивительному доверию между мужем и женой. В течение последних нескольких недель его жизни мама большую часть ночей провела в больничной палате, сидя рядом с его постелью. Она в полном смысле слова казалась мне святой, постигшей все таинства брака и значение слов «в болезни и здравии». Отец верил в нее и в те обязательства, которые они дали друг другу сорок восемь лет назад. Я совершенно ясно видела во взгляде, которым он смотрел на нее, благодарность за любовь и служение.

Одним жарким и душным августовским днем казалось, мир все тот же и все идет своим чередом. Но для меня это было что угодно, только не обычный день – это был незабываемый момент времени. День, когда мне посчастливилось стать свидетелем одного из самых замечательных примеров преданности моих родителей друг другу. Семьдесят два часа назад у отца был приступ, чуть не приведший к смерти, когда он неожиданно перестал дышать. И вот теперь он лежал в реанимации, окруженный различными приборами и мониторами. Он выжил, но если этому суждено случиться снова, мы должны были знать, что он хочет.

Когда мама начала говорить с ним об этом, я не была уверена, что смогу сохранить самообладание. Ей было так непросто спрашивать его. Она начинала и останавливалась несколько раз, но в конце концов после глубоких вдохов и слез спросила, хочет ли он отказаться от реанимации, если это случится снова. Отец оставался безмолвным. Впервые за всю жизнь у него не было слов. Минуты казались часами, когда я сидела там, пытаюсь заглушить рыдание, рвавшееся наружу. Я стала фокусировать взгляд на маленьком деревянном кресте, висевшем на стене. «Пожалуйста, Господи, помоги мне быть сильной». Я молча молилась, снова и снова. Затем отец нарушил тишину, и мы услышали его такой привычный,

знакомый голос.

Слезы блестели в его глазах, когда он с любовью смотрел на маму. Он медленно сказал:

– Я не хочу быть ношей для тебя, но я не хочу и покидать тебя.

Мама мягко коснулась его руки и стала гладить отца по волосам.

– Джерри, давай подумаем об этом как о твоём самом восхитительном отпуске, и я догоню тебя чуть позже.

Одним простым кивком головы отец принял это, и, когда слезы заструились по нашим лицам, чувство умиротворения наполнило комнату.

В истории болезни были сделаны пометки, и отец надел повязку на запястье, означающую, что он отказывается от реанимации. Даже при этом в течение нескольких недель он усердно старался, пытаясь восстановить силы, чтобы вернуться домой. Он был очень возбужден и желал вернуться во вторник 6 сентября. Мы все были в нетерпении. Это была дата, которую назначили ему доктора. Он с гордостью объявлял своим многочисленным посетителям, что едет домой.

После совместной ночной молитвы, которая уже стала ритуалом для родителей, мама оставила больничную палату, чтобы поехать домой и сделать последние приготовления перед его возвращением. Вскоре после полуночи мама вздрогнула от телефонного звонка, внезапно разбудившего ее. Медсестра из больницы сообщила, что у отца снова возникли проблемы с дыханием и его забрали в реанимацию. С тревогой в голосе она сказала маме, что ей необходимо приехать в больницу прямо сейчас.

Когда мама вошла в реанимацию, глаза отца были открыты. Он звал Мэри – мою маму – снова и снова. Медсестры сообщили, что ему осталось недолго, может, несколько минут.

Господь спланировал их последнее прощание так совершенно. Мама откинула волосы с его лба в последний раз и с любовью в голосе произнесла:

– Джерри, все хорошо. Иди. Пришло время взять этот отпуск.

Слеза упала на его щеку, и он закрыл глаза. Пришло время сдаться. Его борьба была кончена. Он так тщательно подготовился к своему возвращению домой. В свой вечный дом, где сейчас ждет свою любимую, чтобы воссоединиться с ней и провести самый восхитительный отпуск с нашим Господом Иисусом.

Сьюзан Бэбкок

Смена парадигмы

*Ради чего мы живем, если не для того, чтобы
облегчить жизнь друг друга?*

Джордж Элиот, писательница

Пэг лежала ничком на деревянном полу, будучи не в состоянии поднять голову или пошевелить телом. Прошло пять минут... десять... пятнадцать. Все потому, что она пыталась достать их свадебную фотографию и упала со своего инвалидного кресла.

«Самый подходящий день, чтобы Джон пришел поздно», – думала Пэг, в то время как ее бездвижная поза становилась все более неудобной. Прошло уже много лет с тех пор, как Пэг могла вспомнить, каково это было – контролировать свое тело. Рассеянный склероз наступал медленно, но в последние несколько лет он атаковал ее беспощадно.

Уголкем глаза она увидела фото, упавшее рядом с ней на пол, – на нем были жених и невеста, оба голубоглазые и темноволосые. Друзья говорили ей, что, вырастив троих детей, ни он, ни она ничуть не состарились, что она оставалась все так же красива, а Джон так же обаятелен.

Колеса машины Джона зашуршали по снежной дорожке. Ее сердце заколотилось, когда она услышала, как ее любимый скачет по ступенькам их дома с разными уровнями, перепрыгивая через одну, в нетерпении увидеть свою жену. Потрясенный увиденным, Джон бросился к жене, упал на колени, накрыл ее своими руками, прижался щекой к ее щеке и заплакал вместе с ней.

Нет, не из жалости. Острый язык Пэг безжалостно уничтожал любое подобное проявление сентиментальности. А из любви, самой искренней и глубокой.

И почти в тот же самый священный момент вторглась я.

– О, простите, – сказала я, стоя у полуоткрытой двери и заглядывая сквозь лестничные перила.

Как физиотерапевт Пэг, я обычно стучала в дверь и входила. Я прошла вперед и встала рядом с ними, не зная, что сказать. Беспокойство о благополучии Пэг занимало все мои мысли, но в моем сердце горела рана после недавнего развода, и я чувствовала себя неуютно при таком явном выражении супружеской преданности.

Джон вытер слезы, приподнял хрупкое парализованное тело Пэг и отвез ее в ванну. Это было его привычной обязанностью, которую он охотно выполнял каждый обеденный час.

– Я бы сделала то же самое для тебя, если бы все было наоборот, –

сказала ему Пэг, смелость вернулась к ней. Она широко улыбалась и подмигнула мне через его плечо.

– Нет, не сделала бы, я слишком огромный для тебя, – ответил Джон с такой же широкой улыбкой.

Он приготовил обед для Пэг и вернулся на работу в телефонную компанию. Пока она ела терапевтической ложкой, стянутой ремнем на ее запястье, я села за кухонный стол, мой рот был открыт от удивления тем, что только что произошло на моих глазах.

Как я могла развестись, не испытав и малой толики тех трудностей, что выпали на долю Пэг и Джона? Давая клятву «в горе и в радости», они и понятия не имели, что с ними приключится. И все же они казались по-настоящему счастливыми, любили друг друга и свою жизнь. Что было не так со мной?

– Ты не ушиблась во время падения? – спросила я Пэг, желая переменить ход своих мыслей.

– Нет, я просто неуклюжая. Давай делать упражнения, – сказала Пэг, прибавив. – Я была на консультации вчера.

Пэг любила поболтать.

– И как все прошло? – Я вытянула ее руку.

– Хорошо, пока он не спросил: «Как ваша интимная жизнь?» На что я ответила: «Отлично, а как ваша?» Он тут же притих. – В ее глазах прыгали знакомые озорные огоньки.

Я посмеялась про себя. Ничто не могло нарушить личную жизнь этой женщины или, если уж на то пошло, ее готовность настойчиво продолжать свой путь. Когда терапия была завершена, Пэг попросила меня разложить пазлы на коленном подносе, чтобы она могла их собирать. Она знала, что пальцы никуда не годились но, эй, почему бы не попробовать?

Я покачала головой в удивлении. Моя жизнь в браке была спокойной: двое прелестных детей и никаких больших сложностей – за исключением поисков счастья. Я всегда думала, что это ответственность мужа – сделать свою жену счастливой. Когда он не оправдывал мои ожидания, я становилась невероятно раздраженной, пока в конце концов все не разрушилось окончательно. Правда о счастье в браке ускользала от меня, пока я не оказалась рядом с Пэг и Джоном и что-то теплое, прекрасное и загадочное не зашевелилось в моем сердце.

Однажды вечером, почувствовав себя одинокой, я решила встретиться с ними. Я испекла печенье, не по обыкновению, а просто желая иметь повод побыть в окружении тех, кто понимал толк в любви, попытаться раскрыть их секрет. Мы с одним моим другом подъехали к их дому, и я, заглянув в

окно, увидела Пэг, сидящую напротив телевизора. Джон стоял рядом, похожий на высокого и строгого часового.

Он открыл дверь, пригласил нас внутрь и ушел обратно в комнату, где сидела Пэг. Они оба улыбались, но говорили очень мало. Вдруг я увидела нечто, чего не замечала в них раньше, – некоторую застенчивость. Они не позволяли посторонним проникнуть в свое святилище. После непродолжительного разговора я направилась к двери, мой друг следовал за мной. Они поблагодарили за печенье, и когда мы выходили, я обернулась и увидела эту знакомую улыбку Пэг. Ее муж принял свою позу внимательного и доброжелательного стража, любимого, спутника жизни. О, конечно, Пэг и Джон были рады, что мы вспомнили о них. Но по большому счету им не нужны были другие, им хорошо было вдвоем.

Вдохновленная своим открытием, я искала источники озарения и находила одну цитату за другой. Наконец высказывание Элберта Хаббарда показалось мне именно тем, что я искала: «Любовь, которую мы отдаем, – это единственная любовь, которая у нас есть».

Вот оно! Только теперь произошла эта смена парадигмы в моей измученной разводом душе. Я поняла, что счастье в любви приходит лишь тогда, когда делишься, а не получаешь, когда жертвуешь, а не пребываешь в покое и беззаботности, когда интересы другого для тебя выше твоих собственных. Старые эгоистичные привычки должны были уйти, и я надеялась обновленной... со временем... возродиться к жизни. Счастье стоило того, чтобы попробовать.

Маргарет Ланг

Сказать «прощай»

*Я могу носить хрустальные туфельки... но
мой герой носит военные сапоги.*

Неизвестный источник

Я схватилась за ручку дверцы машины, наблюдая за тем, как он удаляется. Он был моей родственной душой, моим любимым, моим лучшим другом и отцом этого спящего в детском кресле машины малыша.

Он сказал мне, что не хочет расставаться в аэропорту, и поэтому мы попрощались на автостоянке рядом с машиной.

– Я позвоню тебе сегодня вечером из Сан-Франциско, – было все, что

он сказал, прежде чем уйти.

Я неистово пыталась придумать, что можно сделать, чтобы удержать его там еще на несколько минут, но прагматик во мне знал, что я должна взять себя в руки, чтобы не побежать за ним, чтобы не обнять его и не поцеловать еще один раз. Всхлипывая, я стояла и смотрела, как его силуэт уменьшается вдалеке. Он ни разу не обернулся, чтобы взглянуть на меня. Я закрыла глаза и вытерла слезы. Затем открыла их снова, он совсем исчез.

Он велел мне ехать домой, но я не могла разорваться. Если вдруг у самолета обнаружатся какие-нибудь неполадки и полет отменят, у него не будет возможности позвонить мне.

Больше часа я сидела в машине, мучительно осознавая, что он был там, в терминале аэропорта, в нескольких сотнях шагов от меня. Я понимала, что мы уже попрощались и больше нечего говорить. Новая встреча ранила бы еще больше. Я сосредоточилась на самолете, стоящем на площадке перед ангаром, и ждала, когда он взлетит, в то же время испытывая ужас при мысли, что он поднимется в воздух. Как я полагала, удерживать в поле зрения самолет было моей главной задачей. И пока он находился там, мы имели маленький шанс изменить наши судьбы. Чудо могло случиться и задержать его отъезд. И как только самолет выскочит со взлетной полосы, я буду вынуждена признать, что мы можем больше не увидеться снова.

Мы познакомились девять лет назад на курорте, где оба работали в летний период. С самого начала мы были друзьями. Однажды он попросил меня пойти с ним на свидание, поскольку вышло так, что он остался один, а планы на вечер уже были, и не хотелось подводить другую пару. С того момента нас стало тянуть друг к другу. У нас было много общего, и нам нравилось быть вместе. Нежное и заботливое ухаживание привело к пониманию, что у нас любовь друг к другу. В течение следующих лет мы поженились, окончили колледж, пересекли страну, преподавали в школе. Затем военные годы спустились на нас как черное плотное облако. Не прошло и нескольких недель, как его отсрочка как преподавателя была отменена и его призвали в армию. Мы вынуждены были продать дом и в следующие два года переезжали пять раз. Затем пришел приказ, что его посылают в зону военных действий на год. Прекрасно понимая всю суть приказа, я отдавала себе отчет, что он может не вернуться назад, может погибнуть в бою.

Последний вечер перед его уходом мы провели в доме его родителей, где был ужин, и затем каким-то неестественным голосом он сказал им «до свидания». В ту ночь мы не спали. Мы держали друг друга за руки и говорили до тех пор, пока слова не иссякли. Наши мысли были полны

тоски.

Утром мы занимались своими обычными делами, которые теперь приобрели новый смысл. Я смотрела, как он выбрасывает мусор из машины и проверяет масло в баке. Он дал мне инструкции относительно того, как разжигать печь, и сказал что-то про обогреватель воды. Мы входили в зиму и беспокоились, что не сможем согреться. Он сказал, как заботиться о машине. Мне не хотелось знать обо всем этом. Я хотела, чтобы он остался и заботился о нас, как делал это всегда. Сердце болело, а мозг был изнурен. Часы, которые оставались нам, утекали сквозь пальцы.

Ожидание закончилось, когда самолет заполнил шумом взлетно-посадочную полосу и взлетел в небо. Глядя, как он исчезает в облаках, я чувствовала полное опустошение. Что мне теперь делать? У меня не было ни малейшего представления о том, как жить без него. Я понимала, что со временем острота чувств уйдет и уже не будет так больно. И у меня был малыш, о котором нужно заботиться. Мне нужно было чем-то себя занять. Я должна быть оптимистом, чтобы он вернулся к нам назад. Это была единственная возможность спастись от отчаянья.

Много месяцев спустя я была в аэропорту и смотрела на садящийся самолет. Со мной был маленький паренек, который научился переворачиваться, сидеть и ходить, – те события в жизни ребенка, которые папа пропустил. Мы стояли в терминале у выхода пассажиров. В некотором смысле это было нормальным – выражать нашу радость на публике, тогда как раньше наше горе было слишком личным, чтобы делиться им с кем-то. Пассажиры спускались по ступенькам самолета и ступали на взлетно-посадочную полосу. Наконец появился он. Мы не могли больше ждать. Он был дома. Мы могли продолжать нашу жизнь. Это значит, что мы могли быть обычными людьми, занятыми обычными делами. Я побежала ему навстречу, чтобы обнять и быть рядом все оставшееся время, что отпущено нам.

Сюзанна Уоринг

Знакомьтесь с нашими соавторами

Артур Санчез родом из солнечного штата Флорида. Он любит рассказывать историю о том, как встретил свою жену. Чтобы узнать больше о работах Артура, скачайте его истории бесплатно из Интернета или найдите его книги, посетив сайт www.ArthurSanchez.com.

Бет Като живет в Бакай, штат Аризона, с мужем и сыном. Ее работы появлялись в таких изданиях, как *Niteblade Fantasy and Horror Magazine*, *Crossed Genres*, *Six Sentences*, а также в книге *The Ultimate Cat Lover* («Последний любитель кошек»). Информацию о ее текущих проектах всегда можно найти на сайте www.bethcato.com.

Бетти Богарт проработала в «Юго-Западных Авиалиниях» двадцать один год, и ей часто приходилось писать различные тексты за Херба Келлера и других служащих компании. Многочисленные писательские ассоциации вручили ей премии за поэзию и нон-фикшн. Ее произведения появлялись в таких изданиях, как *Палм Бич Пост*, *Жизнь по законам притяжения*, а также в других книгах серии *Куриный бульон для души*.

Би Джей Тэйлор и ее муж проводят отпуск на островах так часто, как это возможно, однако острову Мауи отведено особое место в их сердцах. Би Джей – автор, чьи работы появлялись в *Гайдпост*, книгах серии *Куриный бульон для души* и различных журналах и газетах. У них с Роджером четверо детей и двое обожаемых внуков. Посетите ее сайт www.bjtayloronline.com.

Гарри Б. Лурдинг – сержант в отставке и руководитель школы, живет в Южном Орегоне с женой. Написал истории для нескольких книг серии *Куриный бульон для души*, имеет публикации в различных журналах и газетах. Его можно найти по адресу garyluer@frontiernet.net.

Гейл Дэнис Ринот – опытный журналист, копирайтер, колумнист и редактор. В 1987 году окончила Эмерсон-колледж в Бостоне, где специализировалась на теле– и радиожурналистике. Гейл живет в Израиле со своим очаровательным мужем и тремя прекрасными и талантливыми дочерьми.

Городской девушке **Эвелин Л. Стрингхэм** жизнь жены фермера

показалась настолько интересной, что она начала вести еженедельную колонку «Сельская жизнь» для нескольких газет Мичигана и занимается этим вот уже пятьдесят лет. Описанные в ее истории события произошли вскоре после смерти ее мужа. Переселившись в Аризону, она стала писать о людях, переезжающих из северных штатов на юг зимой, для издания *Arizona Republic*.

Гэрриет Купер – писатель, издатель и преподаватель. Специализируется на написании юмористических историй и статей о здоровье, диете, кошках, семье и окружающей среде. Ее работы часто появляются в книгах серии *Куриный бульон для души*, но также публикуются в газетах, журналах и на различных веб-сайтах.

Двести работ **Джуди Ховард**, выполненных в технике лоскутной мозаики, выложены на сайте www.BuckboardQuilts.com. Ее патриотический экспонат «Боже, храни Америку» стоит 100 долларов. Все доходы с ее работ идут раненым солдатам. Посмотрите фотографии ее работ и прочтите простые истории из ее книг, удостоенных четырех наград, на сайте www.HeavenlyPatchwork.com.

Дебра Кроуфорд живет во Флориде с мужем Джоном. В 1994 году у нее диагностировали довольно редкий синдром мышечной скованности (СМС), и с тех пор Дебра ведет собственную группу поддержки на своем веб-сайте www.livingwithsps.com. Она обожает ходить в церковь и читать. В ее планах на будущее написание коротких историй и автобиографии.

Делия Ллойд – американский журналист, писатель, блогер, живет в Лондоне. Ее эссе появлялись в изданиях *The International Herald Tribune* и *The Christian Science Monitor*. Ведет блог о взрослении www.realdelia.com.

Джей Райлэнт окончила Маунтин-Вью-колледж в Далласе, штат Техас, после чего продолжала заниматься музыкой еще четырнадцать лет. В данный момент она выбрала карьеру писателя. Последний год работала в качестве издателя *Different Strokes* для сайта www.golfhelp.com и опубликовала свои истории в одной из книг данной серии.

Джеки Флеминг родом из Калифорнии, выросла в области залива Сан-Франциско и вырастила трех сыновей на острове в Дельте Калифорнии. Среди ее хобби есть такие, как путешествия по миру на грузовых кораблях,

йога, чтение и писательство. В течение шести лет она писала колонки для двух еженедельных газет. Сейчас она живет в Парадизе, штат Калифорния.

Джеми Дриггерс пишет на тему замужества каждую свободную минуту. Остальное время она делится своими мыслями о жизни на сайте www.jamiedriggers.com. Ее дети и муж в полной мере снабжают ее сюжетами, и она считает себя везучей, так как близкие дают ей немало поводов для смеха и материала для работы.

Дженнифер Колвин – маркетинг-менеджер и писатель. Ее истории, описывающие путешествия и всевозможные приключения, были опубликованы в многочисленных антологиях. Они с мужем все так же любят велосипедные прогулки, только теперь, с маленькой дочкой на буксире, совершают их гораздо ближе к дому, в районе бухты Сан-Франциско.

Дженнифер Куаша – автор более чем сорока книг. *The Dog Lover's Book of Crafts* получила награду Ассоциации собаководов как лучшая книга 2002 года. В настоящий момент она писатель и редактор. Заходите на ее сайт www.jenniferquasha.com.

Дженнифер Хофсоммер в настоящий момент живет с мужем в Чикаго; является соискателем степени магистра по лингвистике (испанский язык) в Университете Иллинойса. Она страстно любит путешествовать, а ее любимое место – Южная Африка.

Джеффри Натан Ширрипа окончил Марист-колледж в 2000 году. В настоящее время заканчивает работу над мотивационной книгой по психологии *Carpe Diem*, которая вдохновит читателей развить свои внутренние силы и создать жизнь своей мечты.

Джилл Пертлер ведет еженедельную колонку *Slices of Life* («Кусочки жизни»), которая печатается в газетах по всему штату Миннесота и за его пределами. Время от времени она также пишет короткие рассказы и занимается фотографией. Она живет в уютном доме с мужем, четырьмя детьми и разной живностью. Посетите ее веб-сайт <http://marketing-by-design.home.mchsi.com>.

Джин Дэвидсон проживает в Покателло, штат Айдахо. Ее самый большой интерес в литературе – это семейные истории и историческая

художественная проза о яркой самобытности Старого Запада. Ее самая большая радость – это члены семьи, особенно внук и кошка Симба.

Джин Х. Стюарт живет с мужем сорока девяти лет и дочерьми-близняшками. Она получила не одну литературную премию, и ее истории можно найти в книгах серии *Куриный бульон для души*, а также в других антологиях, журналах и газетах.

Джин Хэйл – выпускница Университета Теннесси с ученой степенью бакалавра, лицензированный страховой агент. В настоящее время также работает на полставки ассистентом менеджера по розничной торговле. Однако ее самая главная работа – это домашние дела и воспитание мальчиков-двойняшек.

Джон Форрест – преподаватель на пенсии. Это его третья публикация в серии книг *Куриный бульон для души*. Его собственная антология рождественских историй *Angels Stars and Trees, Tales of Christmas Magic* («Звезды-ангелы и деревья: истории рождественского волшебства») выдержала уже шесть переизданий. Он и его «настоящая любовь» Кэрл по-прежнему живут в Орилли, Онтарио, Канада.

Диана С. Николсон – писатель, живет в Британской Колумбии в Канаде. Она также фотохудожник, специализирующийся на семейных портретах. Ее можно найти по адресу mail@twinheartphoto.com, а некоторые ее работы можно увидеть на сайте www.twinheartphoto.com.

Дина А. Ликок живет в южном Нью-Джерси с мужем, двумя сыновьями и котом. Она основатель, действительный член и в прошлом президент «Гарден Стейт», писательской организации, и бывший президент Писательской конференции Филадельфии. Посетите ее сайт www.dinaleacock.com.

Дэб Стэнли живет в Мичигане с мужем и тремя дочерьми. Преподает в шестых классах специализированной школы. Любит проводить время с семьей, писать и петь. Работает с детьми с особыми потребностями, в том числе с аутистами.

Юмористическая и политическая сатира **Дэвида Мартина** появлялась во многих печатных изданиях, включая *Нью-Йорк Таймс* и *Чикаго Трибьюн*. Его сборник юмористических рассказов *Мой друг W.* был

опубликован в 2005 году издательством *Arriviste Press*. Дэвид живет в Оттаве, Канада, с женой Шерил и дочерью Сарой.

Дэн Деврэ получил степень бакалавра наук в сфере электроники и инженерии в Университете ДеВри в 1984 году и в настоящее время работает главным инженером в компании «Боинг» в Сиэтле, штат Вашингтон. Дэн обожает рыбачить, ходить в походы с палатками, проводить время со своей женой и наблюдать за тем, как его пятеро детей становятся взрослыми.

Дэна Мэй – преподаватель в сфере специального образования, работает в начальной школе в Техасе. Также преподает в воскресной школе, играет на фортепиано в своей церкви, входит в Совет по социальному обеспечению детей, является волонтером в местной Службе защиты детей. Главным приоритетом в жизни для нее являются семья и дети.

Жанет Перез Эклес является публичным спикером, писателем и автором вдохновляющей книги *Trials of Today, Treasures for Tomorrow – Overcoming Adversities in life* («Испытания сегодня, сокровища завтра – преодоление превратностей жизни»). Ее истории, появляющиеся в десятках книг, в том числе издательства *Гайдност*, и многочисленных журналах, рассказывают о том, как несчастья превращаются в триумф. Посетите сайт Жанет www.janetperez Eckles.com.

Жанетт Гарднер работает секретарем в частной клинике. Она сама научилась играть на гитаре и вскоре после этого начала сочинять песни. Ее музыку можно послушать на сайте www.tenderangelmusic.com. Жанетт также любит рыбалку и обожает Природу.

Илейн Геррин Онли и ее покойный муж служили миссионерами в Карибском бассейне в течение четырнадцати лет. После его смерти она работала в Джорджии. Публикующийся поэт, писатель и художник, Илейн имеет троих сыновей и шестерых приемных детей. Она и ее второй муж Эд Онли живут в городе Дотан, штат Алабама.

Кара Холман работала несколько лет в компьютерной индустрии, прежде чем приняла решение быть домохозяйкой и воспитывать детей. В настоящее время живет в Портланде, штат Орегон, с мужем и младшим сыном. Ее работы появлялись в различных онлайн-журналах и блоге <http://caraholman.wordpress.com>.

Карен О'Киф в попытках прославления Господа стремится проявить себя на той стезе, что ОН выбрал для нее. Она жена, мать, сестра, подруга, писатель, художник, хозяйка, волонтер, учитель и стюардесса. Она является членом Союза путешествий христианских писателей.

Кимберли Б. Гэррет проводит большую часть времени в заботах о своем замечательном муже и троих детях – Эмали, Майкле и Даге. Когда ей удастся выкроить минутку для себя, она любит почитать, пописать и помечтать о том, чтобы стать первой женщиной, выигравшей Тур де Франс!

Кристин Троллингер начала писать для души после выхода на пенсию, проработав в страховом бизнесе до 1991 года. Публиковалась в различных журналах и антологиях. Она с удовольствием рисует, работает в саду и балует двух замечательных внучек, любовь всей ее жизни.

Кэй Коннер Плишка и ее «неромантичный муженек» были учителями в публичной школе города Милуоки. Они познакомились в 1972 году, год спустя поженились и живут душа в душу вот уже тридцать шесть лет. Сейчас они на пенсии и проводят свои дни в потрясающей уединенной деревушке во Флориде.

Кэрол Фоукс – квалифицированная няня, у которой помимо прочего есть степень бакалавра по коммуникации. В настоящий момент работает в качестве клинического инструктора. Сама родом из Кливленда, штат Огайо, но утверждает, что ее сердце принадлежит государству Одинокой Звезды, где она в настоящее время и проживает.

Кэролин С. Маккинни преподает в Школе образования в Университете Колорадо в Боулдере, где и получила свою докторскую степень. Обожает проводить время со своими детьми и внуками, ходить по горам Колорадо и путешествовать по Италии. Написала множество статей для образовательных журналов и лирических произведений для церковных изданий.

Кэтрин Гроу – преподаватель колледжа на пенсии, а также писатель, счастливо живет с мужем и огромной собакой в маленьком домике, насчитывающем две сотни лет, в сельской местности на северо-востоке Коннектикута. Ее работы печатались в самых разных журналах и антологиях, а также в литературных сборниках колледжа.

Лиза Тиффин – автор-фрилансер из Апстейта в Нью-Йорке, где она живет со своим мужем и сыновьями-близнецами. Ее эссе и статьи появлялись в разнообразных журналах. Она автор серии книг для детей под названием *The Eagle Ridge Prep Technological Adventure*. Узнайте больше о ней на странице www.lisatiffin.com.

Линда Баскин – любящая мама, предпочитает проводить каждый день со своим сыном и дочерью. Она обожает читать и вести журнал. Любит играть в гольф со своим мужем и работает над личным рекордом в сто очков! Линда планирует продолжать писать, когда достигнет вдохновения. Она благодарит Господа за все то счастье, что есть в ее жизни.

Линда Лири – мать и бабушка. Владела бизнесом на протяжении двадцати лет, пока в преклонном возрасте не решила сменить деятельность и не начала активно писать. Из-под ее пера выходят короткие рассказы, стихотворения, истории о привидениях и статьи для журналов. Она является участником международного движения альтернативного суда под названием «Восстановительное правосудие» (Restorative Justice), а также членом сообщества «Женщины в сети».

Линн Мадален Менна замужем за своей единственной настоящей любовью, Просперо. Они живут в городе Хавторн, штат Нью-Йорк, с кошкой Тунси. Преподаватель на пенсии, Линн пишет для разных изданий. Она и Просперо любят спортивные машины и мотоциклы и путешествуют по Европе и Гавайям.

Лора Вишневски – квалифицированная сиделка, вдохновляющий оратор и писатель. Она обучающий специалист в системе здравоохранения Западного побережья Флориды. Лора обожает кататься на велосипеде, сплавляться на байдарке, плавать под парусами и счастлива быть бабушкой.

Лорель Розенберг – автор и художник. Ее работы коллекционируются по всей Америке, а также показываются в фильмах и по телевидению. Она основала Сообщество выживших после физического насилия, написала множество сценариев и детских книг. Собственный лейбл «Создания Лорель» отличает ее воздушные, как бабочки, работы. Ее страничка в Интернете www.Laurelrosenberg.com.

Лорель Хаусман получила степень магистра по педагогике в Университете Джорджа Мэйсона в Северной Вирджинии, где сейчас преподает высшую математику. Она планирует продолжать писать креативные истории нон-фикшн. Лорель обожает своего мужа Вэйна и двух гончих псов породы бигль по имени Ньютон и Саммер.

Лори Озболт получила докторскую степень по психологии в Университете Вирджинии и готовится стать духовным руководителем. Она любит работать в саду, танцевать и проводить время с семьей.

Майкл Джордан Сигал, выдержавший все испытания после ранения в голову, является мужем, отцом, социальным работником, автором (в том числе одного диска) и вдохновляющим оратором. Он написал не одну историю для серии книг *Куриный бульон для души*. Чтобы связаться с Майком или заказать его диск, посетите его страничку в Интернете www.InspirationByMike.com.

Маргарет Ланг любит извлекать из собственного жизненного опыта сюжеты для своих историй и имеет уже около сорока публикаций. Она выступает на женских и детских собраниях и является учредителем Гуд Ньюс Клубс (*Клубы хороших новостей*). Ее любимая роль – быть бабушкой трех внуков.

Маргарет М. Марти – жена, мать, бабушка и профессиональный секретарь. Маргарет обожает разводить цветы и копать в земле. Она хочет стать профессиональным мемуаристом на пенсии, поэтому посещает курсы и основала собственный бизнес, связанный с историей, под названием «Портреты в прозе».

Марта Белкнэп – преподаватель и автор книг *Stress Relief for Kids: Taming Your Dragons* («Избавление детей от стресса: Приручение своего дракона») и *Mind-Body Magic* («Психофизическая магия»). Она замужем двадцать шесть лет и надеется, что история о Сниттерфилде вдохновит других на поиски творческих, оригинальных и веселых способов справиться с трудностями в отношениях.

Мелинда Ричарз Лайонс имеет степень специалиста по журналистике Университета Северного Техаса. Ее работы уже не раз публиковались, она является соавтором книги *WOOF: Women Only Over Fifty* («Женщины

строго за пятьдесят»). Она обожает генеалогию и в настоящее время живет в Тайлере, штат Техас.

Мелисса Фейс и ее муж Крэйг отпраздновали пятую годовщину совместной жизни в июле. Они живут в Уэйкфилде, штат Вирджиния, со своим мохнатым малышом Тайсоном. Мелисса – преподаватель и пишет так часто, насколько это возможно. Она уже отдала не одну историю в серию *Куриный бульон для души*.

Мелисса Хардинг живет в Колорадо-Спрингс с мужем и тремя маленькими детьми. Она обожает путешествовать и какое-то время провела в Новой Зеландии и Коста-Рике. Когда она не меняет подгузники или не останавливает детские потасовки, она любит гулять, кататься на лодке, ходить в походы и писать. В настоящее время работает над одной вдохновляющей нон-фикшн-книгой.

Моника А. Андерманн – эссеист и поэтесса, получившая множество наград, ее работы уже появились или готовятся к печати в различных литературных журналах и антологиях. Когда она не пишет, она любит читать или проводить время с семьей и друзьями.

Мэри М. Элворд живет в Южном Онтарио. Ее работы публикуются как в печатных, так и в онлайн-изданиях. Когда Мэри не пишет, она проводит время с семьей, за чтением или ведя свой блог.

Мэрилин Филипс – преподаватель, имеет опубликованные истории в сборниках серии *Бульон для души*. У Мэрилин вышло три книги. Ее сайт www.mphillipsauthor.com. Она живет в Бедфорде, штат Техас, с мужем. У них двое взрослых детей.

Мэрилэйн Уэйд Кох имеет более чем двадцатипятилетний стаж писателя, издателя, спикера, консультанта и тренера. Она сама обучает дочь и является преподавателем отделения дополнительного образования в Школе сестринского дела Левенберга Университета Мемфиса.

Наталия К. Люсински создала свою первую газету «Nat's Neat News Notes», когда ей было всего десять лет, и с тех пор не переставала писать – все, начиная от коротких историй и заканчивая сценариями для кино и телевидения. Была помощником продюсера документального фильма для *The History Channel*.

Нэйт «Гроза» Гейст участвовал в операции «Несокрушимая свобода» в Восточном Афганистане в 2008–2009 гг. Выпускник Университета Южного Иллинойса, в данный момент реализует свою мечту стать киноактером в Чикаго.

П. А. Флаэрти получила не одну степень в Бернارد-колледже Колумбийского университета и Смит-колледже. Она пишет и издает художественную и нехудожественную прозу в качестве подарков. Недавно она запланировала свою свадьбу. Следите за ее приключениями в кулинарных текстах на www.examiner.com/x-12601-Cheese-Examiner.

Памела Хамфрис получила степень бакалавра по клинической диетологии в Университете Оклахомы в 1978 году. Она пишет, преподает Священное Писание и является квалифицированным диетологом. Она любит путешествовать, готовить, читать и писать короткие рассказы и стихи.

Сатирика с более чем двадцатипятилетним стажем, **Рэйда Шампань**, семья до сих пор не считает таким уж смешным. Его последняя история «Семь ступеней поражения в гольфе» появилась в издании *Куриный бульон для души: книга о гольфе* в 2009 году.

Салли А. Родман – автор многочисленных историй, появлявшихся в книгах серии *Куриный бульон для души*, журналах и газетах. Она живет с Полом в Лос-Аламитосе, штат Калифорния. Они по-прежнему ходят в бар «Генерал Ли» и интересуются, что принесет им очередное печенье с сюрпризом.

Саманта Дюклуа Уолтс – писатель-фрилансер, имеет премии, живет в Портланде, штат Орегон. На сегодняшний день многие ее истории попали в нашу серию *Куриный бульон для души*. Она также писала художественную прозу и нон-фикшн под именем Сэмелин Вуд. Узнайте больше о ней на сайте www.pathsofthought.com.

Сарали Пирел является обладателем различных национальных премий по литературе, ведет авторские колонки в печатных изданиях и пишет рассказы. Она почетный соавтор книг серии *Куриный бульон для души*, написавший не одну историю.

Сейдж де Бексадон-Бреслин – лицензированный психолог и

консультант. Она состоявшийся автор, чьи последние работы были написаны с целью вдохновить и тронуть тех, кто столкнулся с жизненными невзгодами. Чтобы поближе познакомиться с Сейдж и ее деятельностью, посетите ее вебсайт www.HealingHeartCenter.org.

Сильвия Суриано-Диодати – пианистка и автор песен, ее короткие рассказы были опубликованы в журналах *Angels on Earth* и *Woman's World*, а также в предыдущих книгах серии *Куриный бульон для души*. Самая большая радость Сильвии и ее мужа Людовико – их новорожденная малышка Изабелла! Сильвии можно написать на почту sylviadiodati@rogers.com.

Синтия Билик вступила в армию в возрасте девятнадцати лет и уже в двадцать четыре стала пограничником. Она живет в местечке Кемадо, в штате Техас, с мужем и двумя детьми. Синтия обожает создавать скаутские отряды для девочек и проводить время с семьей и друзьями.

Синтия Хэмонд имеет более пятидесяти рассказов, включенных в серию книг *Куриный бульон для души*, а также другие важные публикации в различных изданиях, в том числе в журнале *Woman's World*. Она получила две награды и была специальным автором издания *Антология сегодня*. Две истории были написаны ею для телевидения. Она любит посещать школу и вести групповые беседы. Ее сайт www.CynthiaHamond.com.

Стефани Уосс живет в Гудзоне, штат Огайо, с мужем и двумя дочками. Ее эссе появлялись в таких изданиях, как *Los Angeles Times*, *Seattle Times*, *Christian Science Monitor*, *Cleveland Magazine*, *Akron Beacon Journal*, *Akron Life and Leisure*, а также в четырех книгах серии *Куриный бульон для души*. Посетите ее сайт www.stefaniewass.com.

Стефани Чембер живет в Нью-Йорке, где пишет творческие эссе, черпая сюжеты из реальной жизни. Она получила степень магистра в области журналистики в Университете Северного Техаса и посещала мастер-классы для писателей в Готэме. Стефани мечтает издать сборник коротких рассказов.

Сьюзан Бэбкок любящая жена и мать. Трое детей и муж доставляют ей величайшую радость. Она мама и домохозяйка вот уже пятнадцать лет и всегда находит время на волонтерскую работу. Среди ее хобби

путешествия, чтение и участие в самых разных спортивных соревнованиях ее детей.

Сюзан Стонтон получила степень бакалавра по профилю «начальное образование» и степень магистра по школьной психологии. Преподавала девять лет в Мэриленде, в данный момент работает в домашних школах Миннесоты. Сюзан надеется и в дальнейшем писать рассказы, которые учат и вдохновляют, а также учебные планы для домашних школ.

Преподаватель колледжа на пенсии, а также управляющий в Государственном университете Монтаны в Грейт-Фолс, **Сюзанна Уоринг** недавно отметила сорок пятую годовщину свадьбы. Сюзанна и ее муж Леонард имеют двух взрослых сыновей.

Тереза Келлер служит в Департаменте социальной защиты последние двадцать лет. Она с давних пор пишет стихи, однако эта история всего вторая. Она живет в Вирджинии с мужем и двумя золотистыми ретриверами.

Тимоти Мартин – автор четырех книг и семи сценариев для телеспектаклей. Также написал два рассказа для детей *Scout's Oaf* (издательство Cedar Grove Books) и *Fast Pitch* (издательство Blitz Publishing), вышедших в 2009 году. Его сайт www.timothymartin.org.

Тони Сомерс – фотограф на пенсии и учитель рисования. Имеет степень бакалавра по искусству Колумбия-колледжа. Любит рисовать и играть на классической гитаре и цимбале. Живет на побережье залива в Техасе с мужем пятидесяти четырех лет.

Тони-Мишель Нэлл живет с мужем Мартином в Метро-Атланте. Она любит посмеяться вместе с близкими и считает, что наш мир нуждается в этом больше всего. В настоящий момент она учится в Университете Феникса, где стабильно держит средний балл 4.0. Она изучает психологию в надежде продолжить обучение и получить степень магистра.

Тэна Бэт Томпсон пишет о жизни не без чувства юмора. Ее истории публиковались в книгах серии *Куриный бульон для души*. Она также является соавтором антологии *Patchwork Path*.

Уэс Хенриксен – писатель, юрист и эксперт по академической успеваемости. Со своей женой и сыном он путешествует по Аргентине

каждый раз, когда появляется такая возможность, обожает вино мальбек и интересные разговоры. Больше о нем вы можете узнать на сайте www.weshenricksen.com.

Ферида Вольф – автор семнадцати книг для детей и трех сборников эссе для взрослых. Ее эссе появляются в антологиях, газетах и журналах. Она также пишет для интернет-изданий www.grandparents.com и ведет колонку на сайте www.seniorgwomen.com. Бывший учитель начальной школы, сейчас она инструктор по йоге и обучает растяжке и медитации. Ее сайт www.feridawolff.com.

Шейла Саттлер Кейл верит в то, что слова оказывают влияние на жизнь и даже меняют ее. Она владеет и управляет книжным магазином христианской направленности, а также пишет и выступает с вдохновляющими речами перед публикой. Ее богослужения можно найти на сайте www.thecloserwalk.com.

Шери Рэдфорд живет в Ванкувере с мужем и тремя кошками. Она автор трех книжек-картинок для детей *Penelope and the Preposterous Birthday Party*, *Penelope and the Monsters* и *Penelope and the Humongous Burp*. Вы можете навестить ее на страничке www.sheriradford.com.

Шерил Браунли издает местный журнал о воспитании детей. Она вела еженедельную юмористическую колонку в местной газете и занималась коммерческой рекламой на радио. У нее также имеется двадцатилетний опыт продаж радио– и телерекламы. В настоящий момент она работает над романом. Ее любимое состояние – это быть женой и матерью.

Шерил Янг – писатель, обладатель литературных премий, специализируется на теме семейных ценностей. Написала книгу *What Every Christian Should Know About the Jewish People: Improving the Church's Relationship with God's Original Chosen Nation* («Что следует знать каждому христианину об иудеях: Налаживание отношений Церкви с богоизбранным народом»). Шерил счастливо живет в браке с мужем Джерри вот уже двадцать пять лет.

Шерон Грэм получила степень бакалавра в 2006 году в Университете Фрейзер-Вэлли. Она обожает читать и писать. Они с мужем надеются купить кое-какую недвижимость и создать дом для неимущих детей.

Эйлин Чаплик-Алескоу – основатель и генеральный директор телеканала WYCC-TV в Чикаго, заслуженный профессор Wright College, автор и публичный оратор, получивший награды педагог и телеведущая. Ее нехудожественные истории и эссе были изданы в антологии. Эйлин замужем за своим лучшим другом Ричардом Ноэлем Алескоу. Ее блог <http://LookAroundMe.blogspot.com>.

Элзи Шмид Кноке – медсестра на пенсии, училась в Университете Рузвельта и Школе менеджмента Келлога. Поет в церковном хоре и является волонтером программы для слепых и для людей, страдающих дислексией. Также она много путешествует с мужем. Среди ее работ есть эссе, художественная проза и поэзия.

Элизабет Шмейдлер – мама трех прекрасных сыновей. Она автор стихотворений, детских рассказов и новелл и вдохновляющий оратор. Элизабет записала три диска с оригинальными музыкальными композициями. Сейчас она работает над своим новым диском «Believe». Ее контакты www.elizabethshop.org.

Элис Е. Мушани живет в Флинт-Хилле, штат Миссури, и ждет выхода на пенсию после сорока лет работы. Ее хобби – плавание, походы, литература и фотография. Восемь внуков являются превосходными моделями для ее творчества. Публиковала свои истории в книге *Cup of Comfort* и в настоящий момент задает тон в издании *Suburban Journal*.

Энджи Лаймон Тейлор – писатель и поэт. В настоящее время учится на факультете цифровых коммуникаций и медиа в Университете Нью-Йорка. Она с удовольствием читает, бегаёт по утрам и любит посмеяться. Ее будущие писательские проекты включают уникальную серию детских книг.

Энн М. Шеридан – основатель ресурса www.bimbosbuddies.org и автор книги для детей, больных раком, под названием «У собак тоже бывает рак». Энн написала истории для нескольких книг серии *Куриный бульон для души*. Она живет в Лонг-Бранч, штат Нью-Йорк.

Эссе и короткие истории **Энтони Джей Мура** появлялись в изданиях *Christian Science Monitor*, *The Sacramento Bee*, трех антологиях и некоторых литературных журналах, включая такие, как *Bibliophilos*, *The LBJ: Avian*

Life – Literary Arts, Literary House Review, Oracle, и Word Riot. Живет в Лос-Анджелесе.

Знакомьтесь с нашими создателями

Джек Кэнфилд – один из создателей серии книг *Куриный бульон для души*, которую журнал *Тайм* назвал «издательским феноменом десятилетия». Он также является соавтором многих других бестселлеров.

Джек – генеральный директор «Кэнфилд Тренинг Групп» в Санта-Барбаре, штат Калифорния, а также основатель Фонда самоуважения в Калвер-Сити, штат Калифорния. Он проводит интенсивные личностные и профессиональные семинары о принципах успеха, на которых уже побывало более миллиона людей из двадцати трех стран. Джек встречается с сотнями тысяч специалистов в различных корпорациях, университетах, на профессиональных конференциях и собраниях, и еще многим миллионам он знаком по национальным телевизионным шоу.

Джек получил множество наград, включая три почетные докторские степени и сертификат Книги рекордов Гиннеса за свои семь книг серии *Куриный бульон для души*, появившихся в списке бестселлеров «Нью-Йорк Таймс» 24 мая 1998 года.

Больше информации о Джеке на сайте www.jackcanfield.com.

Марк Виктор Хенсен – еще один из создателей серии наряду с Джеком Кэнфилдом. Он блестящий оратор, автор бестселлеров и эксперт в области маркетинга. Высказывания Марка о возможностях, способностях и действии способствовали мощным изменениям в тысячах организаций и в душах миллионов людей по всему миру.

Марк – плодовитый автор: помимо серии *Куриный бульон для души* у него немало бестселлеров. Он также основатель серии семинаров МЕГА.

Марк получил многочисленные премии за предпринимательский дух, человеколюбивое сердце и проницательность в бизнесе. Он пожизненный член Ассоциации Горацио Элджера «Выдающийся американец».

Ближе с Марком можно познакомиться на сайте www.markvictorhansen.com.

Эми Ньюмарк – издатель серии *Куриный бульон для души*, писатель с тридцатилетним стажем, оратор, финансовый аналитик и руководитель бизнеса в сфере финансов и телекоммуникаций. Она почетная выпускница Гарвардского колледжа со специализацией по португальскому языку. Четверо ее детей пошли по ее стопам, выбрав для обучения тот же колледж: двое родных получают образование и двое приемных стали

выпускниками.

После долгих лет работы над проектами по телекоммуникациям, многотомными финансовыми отчетами, бизнес-планами и корпоративными пресс-релизами *Куриный бульон для души* стал для нее глотком свежего воздуха. Она влюбилась в эту серию и написала истории для более двух дюжин книг.

Благодарности

Мы выражаем огромную благодарность всем нашим соавторам. Мы знаем, что вы изливали души в тысячах историй, которыми делились с нами и в конечном счете друг с другом. Мы ценим вашу готовность открывать свое сердце читателям книг нашей серии.

Мы можем опубликовать лишь небольшой процент историй, но, поверьте, мы читаем каждую из них, и даже те истории, которые не вошли в книгу, влияют на нас и на конечную версию издания.

Мы хотим поблагодарить помощника издателя Диэтт Корона за то, что она прочитала тысячи историй и стихов, которые были отобраны для этой книги. Она сформировала изначальную версию рукописи, и эта книга настолько же ее, насколько и наша. Мы также хотим поблагодарить нашего редактора и веб-мастера Барбару ЛоМонако и редактора Кристиану Глэвин за их работу над текстами и вычитку.

Особое спасибо хотелось бы сказать нашему креативному директору и продюсеру книги Брайану Тэйлору из «Pneuma Books» за его блестящее видение наших обложек и внутреннего оформления. И, наконец, ничто из вышеперечисленного не было бы возможным без творческого руководства нашего исполнительного директора Билла Руханы и нашего президента Боба Джейкобса.

О серии «Куриный бульон для души»

Реальные люди делятся реальными историями... в течение 20 лет. Теперь *Куриный бульон для души* вышел далеко за пределы книжных магазинов, чтобы стать мировым лидером в изменении жизни людей к лучшему. Через книги, фильмы, DVD, онлайн-ресурсы и другие средства мы несем надежду, вдохновение и любовь сотням миллионов людей по всему миру. Писатели серии книг *Куриный бульон для души* и ее читатели принадлежат к своего рода мировому сообществу, делящемуся советами, оказывающему поддержку и дарующему утешение.

Истории этой серии переведены на более чем сорок языков и изданы в более чем сотне стран мира. Каждый день миллионы людей читают их в книгах, журналах или Интернете. Делясь своими историями, мы предлагаем надежду, утешение и вдохновение друг другу. Эти истории кочуют от одного человека к другому и из страны в страну, помогая изменить жизнь к лучшему повсюду.

Примечания

1

Процесс О. Дж. Симпсона – громкое дело по обвинению известного американского футболиста и актера О. Дж. Симпсона в убийстве его бывшей жены и ее приятеля; самый долгий судебный процесс в Калифорнии, продолжавшийся 9 месяцев.

2

Автор бестселлера «Книга № 1. Про счастье. Практическое руководство по обретению счастья» (М.: «Эксмо», 2015).

3

В театре задник – это рама, на которую крепится канва. После нанесения декораций он используется как фон для сцены.

4

Книга Джона Грэя, на русском языке выпускает издательство «София».

5

Книга Стива Харви, выпускает издательство «Эксмо».

6

Некоторые колледжи и вузы США при поступлении требуют наличие определенного количества часов работы, не обязательно по изучаемой специальности, допустима сфера обслуживания и проч. Сегодня такая система есть только в некоторых школах, но в 1960—1970-х гг. прошлого века она была развита практически повсеместно.

7

Geritol® – мультивитаминный комплекс, выписываемый врачами в

США в основном пожилым людям в качестве источника железа.

8

Лига плюща – ассоциация восьми частных американских университетов на северо-востоке США: Брауновский университет, Гарвардский университет, Дартмутский колледж, Йельский университет, Колумбийский университет, Корнельский университет, Пенсильванский университет и Принстонский университет.

9

С учетом инфляции, сегодня (в 2015 году) это примерно 57 долларов США.

10

Джордж Констанца – персонаж Джейсона Александера из сериала «Сайнфелд», популярного в США в 1990-х гг.

11

В США двойное имя присуще бедным слоям общества, деревенщине: Билли Джо, Мэри Энн и т. п. Не путать со вторым именем, которое обычно не употребляется в обществе, а существует только в документах.

12

Отсылка к книге писателя Томаса Вулфа «Домой возврата нет».

13

В США для протестантов Великий пост – время отказа от каких-то удовольствий, не обязательно в еде. Это может быть воздержание от плохих слов, от пользования смартфоном или, как у героини рассказа, от свиданий.

14

Песня из мультфильма Уолта Диснея «Пиноккио» (*Примеч. пер*).

15

«Выходные в Новой Англии».

16

«Кто-то в Новой Англии».

17

4 июля – День независимости в США. Традиционно празднуется запуском множества фейерверков.

18

Самый высокий балл по системе оценки успеваемости в США.

19

Все хорошо? (*фр.*)

20

Да, все хорошо. (*фр.*)

21

Строка из стихотворения Элизабет Браунинг «Сонет 43».

22

«Генрих IV».

23

Еврейский танец, исполняется под аккомпанемент оркестра.

24

Легендарный танцор американских мюзиклов.

25

Отсылка к сказке «Удивительный Волшебник из Страны Оз» Ф. Баума, которая на русском языке больше известна в пересказе А. Волкова и называется «Волшебник Изумрудного города».

26

Популярная телевизионная игра в Америке (The Newlywed Game), в которую играют и на свадьбах с уже замужними парами из числа приглашенных.

27

Оригинальное название местечка *Snitterfield* содержит в корне слово *snit*, которое на русский язык можно перевести как «хандра», «раздражение».

28

В оригинальном названии *Summerfield* главное слово – *summer*, что в переводе на русский означает «лето».

29

Отсылка к фразе Джеймса Бонда о приготовлении martinis – *shaken, not stirred*, что значит «взболтать, не смешивать». Оригинальное название этой истории *Shaken and stirred*.

30

Уилл был геем.

31

Популярный американский бренд по производству пива и ликеров.

32

Сорт дорогого французского вина.

33

Магазин аксессуаров из кожи.

34

Сеть магазинов и супермаркетов в Америке.

35

Фильмы этой кинокомпании отличаются своеобразным академизмом, вдумчивым воспроизведением деталей прошлого, тщательно подобранным актерским составом. В репертуаре по большей части историческое кино высшей пробы.

36

«Я буду любить тебя... всегда».

37

Один из самых узнаваемых чернокожих актеров Америки с ирокезом на голове и большим количеством золотых цепей.

38

«На веки вечные».

39

Это комедийная сцена («Who's on first»), ставшая знаменитой благодаря комикам Эббот и Костелло. Сюжет основан на том, что Эббот называет Костелло бейсболистов, однако их имена и прозвища могут быть интерпретированы как ничего не значащие ответы на вопросы Костелло. Например, игрока на первой базе зовут «Кто». Поэтому на слух вопрос «Кто на первой базе» воспринимается двояко: как вопрос (Какой игрок на первой базе?) и как ответ (Имя игрока на первой базе – Кто).

40

В Америке детям в детском саду или в начальной школе не ставят оценки, вместо этого выдают золотые звездочки за какие-то успехи.